

УЧРЕДИТЕЛЬ: Коллегия Адвокатов г. Челябинска

18+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КУДИНОВ В. В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора Республиканского научно-исследовательского института по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **ВОРОНИН Ю. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск); **ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, почетный сотрудник МВД России, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАЕН (г. Москва); **ДАРОВСКИХ С. М.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДЕНИСОВА А. В.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДЕНИСОВИЧ В. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДОБРОБАБА М. Б.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДУНДУКОВ М. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института проблем безопасности СНГ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень); **ЙИРАСЕК Й.**, заведующий кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкого в г. Оломоуц, кандидат юридических наук (Чешская Республика); **КАРАСЕВ А. Т.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **КОСТЮК М. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва); **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (г. Тверь); **ЛЕКСИН И. В.**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления, заместитель декана факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова по развитию (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **МИХАЙЛОВ В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ; **МУШКЕТ И. И.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН (г. Самара); **НИКОДИМОВ И. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета (г. Москва); **ПЕТРОВ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); **ПЕТРОВ П. К.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия» (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса экспертной деятельности Челябинского государственного университета (г. Челябинск); **СЕРОВА О. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков); **УТКИН Н. И.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева (г. Санкт-Петербург); **ХАМИДУЛЛИНА Ф. И.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); **ЯКУПОВ В. Р.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск).

Шеф-редактор **П. К. Петров**. Ответственный секретарь **В. В. Денисович**. Верстка **В. Н. Хазарова**

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала **73848**

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области

Регистрационный номер серии ПИ № ТУ74-01474 от 11 октября 2023 г.

Адрес редакции: Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10

Тел./факс +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. E-mail: problemiprava28@mail.ru

Сайт журнала: <http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

© «Проблемы права», 2003—2026

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

2, 2026

18+

FOUNDERS JOURNAL: Chelyabinsk Bar Association

CHIEF EDITOR

V. V. KUDINOV, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

A. B. BEKMAGAMBETOV, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute for Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **Yu. A. VORONIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **V. Yu. GOLUBOVSKY**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow); **S. M. DAROVSKIKH**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Departments of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination of South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. V. DENISOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow); **V. V. DENISOVICH**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies at the Institute of Linguistics and Translation of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **M. B. DOBROBABA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow); **M. Yu. DUNDUKOV**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the CIS Security Research Institute (Moscow); **S. S. ZENIN**, Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law of the Tyumen State University (Tyumen); **Y. YIRASEK**, Head of the Department of Constitutional Law and Public International Law of the Faculty of Law of the University Palackého in G. Olomouc, Candidate of Law (Czech Republic); **A. T. KARASEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **M. F. KOSTYUK**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **V. I. KRUSS**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of Tver State University (Tver); **I. V. LEKSIN**, Doctor of Law, Candidate of Economics, Head of the Department of Legal Foundations of Management, Deputy Dean of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University for Development (Moscow); **A. V. MAYFAT**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. A. MALINOVSKY**, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Republic of Kazakhstan, (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **V. I. MIKHAILOV**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **I. I. MUSKET**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Respect for the Electoral Rights of Citizens of the Member States participants of the IPA CIS (Moscow); **A. P. NEKRASOV**, Professor of the Department of Professional Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Professor (Samara); **I. Yu. NIKODIMOV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian State Social University (Moscow); **A. V. PETROV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (St. Petersburg); **P. K. PETROV**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **N. A. PODOLNY**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings of the Sredne-Volzhsky (Saransk) Branch of the Russian Law Academy (Saratov); **A. B. SERGEEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Expert Activity of the Federal State Budgetary Educational Institution Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **O. A. SEROVA**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Pskov State University (Pskov); **N. I. UTKIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev (St. Petersburg); **F. I. KHAMIDULLINA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan); **V. R. YAKUPOV**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private Law of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk).

Editorial Director **P. K. Petrov**; Executive Editor **V. V. Denisovich**; Layout by **V. N. Khazarov**

Address of the editors office: 454091, Room 15/10, 12, Pushkin St., Chelyabinsk, Russia
Phone/Fax +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. problemiprava28@mail.ru
<http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

В НОМЕРЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 7 —

Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л.

Метод убеждения в административно-правовом регулировании защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

— 13 —

Иванов А. Ю.

Полномочия МВД России по применению работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения

— 17 —

Смолин Д. В.

Цифровые платформы как посредники в обороте музыкальных прав: правовой статус и ответственность

— 23 —

Ушаков В. Н.

Территории экологического неблагополучия: аспекты правового регулирования в России

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

— 28 —

Старков А. В.

Теории, обосновывающие смежное право

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 32 —

Бекетова Ю. А.

Достоверность заключения судебно-токсикологической экспертизы при расследовании убийства с применением отравляющих веществ: проблемы оценки и критерии истинности

— 39 —

Волкова А. В.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьёй 272¹ УК РФ: проблемы теории и практики

— 50 —

Вылегжанин Н. С.

Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции: криминалистический аспект

— 59 —

Денисова А. В., Китсинг В. А.

Особенности объективных признаков состава дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок

3

— 70 —

Захарян С. Ю.

Субъект преступления, предусмотренного статьёй 274⁴ УК РФ

— 77 —

Кравчук С. В.

Субъективная сторона преступления,
предусмотренного статьёй 274³ УК РФ

— 86 —

Лазарев Д. А.

Расследование компьютерных преступлений:
специфика криминалистического обеспечения

— 94 —

Майоров А. В.

Проблемы определения культурных ценностей
как предмета уголовно-правовой охраны

— 101 —

Миллеров Е. В., Миллерова А. Е.

Лингвистические аспекты в вопросах уголовно-правовой оценки
и доказывания преступного неуважения к суду

— 106 —

Петров П. К., Денисович В. В.

Нормативно-правовое регулирование в сфере информационной безопасности

— 112 —

Шипков А. Г.

О юридической природе уголовно-правовой оценки деяния

— 118 —

Шутова А. А.

Уголовно-правовое обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения:
результаты диссертационного исследования

— 131 —

Мехдиева Н. Г.

Нотариус — гарант прав при открытии наследства

— 136 —

Татьянина Л. Г.

Обеспечение национальной безопасности
и процессуальные гарантии иностранных граждан в уголовном процессе РФ:
поиск баланса

IN THIS ISSUE

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

— 7 —

Kazantseva O. L., Eremykina L. L.

Method of Persuasiveness in Administrative and Legal Regulation
of the Protection of Traditional Russian Spiritual and Moral Values

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

— 13 —

Ivanov A. Yu.

Authority of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
to Use Special Technical Equipment that Operates in Automatic Mode
and has Photographic and Video Capture Functions for Detecting Road Traffic Violations

— 17 —

Smolin D. V.

Digital Platforms as Intermediaries in the Turnover of Musical Rights:
Legal Status and Responsibility

— 23 —

Ushakov V. N.

Territories of Environmental Disturbance:
Aspects of Legal Regulation in Russia

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 28 —

Starkov A. V.

Theories Underlying Related Law

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 32 —

Beketova Yu. A.

Reliability of the Conclusion of the Forensic Toxicological Examination
in the Investigation of Murder with the Use of Toxic Substances:
Assessment Problems and Criteria of Truth

— 39 —

Volkova A. V.

The Objective Side of the Crime Provided
for by Article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation:
Problems of Theory and Practice

— 50 —

Vy`legzhanin N. S.

Features of the Investigation of Crimes Related to the Trafficking
of Unmarked and Adulterated Alcoholic Beverages: Criminalistic Aspect

— 59 —

Denisova A. V., Kitsing V. A.

Feature of Objective Signs of Giving a Bribe
in the Sphere of State and Municipal Procurement

5

— 70 —

Zakharyan S. Y.

The Subject of a Crime
under Article 274⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation

— 77 —

Kravchuk S. V.

The Subjective Side of the Crime,
Provided for by Article 274³ of the Criminal Code of the Russian Federation

— 86 —

Lazarev D. A.

Investigation of Computer Crimes:
the Specifics of Forensic Support

— 94 —

Mayorov A. V.

Problems of Defining Cultural Values
as a Subject of Criminal Law Protection

— 101 —

Millerov E. V., Millerova A. E.

Linguistic Aspects in Criminal Law Assessment
and Proof of Criminal Disrespect for the Court

— 106 —

Petrov P. K., Denisovich V. V.

Legal Regulation in the Field of Information Security

— 112 —

Shipkov A. G.

On the Legal Nature of Criminal-legal Assessment of an Act

— 118 —

Shutova A. A.

Criminal Law Provision of Digital Security of the Healthcare System:
Results of the Dissertation Research

— 131 —

Mekhdieva N. G.

The Notary is the Guarantor of the Rights of Inheritance

— 136 —

Tatyanina L. G.

Ensuring National Security and Procedural Guarantees
for Foreign Citizens in Russian Criminal Procedure: Striking a Balance

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-7-12

УДК 342

Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л.

МЕТОД УБЕЖДЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье исследуется метод убеждения в административно-правовом регулировании защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, анализируются формы его реализации, отмечается, что данный метод является более эффективным по сравнению с методом принуждения, поскольку он не основан на страхе наказания и вынужденном формальном соблюдении норм права, а воздействует непосредственно на сознание граждан, формируя правильные ценностные установки и понимание важности сохранения и защиты традиционных ценностей, а следовательно, его результативность пролонгируется во времени. Авторами формулируются предложения по совершенствованию применения метода убеждения в сфере защиты традиционных ценностей.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; метод убеждения; Конституция РФ; административно-правовое регулирование; государственная политика.

Для цитирования: Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л. Метод убеждения в административно-правовом регулировании защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 7–12. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-7-12

Kazantseva O. L., Eremeykina L. L.

METHOD OF PERSUASIVENESS IN ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Abstract. The article examines the method of persuasion in the administrative and legal regulation of the protection of traditional Russian spiritual and moral values, analyzes the forms of its application, and notes that this method is more effective than the method of coercion, since it is not based on fear of punishment and forced formal compliance with legal norms. It acts directly on the consciousness of citizens, forming correct values and understanding the importance of preserving and protecting traditional values, and therefore its effectiveness is prolonged over time. The authors formulate proposals to improve the application of the method of persuasion in the field of protection of traditional values.

7

Теоретико-исторические
правовые науки

Keywords: *spiritual and moral values; method of persuasion; Constitution of the Russian Federation; administrative and legal regulation; public policy.*

For citation: Kazantseva O. L., Ereimeikina L. L. Method of Persuasiveness in Administrative and Legal Regulation of the Protection of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 7–12. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-7-12

Традиционные духовно-нравственные ценности являются основой административно-правовой политики государства и играют важнейшую роль в обеспечении национального достоинства и укрепления нравственных основ России [1–4]. На современном этапе своего развития российское государство столкнулось с глобальными вызовами и реальными угрозами национальной безопасности, что подтолкнуло его к избранию действенных мер по укреплению международного мира и правопорядка, отстаиванию общечеловеческих ценностей, представляющих значимость для всего мирового сообщества.

В таких условиях особенно важно сформировать фундамент, сплачивающий все российское общество национальной идеей, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях как основе российской государственности, что позволит России преодолеть все возникающие на ее пути испытания и обеспечить дальнейшее гармоничное развитие.

Особую актуальность приобретает исследование традиционных российских духовно-нравственных ценностей через призму административно-правовой политики, реализуемой российским государством. Как и любое преобразование в области государственного строительства, административно-правовая политика в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует опоры на надлежащие доктринальные основы, представляющие собой результаты активной научной деятельности, направленной на изучение административно-правовых аспектов охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Целью работы является выявление преимуществ метода убеждения в административно-правовой политике как средства обеспечения должной защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, определение и систематизация форм реализации данного метода, а также предложение мер по их совершенствованию.

Метод убеждения представляет собой комплекс мер административно-правового характера, направленных на формиро-

вание у граждан осознанного отношения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. В силу своей значимости он является приоритетным в государственной административной политике [5], несмотря на то что в отечественной правовой науке в основном исследуется административное принуждение как выражение публичного характера государства [6–8].

Метод убеждения предполагает активное информирование и просвещение граждан с целью формирования у них осознанного положительного отношения к ценностям, которые признаются государством и обществом. В отличие от наказаний или ограничений, этот метод нацелен на внутреннюю мотивацию и сознательное принятие норм и идеалов. В контексте защиты духовно-нравственных ценностей он служит формированию уважения к историческому наследию, культурным традициям и религиозным взглядам, что способствует укреплению единства и устойчивости общества.

Поощрение добросовестного исполнения правовых и моральных предписаний и формирование осознанного отношения к аксиологической составляющей общества — главенствующие цели метода убеждения как средства охраны традиционных нравственных ориентиров.

Преимущество данного метода заключается в его гуманном характере, уважении к личной свободе и праву каждого на выбор ценностных ориентиров. Это способствует формированию внутренней мотивации и стабильности моральных установок. Кроме того, такой подход способствует развитию гражданского сознания и культурной идентичности.

Однако существуют и вызовы. Один из них — необходимость правильного и деликатного выбора информационных методов, чтобы не провоцировать негативную реакцию, противостояние или неверное толкование традиционных ценностей. Также важно учитывать многообразие мнений и религиозных взглядов, чтобы не ущемлять права меньшинств и избегать дискриминации. Необходимо учитывать тонкую грань между позитивной пропагандой и ин-

формационным репрессированием социальных групп.

Тем не менее использование метода убеждения в рамках административно-правового регулирования является важнейшим инструментом защиты и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Он способствует формированию гражданской ответственности, уважения к культурному наследию и развитию духовной гармонии в обществе. В условиях современности такой подход позволяет сочетать государственную политику с демократическими принципами, создавая условия для гармоничного развития личности и общества в целом.

Среди существенных характеристик данного метода целесообразно выделить гибкость. Видится важным, что метод убеждения требует постоянного совершенствования способов позитивного воздействия на сознание граждан в соответствии с изменяющимися условиями общественной жизни. Более того, метод убеждения описан в правовых актах лишь в самом общем виде [9], что предполагает его конкретизацию в процессе изменчивой правоприменительной деятельности.

Представляется, что ориентация на использование метода убеждения в административно-правовой политике наиболее оправдана с учетом его превентивного воздействия на основания зарождения умысла совершения правонарушений, посягающих на традиционные ценности российского народа, которые коренятся в девиациях правового сознания. Эти девиации можно особенно эффективно устранять и профилировать именно посредством убеждения, а не только с помощью различных форм принуждения, в фундаменте которых лежит страх наказания и негативных последствий для виновного.

Целями использования метода убеждения выступают: формирование ценностной основы правового сознания граждан; укрепление государственного суверенитета, общероссийской идентичности и солидарности, взаимоуважения, семейных устоев и здорового образа жизни; развитие духовно-нравственного потенциала общества; противодействие деструктивной прозападной идеологии; поддержание мира и безопасности.

Для более точного понимания и дальнейшего совершенствования необходимо рассмотреть формы реализации метода убеждения и составить их классификацию, в особенности по сферам их направле-

ности, поскольку деление на подобные формы не только позволяет сформировать теоретическое представление о критериях их применимости, но и помогает практически дифференцировать правовое регулирование [10].

Под формами реализации метода убеждения предлагаем понимать способы или приемы реализации метода убеждения, с помощью которых возможно эффективно достигать поставленные цели административно-правовой политики.

В целом реализация данного метода осуществляется посредством информационного воздействия, проведения воспитательной работы, пропаганды позитивных примеров исполнения профессионального долга, формирования ценностного сознания. Убеждение может осуществляться в правовой сфере через такие позитивные юридические средства, как субъективные права, законные интересы, льготы и т. д. [11].

В рамках государственной политики по сохранению традиционных ценностей метод убеждения реализуется через принятие нормативных актов, программ просветительской деятельности, информационных кампаний, образовательных мероприятий и финансовую поддержку сохранения традиционных ремесел и народного искусства.

Например, государственные органы, органы местного самоуправления могут организовывать просветительские акции, направленные на популяризацию исторических и культурных ценностей, проводить лекции и семинары в образовательных учреждениях, а также использовать средства массовой информации для донесения положительного образа традиционной культуры.

Особенно важное значение имеет сотрудничество с церковными и общественными организациями, которые являются носителями духовных ценностей и играют ключевую роль в формировании моральных ориентиров граждан. В этом контексте государство выступает не как диктатор, а как партнер, создавая условия для внутреннего убеждения через пропаганду, образование и просветительские инициативы.

Административно-правовое регулирование использует метод убеждения в следующих сферах:

1. Образование и воспитание. В данной сфере выраженными направлениями административно-правовой политики выступают: формирование ценностного ядра

правовой системы и правового сознания, а также гражданской идентичности; трансляция позитивного опыта защиты традиционных ценностей, усвоение основополагающих концептов российского менталитета и духовности, сохранение исторической правды и привитие патриотизма молодому поколению. Меры по административному убеждению в сфере образования и воспитания осуществляются такими субъектами, как родители, иные родственники, учреждения общего, среднего и высшего образования, а также профессиональной переподготовки и подготовки кадров высшей категории, СМИ и пр. Стоит отметить, что образование продолжается на протяжении всей жизни индивида с целью непрерывного совершенствования его нравственных качеств. В сфере образования и воспитания можно выделить следующие формы воздействия убеждением: разработка учебных программ с опорой на традиционные ценности; организация воспитательных и просветительских мероприятий, а именно семинаров, лекций, курсов, направленных на качественное информирование граждан о единой природе традиционных российских духовно-нравственных ценностей; проведение патриотических акций и конкурсов, посвященных событиям истории российского народа, семейным традициям и т. д.

2. Культура и история. Будучи тесно связанной с образованием, культура поддерживает многообразие традиционных творческих течений, генерацию инновационных идей, а также их сотрудничество, духовную основу жизнедеятельности общества. Поддержка проектов, направленных на популяризацию традиционных ценностей и достижений отечественной культуры, сохранение историко-культурного наследия, развитие библиотечного и архивного дела — основные формы использования метода убеждения в данной сфере. С учетом конституционной важности защиты исторической правды как историко-правовой категории необходимо отметить, что «в ее защиту входят такие процессы, как: 1) борьба с фальсификацией истории; 2) борьба с «переписыванием» (искажением) истории; 3) борьба с уничтожением исторической памяти» [12]. Элементы формализации традиционных духовно-нравственных ценностей можно обнаружить в законодательстве о культуре. Перечень оснований, обосновывающих вмешательство государства в творческую деятельность граждан, который содержит-

ся в статье 31 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденный Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612–1, выглядит достаточно ограниченным в сравнении с нормативным содержанием ст. 55 Конституции РФ, которая предусматривает основания для ограничения прав человека. Следует, однако, предполагать, что ограничение культурной деятельности возможно и в случае, если она посягает на нравственность, историческую правду, безопасность государства и основы конституционного строя.

3. Социальная сфера. Формирование образа ответственного работника, пропаганда здорового образа жизни, награждение государственными наградами особо активных участников гражданского общества и должностных лиц, присвоение почетных званий, оказание социальной поддержки — такими формами осуществляется сохранение традиционных ценностей. Несмотря на то, что финансирование не должно являться единственным стимулом защиты и трансляции ценностных ориентиров, важно поощрять добровольцев, которые трудятся на благо общества и государства. В статье 75.1 Конституции РФ (внесена в текст Основного закона в 2020 году) указано, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

4. Информационная политика и интернет-пространство. В данной области правового регулирования представляется важным правовое информирование граждан о значимости традиционных ценностей, противодействие деструктивной идеологии, экстремистским, террористическим, антидемократическим, коррупционным течениям и проявлениям, а также поддержание безопасного информационного пространства.

5. Законодательство. Путем создания правовой базы полноценно функционирует весь общественный механизм. Определение традиционных ценностей, конкретизация механизмов их сохранения и защиты, установление ответственности за нарушение законодательных и нравственных предписаний в сфере охраны основопола-

гающих ценностей, придание нормативности инструкциям по оказанию государственной поддержки социально значимым проектам, порядку проведения просветительской работы — одновременно задачи и формы метода убеждения, способствующие раскрытию его потенциала.

Также можно выделить формы реализации метода убеждения по сущности — материальные (финансирование научно-исследовательской деятельности, предоставление грантов, наград, стипендий, материального обеспечения) и духовные (преобладают вторые); по времени осуществления — краткосрочные и долгосрочные; по субъектам, их осуществляющим, — официальные (органы государственной власти и местного самоуправления) и неофициальные (институты гражданского общества); по ожидаемым результатам — стимулирующие, мировоззренческие и ценностные; по сложности — составные (цикл мероприятий) и простые, или единичные; по распространению влияния — индивидуальные (направлены на конкретного человека), групповые, всероссийские, международные; по достижению целей — эффективные, малоэффективные, неэффективные; по первоисточнику — законодательные, подзаконные, иные и т. д.

Эффективность применения метода убеждения определяется не только формальным соответствием проведенных мероприятий их плану, системностью реализации и комплексным подходом монито-

ринга результатов, но и качеством процесса передачи бесценного опыта и созидательных идей последующим поколениям, оценки правильности понимания базисных идеологем российского общества, учетом региональных особенностей и местных традиций, активным участием граждан в механизме защиты традиционных ценностей.

В целях совершенствования реализации метода убеждения следует продолжать развивать координационную деятельность органов публичной власти и представителей общественных организаций посредством создания общественных органов и советов, на заседания которых могли бы являться в том числе граждане, не являющиеся членами данных органов, с целью публичного выступления и обозначения собственных стратегий сохранения традиционных ценностей и внесения совместных законодательных инициатив. Также акцент необходимо сделать на качестве пропаганды моральных идеалов, разрешения правовых и нравственных дилемм и отсутствии формализма при выполнении общественного долга.

Таким образом, можно сделать вывод, что метод убеждения выступает эффективным инструментом административно-правового регулирования, позволяющим защищать традиционные российские духовно-нравственные ценности, содействовать развитию человеческого потенциала и формировать благоприятную среду для устойчивого развития российского общества.

Литература

1. Неверов А. Я. Сохранение российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13. № 2. С. 117–124.
2. Расторгуев С. В. Смыслы традиционных духовно-нравственных ценностей в официальном дискурсе // Власть. 2025. № 2. С. 161–166.
3. Хижняк В. С. Охрана и защита традиционных духовно-нравственных ценностей как один из приоритетов деятельности публичной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 31–44.
4. Мещеряков Д. А. Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечения национальной безопасности России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18–1. С. 200–202.
5. Максимов И. В. Убеждение и принуждение как методы управленческой деятельности // Актуальные вопросы административно-правового регулирования в современной России. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 50–55.
6. Мельников В. А. Административное принуждение: анализ подходов к определению и его основных черт // Полицейское право. 2005. № 1(1). С. 30–34.
7. Силкин М. М. Административно-принудительные меры медицинского характера: понятие, признаки и место в системе административного принуждения // Юрист-Правовед. 2013. № 2(57). С. 109–113.
8. Попов Л. Л. Убеждение и административное принуждение как методы публичного (государственного) управления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 33–47.
9. Амеличаков И. Ф., Анисимова Т. В. Метод убеждения в работе полиции: междисциплинарный аспект // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3(81). С. 9–17.

10. Самойлюк Р. Н. Методы осуществления государственной власти в Российской Федерации / Нижний Новгород: Частное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская правовая академия», 2015. 166 с.
11. Аскерова Л. А. Убеждение и принуждение в механизме правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2(74). С. 12–15.
12. Наумова Н. В., Караев А. Р. Историческая правда как новая конституционно-правовая категория // Ученые записки. 2022. № 4(44). С. 155–160.

References

1. Neverov A. Ja. Sohranenie rossijskich duhovno-nravstvennyh cennostej kak uslovie obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. T. 13. № 2. S. 117–124.
2. Rastorguev S. V. Smysly tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej v oficial'nom diskurse // Vlast'. 2025. № 2. S. 161–166.
3. Hizhnjak V. S. Ohrana i zashhita tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej kak odin iz prioritetov dejatel'nosti publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2025. № 3. S. 31–44.
4. Meshherjakov D. A. Ukreplenie tradicionnyh rossijskich duhovno-nravstvennyh cennostej kak uslovie obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossii // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. 2023. № 18–1. S. 200–202.
5. Maksimov I. V. Ubezhdenie i prinuzhdenie kak metody upravlencheskoj dejatel'nosti // Aktual'nye voprosy administrativno-pravovogo regulirovanija v sovremennoj Rossii. M.: VNII MVD Rossii, 2008. S. 50–55.
6. Mel'nikov V. A. Administrativnoe prinuzhdenie: analiz podhodov k opredeleniju i ego osnovnyh chert // Policejskoe pravo. 2005. № 1(1). S. 30–34.
7. Silkin M. M. Administrativno-prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: ponjatie, priznaki i mesto v sisteme administrativnogo prinuzhdenija // Jurist#-Pravoved#. 2013. № 2(57). S. 109–113.
8. Popov L. L. Ubezhdenie i administrativnoe prinuzhdenie kak metody publichnogo (gosudarstvennogo) upravlenija // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGJuA). 2021. № 6. S. 33–47.
9. Amel'chakov I. F., Anisimova T. V. Metod ubezhdenija v rabote policii: mezhdisciplinarnyj aspekt // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 3(81). S. 9–17.
10. Samojljuk R. N. Metody osushhestvlenija gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii / Nizhnij Novgorod: Chastnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Nizhegorodskaja pravovaja akademija», 2015. 166 s.
11. Askerova L. A. Ubezhdenie i prinuzhdenie v mehanizme pravovogo regulirovanija // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2011. № 2(74). S. 12–15.
12. Naumova N. V., Karaev A. R. Istoricheskaja pravda kak novaja konstitucionno-pravovaja kategorija // Uchenye zapiski. 2022. № 4(44). S. 155–160.

Сведения об авторах

Казанцева Олеся Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: verwaltung@mail.ru.

Еремейкина Лада Львовна — студент 3 курса юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». E-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru.

Information about the authors

Kazantseva Olesya Leonidovna — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Altai State University. E-mail: verwaltung@mail.ru

Eremeykina Lada Lvovna — 3rd year student of the Law Institute of the Altai State University. E-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 23.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-13-16

УДК 342.95

Иванов А. Ю.

ПОЛНОМОЧИЯ МВД РОССИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ РАБОТАЮЩИХ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ИМЕЮЩИХ ФУНКЦИИ ФОТОВИДЕОФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. Произведённый анализ научных публикаций, действующего законодательства Российской Федерации, нормативных актов МВД России, позволил сформулировать предложения по совершенствованию практики применения полномочий территориальными органами МВД России по отключению (неприменению) работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения.

Ключевые слова: специальные технические средства фотовидеофиксации, нарушения правил дорожного движения, административные правонарушения, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Иванов А. Ю. Полномочия МВД России по применению работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 13–16. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-13-16

Ivanov A. Yu.

AUTHORITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO USE SPECIAL TECHNICAL EQUIPMENT THAT OPERATES IN AUTOMATIC MODE AND HAS PHOTOGRAPHIC AND VIDEO CAPTURE FUNCTIONS FOR DETECTING ROAD TRAFFIC VIOLATIONS

Abstract. The analysis of scientific publications, current legislation of the Russian Federation, and regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation allowed us to formulate proposals for improving the practice of using the powers of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to disable (not use) special technical devices that operate in automatic mode and have the function of photo and video recording of traffic violations.

Keywords: special technical devices for photo and video recording, traffic violations, administrative offenses, and road safety

13

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

For citation: Ivanov A. Yu. Authority of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to Use Special Technical Equipment that Operates in Automatic Mode and has Photographic and Video Capture Functions for Detecting Road Traffic Violations. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 13–16. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-13-16

В 2024 году МВД России возбуждено 255,1 млн (+6,3 %) дел об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения. Абсолютное большинство (236,8 млн, или 93 %) дел об административных правонарушениях в сфере БДД возбуждено в отношении собственников транспортных средств [1], за шесть месяцев 2025 года возбуждено 106,2 млн дел об административных правонарушениях, что на 7,5 % меньше, чем годом ранее. Число нарушений ПДД сократилось впервые за 15 лет, однако не смотря на указанное обстоятельство, анализ статистических данных, научных публикаций [2–4], свидетельствует о существенном увеличении нагрузки на специализированные подразделения ГИБДД МВД России, также свидетельствует о повышении роли автоматизации обработки данных формируемых в следствии применения технических средств в автоматической фотовидеофиксации.

В настоящее время функционирование системы автоматической фиксации нарушений ПДД регулируется Федеральным законом от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Основные задачи и функции в части обработки информации, поступающей с специальных технических средств, имеющих функции фотовидеофиксации нарушений ПДД возложены на Центры автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД МВД России (далее — ЦАФАП). Анализ действующих нормативных правовых актов показал, что в настоящее время в деятельности ЦАФАП не урегулирован в полном объеме порядок применения средств фиксации нарушений ПДД, в частности при использовании показаний указанных технических средств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Указанный вывод обосновывается следующими обстоятельствами:

Первое, из содержания п. 5 ст. 3, ст. 22.1 Федерального закона № 257-ФЗ и постановления Правительства РФ от 01.06.2024 № 754 следует, что указан-

ные нормативные документы регламентируют порядок размещения средств фиксации на автомобильных дорогах и улично-дорожной сети и не охватывают правоотношения, регулируемые Федеральным законом от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс РФ об административных правонарушениях», также определяют, что указанные технические средства отнесены к элементам обустройства автомобильных дорог.

Стационарные, передвижные, мобильные средства фиксации должны обеспечивать контроль соблюдения ПДД и осуществлять фиксацию в зоне своего обзора все нарушения ПДД, для выявления которых они предназначены, независимо от усмотрения и без какого-либо непосредственного воздействия на них человека, также должны быть утверждены в установленном порядке в качестве средств измерений, иметь соответствующий сертификат и действующее свидетельство о метрологической поверке.

Второе, в ч. 5 ст. 22.1 Федерального закона № 257-ФЗ определен порядок отключения (неприменения) и (или) демонтажа стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации и (или) мобильных средств фиксации (далее — решение об отключении и (или) о демонтаже).

Третье, из содержания частей 7 и 10 ст. 22.1 Федерального закона № 257-ФЗ следует, что в случае принятия территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации обязательного для исполнения решения об отключении и (или) о демонтаже средств фиксации (ч. 7), уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации должен прекратить исполнение полномочий, указанных в подпунктах «а» и «б» пункта 2 части 9 настоящей статьи (п. 1 ч. 10):

- прекратить финансирование расходов, связанных с содержанием средств фиксации (п/п «а» п. 2 ст. 9);

- прекратить передачу информации, полученной с помощью средств фиксации в территориальные органы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации (п/п «б» п. 2 ст. 9), т. е. отключить приборы фиксации от сети передачи данных.

Согласно ч. 10 ст. 22.1 Федерального закона № 257-ФЗ полномочия по непосредственному отключению и (или) демонтажу средств фиксации (приборов) на автомобильных дорогах субъекта Российской Федерации должны быть возложены на соответствующую региональную организацию.

Решение об отключении и (или) о демонтаже технических средств фотовидеофиксации уполномочен принимать также региональный территориальный орган МВД России (ч. 7 ст. 22.1). Следовательно, какой-либо функционал (полномочие) для отключения указанных средств фиксации (приборов), в том числе от каналов связи, у подразделений ЦАФАП отсутствует.

Четвертое, согласно п. 4 ст. 4 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ Федеральные органы исполнительной власти вправе издавать нормативные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с использованием автомобильных дорог и осуществлением дорожной деятельности, в случаях и в пределах, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом.

Действующие ведомственные нормативные акты, а также распоряжение МВД России от 16.07.2024 № 1/8328 регламентируют вопросы реализации положений ст. 22.1 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ, Правил размещения стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 01.06.2024 № 754, но не регламентируют вопрос правоприменения, а именно не определяют регламент действий сотрудников ЦАФАП в случае если значительная часть материалов формируемых техническими средствами фотовидеофиксации неудовлетворительного качества.

Методические рекомендации, утвержденные распоряжением МВД России от 16.07.2024 № 1/8328, разъясняют порядок осуществления полномочий, предусмотренных ст. 22.1 Федерального закона № 257-ФЗ, и не содержат правовых норм, регулирующих работу с сервисами СПО «Паутина». Рассмотрение вопросов касающихся обработки материалов с признаками нарушений ПДД, предусмотренными ст. 12.6 КоАП РФ «Нарушение правил применения ремней безопасности» в СПО «Паутина» к компетенции членов комиссии и начальника ГИБДД субъекта Российской Федерации методическими рекомендаци-

ями, утв. распоряжением МВД России от 16.07.2024 № 1/8328, не отнесено.

Пятое, анализ правоприменительной практики ЦАФАП показал следующее: процессуальные решения об административной ответственности граждан сотрудниками ЦАФАП по материалам, зафиксированным средствами фиксации, должно приниматься на основании их визуального осмотра, и только в тех случаях, где имеется качественная доказательная база. Вопрос о достаточности данных разрешается должностным лицом по своему внутреннему убеждению (ст. 26.11 КоАП РФ). В рассматриваемом случае одной из задач сотрудников ЦАФАП является недопущение фактов необоснованного и незаконного привлечения владельцев транспортных средств к административной ответственности.

Комплексы фотовидеофиксации (далее — ФВФ) нарушений ПДД могут формировать ошибочную доказательную базу в условиях изменения метеорологических особенностей региона (погодных условий), в том числе при возникновении нестандартных событий (ДТП, различного рода дорожные работы, кратковременные регулировочные действия, отсутствие разметки и т. п.).

В связи с этим очевидно, что наибольший поток водителей с жалобами на незаконность действий сотрудников ЦАФАП, несогласных с назначенными штрафами, в том числе за нарушение правил применения ремней безопасности, возможен зимой и в начале весны, что может быть связано с ухудшением погодных условий, при которых формирование доказательной базы невозможно (низкое качество фотоматериалов), а также использованием в этот период зимней одежды, которая своими элементами перекрывает обзор камере, что ошибочно может интерпретировать как нарушение ПДД.

В КоАП РФ и иных нормативных актах отсутствуют нормы, устанавливающие принцип неотвратимости наказания за совершенные административные правонарушения, а также не предписывают отрабатывать 100 % материалов, поступающих от технических средств фиксации, по которым достаточная доказательная база отсутствует.

С учетом изложенного и в целях оптимизации деятельности ЦАФАП целесообразно приостанавливать фиксацию, без потери информации о проезде транспортных средств в случаях наступления

погодных условий (времени суток), при которых формирование доказательной базы невозможно, дорожных работ в зоне контроля или непосредственно перед ней, неоднократных жалоб граждан на корректность работы средств ФВФ с одновременным направлением соответствующей информации балансодержателю комплексов.

Для реализации указанного предложения необходимо разработать соответствующий порядок действий должностных лиц

ГИБДД МВД России и предусмотреть в ведомственных нормативных актах, так как положения Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ и действующие ведомственные нормативные акты не регулируют вопрос приостановления фиксации ПДД в условиях когда средства ФВФ формируют ошибочную доказательную базу (погодные условия и иные нестандартные события влекущие значительный рост жалоб участников дорожного движения).

Литература

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. — 108 с.
2. Дизер О. А., Абдулманова И. В. Совершенствование правового регулирования применения специальных технических средств фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 39–46.
3. Жбанова С. А. Влияние систем автоматической фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения на снижение аварийности // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 68–71.
4. Михайленко О. В. Особенности применения средств фотовидеофиксации с целью обеспечения безопасности дорожного движения (на примере Хабаровского края) // Безопасность дорожного движения. 2022. № 2. С. 35–37.

References

1. Bakanov K. S., Lyakhov P. V., Isaev M. M., et al. Law enforcement activities in the field of road traffic safety in 2024: information and analytical review. M.: FКУ "SC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2025. — 108 p.
2. Dizer O. A., Abdulmanova I. V. Improvement of legal regulation of application of special technical means of photo and video recording of offenses in the field of road traffic // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2(95). Pp. 39–46.
3. Zhibanova S. A. The Influence of Automatic Photo- and Video-Recording Systems of Traffic Violations on Reducing Accidents // Administrative Law and Procedure. 2021. No. 8. Pp. 68–71.
4. Mikhailenko O. V. Features of Using Photo- and Video-Recording Devices to Ensure Road Safety (Based on the Khabarovsk Territory) // Road Safety. 2022. No. 2. Pp. 35–37.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Сибирский юридический институт МВД России. 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

Information about the author

Ivanov Andrey Yuryevich — candidate of philosophy, associate Professor, head of the Department of administrative law and administrative activity of internal Affairs bodies, Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 20 Rokossovsky str., Krasnoyarsk, 660131. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 23.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

Смолин Д. В.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ПОСРЕДНИКИ В ОБОРОТЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРАВ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В работе рассматривается институт субъективных авторских прав как совокупность личных неимущественных и имущественных исключительных прав, которые закреплены в Гражданском кодексе. Анализируются механизмы реализации прав через гражданско-правовые договоры: авторские договоры, включая договоры отчуждения исключительного права и лицензионные договоры на использования произведения.

Особое внимание уделено роли цифровых платформ в сфере оборота музыкальных произведений. Цифровые платформы, по-другому онлайн сервисы выступают информационными посредниками, обеспечивая публичный доступ к музыкальным произведениям, и становиться ключевым элементом в реализации авторских прав в условиях стремительной цифровизации. Также рассматриваются их правовой статус и ответственность, условия освобождения от ответственности, основания привлечения таких платформ при неправомерном распространении контента.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и сравнительно правовой анализ.

Цель работы — всестороннее исследование эффективной реализации и защиты субъективных авторских прав в условиях цифровизации и с учетом специфики цифровых платформ как посредников в обороте музыкальных произведений.

Ключевые слова: авторское право, субъективные права, личные неимущественные права, защита, реализация, гражданско-правовой механизм.

Для цитирования: Смолин Д. В. Цифровые платформы как посредники в обороте музыкальных прав: правовой статус и ответственность // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 17–22. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-17-22

Smolin D. V.

DIGITAL PLATFORMS AS INTERMEDIARIES IN THE TURNOVER OF MUSICAL RIGHTS: LEGAL STATUS AND RESPONSIBILITY

Abstract. The paper considers the institution of subjective copyright as a set of personal non-property and exclusive property rights, which are enshrined in the Civil Code. The mechanisms of realization of rights through civil law contracts are analyzed: copyright contracts, including contracts for the alienation of exclusive rights and license agreements for the use of works.

Special attention is paid to the role of digital platforms in the sphere of music turnover. Digital platforms, or online services, act as information intermediaries, providing public access to musical works, and become a key element in the implementation of copyrights in the context of rapid digitalization. Their legal status and responsibility, conditions of exemption from liability, and grounds for involving such platforms in the illegal distribution of content are also considered.

The methodological basis of the research consists of formal legal, systematic and comparative legal analysis.

The purpose of the work is a comprehensive study of the effective implementation and protection of subjective copyrights in the context of digitalization and taking into account the specifics of digital platforms as intermediaries in the turnover of musical works.

Keywords: *copyright, subjective rights, personal non-property rights, protection, implementation, civil law mechanism.*

For citation: Smolin D. V. Digital Platforms as Intermediaries in the Turnover of Musical Rights: Legal Status And Responsibility. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 17–22. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-17-22

Быстрое развитие цифровизации сильно изменило способ распространения и использования музыкальных произведений. В виду появления стриминговых сервисов, социальных сетей и других платформ позволило авторам, правообладателям, исполнителям напрямую вводить свои произведения в широкие массы [1]. С другой же стороны, эти платформы упростили доступ к большому количеству контента, что в свою очередь повысило риски посягательств и нарушения авторских и смежных прав. В настоящее время ученое сообщество столкнулось с задачей адаптации традиционных норм авторского права к цифровой среде. Актуальным вопросом является определение правового статуса таких цифровых платформ, которые выступают (выступающих) посредниками между правообладателями и слушателями (пользователями) и о определении их ответственности за нарушение авторских прав правообладателей, авторов и артистов.

В российском законодательстве авторские права включают имущественное исключительное право на произведение, а также личные неимущественные права, такие как право на имя, неприкосновенность, право на обнародование и т. д. Личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы — другими словами они навсегда сохраняются за автором независимо от правового положения имущественных прав [2]. Исключительное право носит имущественный характер и может быть предметом распоряжения, другими словами, автор в праве разрешать или ограничивать другим лицам любое использование своего произведения. Такое использование произведений без согласия правообладателя считается незаконным и влечёт ответственность.

Реализация авторских прав в гражданском обороте происходит преимущественно через договорные отношения. Правообладатель или автор может полностью отчуждать исключительное право на произведение по договору отчуждения, в та-

ком случае приобретатель принимает право использовать произведение по своему усмотрению в полном объеме. Другой распространенный способ — это заключение лицензионного договора, по которому автор, то есть лицензиар сохраняет за собой исключительное право, но предоставляет приобретателю, то есть лицензиату право на использование произведения в определенных договором пределах. Лицензионные договоры бывают как исключительными — предоставляются только одному лицу, и неисключительными, то есть позволяют лицензиару выдавать аналогичные права неограниченному кругу лиц. В цифровой сфере типично заключение лицензионных соглашений между правообладателями музыкальных произведений и цифровыми платформами, например соглашение стримингового сервиса с лейблами о праве доводить музыкальные произведения до всеобщего сведения посредством стриминга. Также, практикуются авторские договоры заказа на создание музыкального произведения для конкретного проекта или сервиса, но все они так или иначе делают упор на передачу или предоставления права на использование. При заключении таких договоров стоит учитывать, что личные неимущественные права автора сохраняются за ним и не переходят к приобретателю исключительных прав. Например, в случае отчуждения исключительного права на музыкальное произведение, автор сохраняет право на признание его авторства, а также возможность требовать указания его имени.

Защита авторских прав в случае нарушения осуществляется различными способами, предусмотренными гражданским законодательством. Для охраны личных неимущественных прав автора закон предоставляет такие способы, как признание права, восстановления положения, существовавшего до нарушения, пресечение действий нарушающих право, а также компенсация морального вреда и опубликование судебного решения о допущенном нарушении. Например, если неизвестный

пользователь выложил чужую композицию под своим именем, автор вправе требовать через суд признания своего авторства и опровержения ложных сведений, компенсации морального вреда и т. д. Возмещение имущественных интересов защищаются путем взыскания убытков либо компенсации. Российское право предусматривает специальный институт компенсации за нарушение исключительных прав позволяющий правообладателю вместо доказывания конкретных убытков потребовать фиксированную компенсацию в пределах, установленных законом. В частности, согласно ст. 1301 ГК РФ, за незаконное использования произведения правообладатель вправе требовать компенсацию в пределах от 10 000 до 5 000 000 рублей, определяемых судом исходя из характера нарушения, либо в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров, либо в двукратном размере стоимости права использования. Такой способ широко применяется в судебной практике по интернет-пиратству, поскольку облегчает взыскание с нарушителей, не требуя детального доказывания убытков. В тоже время, суд может удовлетворить требования о пресечении нарушений, например обязать ответчика удалить нелегально размещенное произведение.

Быстрый рост онлайн-платформ, предоставляющих доступ к пользовательскому контенту, породил в праве категорию «информационных посредников». В общем виде к ним относятся интернет-сервисы, которые технически обеспечивают размещение, хранение, передачу или доступ к материалам, загружаемыми пользователями. В сфере музыкальных платформ идут социальные сети, например «ВКонтакте», видеохостинги такие как YouTube и специализированные музыкальные стриминговые сервисы, такие как «Яндекс музыка», «Spotify», и др. [3]. С точки зрения права, встает вопрос несут ли такие платформы ответственность за незаконное размещение музыки их пользователями или же их роль заключается лишь в техническом сопровождении, тем самым освобождает их от ответственности?

В российском законодательстве установлен особый режим ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав. Суть заключается в том, что осуществляется ограничение ответственности при выполнении определенных условий. Информационный посредник, осуществляющий передачу

материалов в сети интернет, не несет ответственности за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате такой передачи при одновременном соблюдении условий. Первое условие заключается в том, что он не является инициатором передачи и не определяет получателя контента, во-вторых, информационный посредник не вносил никаких изменений в материал при оказании услуг связи, и последнее, он не знал или не должен был знать, что использование передаваемого материала нарушает чужие права.

По-другому, чтобы платформа могла претендовать на неприкосновенность от возмещения ущерба, она не должна участвовать в размещении контента, не иницировать и не редактировать, но в тоже время должна реагировать на поступающие уведомления правообладателей об удалении контента. Данный принцип пересекается с зарубежной практикой, а именно с нормой «безопасной гавани» (safe harbor). В частности, аналогичные критерии содержатся в американском законе DMCA: онлайн сервис освобождается от ответственности, если у него отсутствует информация о нарушении, и, если при получении уведомления от правообладателя он оперативно блокирует контент [6]. Кроме того, DMCA, указывает на то, чтобы провайдер не получал прямой финансовой выгоды от спорной активности при наличии у него возможности контролировать ее. Российский подход во многом схож тем, что одним из ключевых критериев, выработанных практикой, стало отсутствие у посредника прямой выгоды от незаконного контента и надлежащее принятие мер по профилактике нарушений.

П. 4 ст 1253.1 ГК РФ отдельно уточняет, что даже если информационный посредник не несет ответственности, то к нему всё равно могут быть предъявлены неимущественные требования о защите интеллектуальных прав, в частности, о удалении информации нарушающие права или ограничение доступа к ней [4]. Другими словами, правообладатель вправе через суд обязать платформу удалить незаконно выложенную композицию или иным способом пресечь дальнейшее распространение.

В обзоре судебной практики от 29.05.2024 Верховного суда РФ указано, что признание владельца информационного ресурса информационным посредником зависит от того, совершает ли он сам сделки по распространению произведений, рекламирует ли их, и получает ли непосред-

ственный доход от незаконного использования объектов авторского права [5]. Например, сайт сам продает копии музыкальных произведений или зарабатывает на рекламе, привлекая аудиторию пиратским контентом, это отнимает у него статус нейтрального посредника.

Практическим примером может служить дело о музыке во «ВКонтакте» в 2014–2016 гг. такие компании как Universal, Warner, Sony подали иск на социальную сеть обвиняя ее в пособничестве массовому распространению пиратского контента пользователями. Суд в 2015 году принял сторону правообладателей и обязал «ВКонтакте» внедрить фильтрующую технологию позволяющую предотвращать загрузку удаленных ранее композиции. Этим решением суд подтвердил, что платформа, зная о систематических нарушениях, должна принимать необходимые меры по защите контента. Благодаря данному прецеденту в 2016 г. «ВКонтакте» заключила мировые соглашения с крупнейшими правообладателями и на фоне этого ввела платную подписку и монетизацию музыки через рекламу, а также начала применять систему цифровых отпечатков для отбора и фильтрации контента.

После этого конфликта позиция российских судов несколько изменилась. В деле 2020–2022 гг. издательство «Джем» предъявило иск к «ВКонтакте» и партнерскому ООО «ОМА» за нелегальное размещение альбома музыканта, однако суд по интеллектуальным правам подтвердил, что при определенных условиях соцсеть могла рассматриваться информационным посредником, не несущим ответственности. Суд отметил, что необходимо разграничивать ситуацию, когда контент загружается случайным пользователем и когда платформа сама участвует в коммерческом распространении. В данном деле ответчики доказали, что спорная музыка была размещена не ими напрямую, а сторонними пользователями, либо через сервис BOOM с ограничением прослушивания без подписки.

В своем решении апелляционный суд установил, что «ВКонтакте» и «ОМА» не иницируют загрузку контента, не влияют на его содержание, а лишь выполняют техническую функцию по его передаче и тем самым они находятся в статусе информационного посредника. В итоге требование правообладателя о взыскании компенсации с них были сняты. Стоит подметить, что суд сослался на правовую по-

зицию высших судебных инстанций, а именно на разъяснение Президиума ВАС РФ от 23.12.2008 № 10962/08 и от 01.11.2011 № 6672/11, в которых раскрывалось, что при подобных спорах необходимо проверять извлек ли посредник прибыль из незаконного контента и установлены ли на ресурсе меры, ограничивающие пользовательские нарушения. Если посредник получает доход от пиратского материала или никак не ограничивает пользователей в нарушениях, прикрываясь статусом посредника он не в праве [7].

Основываясь на вышесказанном, можно резюмировать, что цифровая платформа не будет нести имущественную ответственность за нарушения авторских прав, совершенные пользователями, только если она действительно выполняет роль пассивного технического оператора и предпринимает надлежащие меры по пресечению нарушений. В противном случае платформа будет рассматриваться как соучастник нарушения с обязанностью возместить ущерб. Такой подход позволяет стимулировать платформы сотрудничать с правообладателями.

Можно прогнозировать, что роль цифровых платформ как легальных посредников в обороте музыкальных прав будет только расти. Вероятно усиление их правового регулирования, возможно появятся прямые нормы о «цифровых платформах» в авторском праве или смежных законах, Устанавливающие их обязанности по мониторингу контента. В настоящий момент уже можно проследить, что закон «О информации, информационных технологиях и о защите информации» и связанные акты накладывают на владельцев сайтов обязанности по удалению противоправного контента, а в сфере СМИ необходимость по фильтрации запрещенных материалов. В перспективе такие механизмы могут детализироваться применительно к объектам авторских прав.

Подводя итог, можно сделать вывод, что эффективная защита субъективных авторских прав в цифровой среде достигается сочетанием договорных механизмов и института ответственности информационных посредников. Авторы и правообладатели должны грамотно распоряжаться своими исключительными правами, а именно заключать лицензионные договоры с цифровыми сервисами, использовать доступные технологии защиты, а платформы в свою очередь обязаны уважать права авторов и оперативно разрешать спорные ситуации.

Литература

1. Бузова Н. В. Use of copyright and related rights objects on digital platforms and services // Works on Intellectual Property. 2024. Т. 51, № 4. С. 133–142. DOI: 10.17323/tis.2024.23977. Режим доступа: <https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/281290>. Дата обращения: 08.08.2025.
2. Липкес А. М. Личные неимущественные права авторов. Актуальные вопросы и судебная практика // Авторское право и смежные права. 2022. № 5. Режим доступа: <https://azalesov.ru/analytics/publications/lichnye-neimushchestvennye-prava-avtorov-aktualnye-voprosy-i-sudebnaya-praktika>. Дата обращения: 08.08.2025.
3. Луговой Д. В. Criteria for classifying streaming platforms as information intermediaries in case of violation of copyright and related rights on the Internet // Zuykov and Partners (официальный сайт). 06.10.2022. Режим доступа: <https://zuykov.com/about/articles/kriterii-otneseniya-strimingovikh-platform-k-informatsionnim-posrednikam-pri-narushenii-avtorskikh-i-smezhnikh-prav-v-seti-internet/>. Дата обращения: 08.08.2025.
4. Королева А. Г. Трансформация механизмов защиты интеллектуальных прав в условиях развития технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 10. С. 5663.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024) // КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470857/. Дата обращения: 13.08.2025.
6. Finding safe harbor: Navigating a DMCA takedown notice // Romano Law. — 2019. — Режим доступа: <https://www.romanolaw.com/finding-safe-harbor-navigating-a-dmca-takedown-notice/> — Дата обращения: 08.08.2025.
7. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. В. Архипов. М.: Издательство Юрайт, 2016. 249 с. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.

References

1. Buzova N. V. Use of copyright and related rights objects on digital platforms and services // Works on Intellectual Property. 2024. Vol. 51, no. 4. P. 133–142. DOI: 10.17323/tis.2024.23977. Available at: <https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/281290> (accessed: 08.08.2025).
2. Lipkes A. M. Lichnye neimushchestvennye prava avtorov. Aktualnye voprosy i sudebnaya praktika // Avtorsкое право i смежные права. 2022. No. 5. Available at: <https://azalesov.ru/analytics/publications/lichnye-neimushchestvennye-prava-avtorov-aktualnye-voprosy-i-sudebnaya-praktika> (accessed: 08.08.2025).
3. Lugovoy D. V. Criteria for classifying streaming platforms as information intermediaries in case of violation of copyright and related rights on the Internet // Zuykov and Partners. 06.10.2022. Available at: <https://zuykov.com/about/articles/kriterii-otneseniya-strimingovikh-platform-k-informatsionnim-posrednikam-pri-narushenii-avtorskikh-i-smezhnikh-prav-v-seti-internet/> (accessed: 08.08.2025).
4. Koroleva A. G. Transformatsiya mekhanizmov zashchity intellektualnykh prav v usloviyakh razvitiya tekhnologiy virtualnoi i dopolnennoi realnosti // Aktualnye problemy rossiiskogo prava. 2021. Vol. 16, no. 10. P. 56–63.
5. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii No. 1 (2024) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 29.05.2024) (red. ot 27.11.2024) // KonsultantPlyus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470857/ (accessed: 13.08.2025).
6. Finding safe harbor: Navigating a DMCA takedown notice // Romano Law. 2019. Available at: <https://www.romanolaw.com/finding-safe-harbor-navigating-a-dmca-takedown-notice/> (accessed: 08.08.2025).
7. Arkhipov V. V. Internet-pravo: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury. Moscow: Yurait Publ., 2016.

Сведения об авторе

Смолин Дмитрий Владимирович — аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП). г. Казань. E-mail: Smolin.99@mail.ru

Научный руководитель

Томашевский Кирилл Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

Information about the author

Smolin Dmitry Vladimirovich — PhD student, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML). Kazan. E-mail: Smolin.99@mail.ru

Scientific supervisor

Tomashevski Kirill Leonidovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law at Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML).

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 23.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

Ушаков В. Н.

ТЕРРИТОРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ: АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Право на благоприятную окружающую среду на территориях экологического неблагополучия действует в условиях неблагоприятного состояния. В настоящее время законодательство предусматривает две категории таких территорий: зона чрезвычайной экологической ситуации и зона экологического бедствия. Автор ставит проблему недостаточности правового регулирования территорий такого рода. Предлагается понятие «территория экологического неблагополучия», проанализировано его терминологическое содержание. Раскрываются теоретические положения по происхождению экологического неблагополучия в целом, в следствие природного и антропогенного факторов.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, государственная экологическая политика.

Для цитирования: Ушаков В. Н. Территории экологического неблагополучия: аспекты правового регулирования в России // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 23–27. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-23-27

Ushakov V. N.

TERRITORIES OF ENVIRONMENTAL DISTURBANCE: ASPECTS OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA

Abstract. The right to a favorable environment in areas of environmental disadvantage operates in an unfavorable state. Currently, the legislation provides for two categories of such territories: an environmental emergency zone and an environmental disaster zone. The author poses the problem of insufficient legal regulation of territories of this kind. The concept of “territory of environmental distress” is proposed, its terminological content is analyzed. Theoretical provisions on the origin of environmental problems as a whole, as a result of natural and anthropogenic factors, are disclosed.

Keywords: right to a favorable environment, state environmental policy.

For citation: Ushakov V. N. Territories of Environmental Disturbance: Aspects of Legal Regulation in Russia. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 23–27. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-23-27

Экологическое состояние местности является одной из важнейших характеристик, позволяющих определять безопасность длительного проживания на определенной территории. Охрана окружающей среды способствует обеспечению высокого качества жизни населения. Однако современное экологическое состояние как территории России, так зарубежных государств находится в неудовлетворительном состоянии. В некоторых случаях участки местности являются неблагополучными

в экологическом аспекте. Как таковое экологическое неблагополучие складывается вследствие двух факторов.

Первый фактор — природный. Неблагоприятная экологическая обстановка существует на территориях такого типа в силу геологических особенностей местности (воздействие радиации в местах ее исторического существования, на территориях с геологическими разломами, сопровождающимися выходом радиоактивного газа радона; особенности земного грунта,

например наличие радиоактивных частиц монацитового торий-содержащего песка; климатические особенности местности, например частые наводнения или засуха; и др.). В данном случае снижение отрицательного воздействия на благоприятную окружающую среду значительно затрудняется, а в некоторых случаях и невозможно. Одним из путей решения является смена места проживания на иные, имеющие более высокий уровень благоприятности окружающей среды территории.

Второй фактор — антропогенный. На территориях такого типа, неблагоприятная экологическая обстановка может складываться, как постепенно, так и молниеносно. Здесь следует упомянуть деятельность предприятий, заводов и фабрик, существовавших во времена, когда законодательство не предусматривало необходимого уровня охраны окружающей среды. В следствие этого постепенно накапливались отходы производства, а также оказывалось чрезмерное влияние на окружающую среду (Усольехимпром в Иркутской области; Бaleyзолото в Читинской области). В качестве молниеносного характера воздействия можно привести примеры известных экологических катастроф (авария на Чернобыльской АЭС; авария на ПО Маяк). Вследствие перечисленных, а также других объектов промышленности на сегодняшний день существуют так называемые объекты накопленного вреда. Проводится соответствующая работа по их ликвидации.

Конституцией РФ в ст. 42 закреплено право на благоприятную окружающую среду. Федеральным законом «Об охране окружающей среды» установлены правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Но ни Конституция, ни Федеральный закон «Об охране окружающей среды», ни какой-либо закон или подзаконный акт не устанавливают понятия «территория экологического неблагополучия».

Ключевую роль в изучении данной темы играет работа Ю. А. Касповой, полноценно раскрывающая особенности правового

регулирования экологически неблагополучных территорий [3. С. 11; 4]. Согласно позиции, изложенной в диссертационном исследовании, под экологически неблагополучными следует понимать «территории РФ, подвергающиеся в результате длительного либо краткосрочного антропогенного воздействия и (или) природного явления процессу деградации окружающей среды, включая разрушение естественных экологических систем, загрязнение и другие формы, который влечет за собой ущерб окружающей среде, здоровью и жизни людей».

А. П. Анисимов определяет зоны экологического неблагополучия, как «участки земли или водного пространства, на которых в результате кратковременных или долгосрочных негативных воздействий природной или антропогенной деятельности на экологические системы произошла их существенная деградация, угрожающая жизни и здоровью граждан, и требующая установления на этой территории особого правового режима в целях проведения неотложных мероприятий по восстановлению качества окружающей среды» [1. С. 93].

По мнению М. М. Бринчука «зона экологического неблагополучия является участком территории, состояние окружающей среды которого соответствует установленным в законодательстве критериям, необходимым для выделения специальных зон с целью восстановления благоприятного состояния окружающей среды» [2. С. 93].

Показав альтернативные формулировки анализируемого понятия, отметим несколько характерных особенностей.

Термин «территория экологического неблагополучия» неизбежно выступает в качестве общего обозначения различных типов подобных территорий, которые могут быть разграничены по множеству критериев.

При установлении границ мы полагаем целесообразным использовать понятие «участок местности», что позволяет избежать неточностей, характерных при применении формулировки «территория Российской Федерации», которая не соответствует специфике локализации экологических проблем. Кроме того, использование термина «участки земли или водного пространства» узко ограничивается только двумя компонентами природной среды, игнорируя воздушную часть, которая также составляет важную роль экосистемы. В от-

личие от этого, выражение «участок местности» обеспечивает большую точность и объективность, полно отражая все элементы окружающей среды, затронутые экологическими нарушениями.

С объективной позиции, территория экологического неблагополучия характеризуется наличием вредного воздействия, проявляющегося либо вследствие человеческой деятельности, либо под влиянием природных процессов. К числу антропогенных причин относятся последствия, связанные с деятельностью людей — выбросы токсичных веществ предприятиями, ЧС на производственных площадках, добыча полезных ископаемых с нарушением норм охраны окружающей среды и восстановления почв, несоблюдение требований по обеспечению безопасного строительства и другие нарушения. Под природными (естественными) факторами понимают проявления природных явлений, формирующихся вне зависимости от прямого участия человека — например, радиоактивное излучение, исходящее от земной поверхности.

Таким образом территорию экологического неблагополучия можно определить, как участок местности, подвергшийся или подвергающийся в течение длительного времени отрицательному влиянию от природного или антропогенного факторов, неблагоприятно воздействующий на жизнь и здоровье субъектов права на благоприятную окружающую среду.

Говоря о видах территорий экологического неблагополучия, отметим, что на сегодняшний день законодательно установлены две категории. Так ст. 57 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закрепляет такие дефиниции, как зона чрезвычайной экологической ситуации и зона экологического бедствия. Действующее законодательство раскрывает лишь первое понятие.

Согласно п. 1.1. «Временного порядка объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации» «зонами чрезвычайной экологической ситуации объявляются участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, приостановка и предотвращение которых невозможны только за счет организацион-

но-управленческого потенциала и материально-финансовых ресурсов данной территории».

Действовавший ранее Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» в ч. 1 ст. 59 устанавливал понятие зоны экологического бедствия, согласно которому такими зонами «объявлялись участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной либо иной деятельности произошли глубокие необратимые изменения окружающей природной среды, повлекшие за собой существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, деградацию флоры и фауны».

Отметим, что ст. 58 данного Закона устанавливала и понятие зоны чрезвычайной экологической ситуации, которое затем было заимствовано и с некоторым дополнением закреплено в ныне действующем, вышеупомянутом «Временном порядке объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации». Понятие было добавлено указанием на невозможность приостановки и предотвращения такой ситуации только за счет организационно-управленческого потенциала и материально-финансовых ресурсов данной территории. Однако, почему ведомством в лице Минприроды России, не был принят акт, устанавливающий понятие и порядок объявления зоны экологического бедствия, или же законодателем в новом Законе «Об охране окружающей среды» не были установлены оба данных положения, не совсем понятно. Возможно, это объясняется отсутствием в тот период финансовых средств на обязательную ликвидацию столь масштабных происшествий, что само по себе логически вытекает в случае наличия такого правового положения. Еще раз отметим, что до сих пор не принят какой-либо правовой акт, регулирующий такую категорию территорий экологического неблагополучия, как зона экологического бедствия.

Данные категории территорий экологического неблагополучия несмотря на первоначальную схожесть, отличаются по силе отрицательного воздействия. Зона экологического бедствия значительно сильнее подвергается воздействию неблагоприятных факторов, поэтому и происходящие изменения на ней гораздо масштабные и трудно поддающиеся ликвидации. Зона чрезвычайной экологической ситуации может характеризоваться как

меньшей силой воздействия неблагоприятных факторов, так и меньшими масштабами последствий. Тем не менее также, как и зона экологического бедствия она имеет опасность для жизни и здоровья человека и функционирования не ней хозяйственной деятельности.

Проблемным в анализируемом контексте является, то, что, на практике указанные нормы и логически вытекающие в дальнейшем необходимые правовые последствия по защите права на благоприятную окружающую среду никогда не применялись. По мнению А. П. Анисимова данное положение вещей объясняется также, недостаточностью финансовых средств на это и «отсутствием четкого порядка образования» таких территорий [1. С. 112].

На сегодняшний день Федеральный закон «Об охране окружающей среды» предусматривает два вида территорий экологического неблагополучия — «зона чрезвычайной экологической ситуации» и «зона экологического бедствия». Что касается территорий первого вида, то для них установлен временный порядок, регулирующий вопросы их объявления и последующего функционирования. Зоны экологического бедствия, на данный момент юридически не урегулированы.

В связи с этим возникает ряд сложностей, связанных с отсутствием однозначного правового обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду в условиях таких территорий. На данный момент нормы Федерального

закона «Об охране окружающей среды», по нашему мнению, носят общий характер и не позволяют полноценно решить эту задачу. При этом для улучшения ситуации нет необходимости разрабатывать отдельный нормативный акт — достаточным будет внесение изменений в действующий закон.

Предлагаемые изменения должны включать: во-первых, определение критериев, по которым оценивается благоприятность природной среды; во-вторых — детализацию режима территорий экологического неблагополучия: основания и порядок их введения, порядок регулирования, обязательные меры со стороны органов государственной власти и МСУ по снижению вредного влияния экологических факторов на здоровье людей, а также процедура снятия статуса такой территории при достижении устойчивого положительного эффекта.

В заключение следует отметить, что четкое терминологическое определение и эффективное правовое регулирование территорий экологического неблагополучия играют ключевую роль в оперативном выявлении таких зон. Осуществление деятельности уполномоченных органов по устранению последствий негативного воздействия вредоносных факторов способно существенно снизить их влияние на право граждан на благоприятную окружающую среду. Это, в свою очередь, гарантирует высокий уровень защиты указанного права, что создаёт основу для полноценного осуществления многих других конституционных прав и свобод.

Литература

1. Анисимов А. П. О необходимости дальнейшего развития концепции экологически неблагополучных территорий // Аграрное и земельное право. 2017. № 10 (154). С. 91–98.
2. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник для высших учебных заведений. М.: Высшее образование, 2005. С. 408.
3. Каспрова Ю. А. Экологически неблагополучные территории: особенности правового режима: автореферат диссертации кандидата юридических наук. М., 2014. С. 27.
4. Каспрова Ю. А. Экологически неблагополучные территории: особенности правового режима: диссертация кандидата юридических наук. М., 2014. С. 176.

References

1. Anisimov A. P. On the need for further development of the concept of ecologically disadvantaged territories // Agrarian and land law. 2017. No. 10 (154). pp. 91–98.
2. Brinchuk M. M. Environmental law: textbook for higher educational institutions. Moscow: Higher Education, 2005. p. 408.
3. Kasprova Yu. A. Ecologically unfavorable territories: features of the legal regime: abstract of the dissertation of the candidate of Law. Moscow, 2014. P. 27.
4. Kasprova Yu. A. Ecologically unfavorable territories: features of the legal regime: dissertation of the candidate of Law. Moscow, 2014. P. 176.

Сведения об авторе

Ушаков Вячеслав Николаевич — аспирант кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет. г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83. Email.: ushakov-sl@mail.ru

Information about the author

Ushakov Vyacheslav Nikolaevich — postgraduate student of the Department of Jurisprudence, Irkutsk National Research Technical University. Irkutsk, Lermontov St., 83. Email: ushakov-sl@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-28-31

УДК 347.78

Старков А. В.

ТЕОРИИ, ОБОСНОВЫВАЮЩИЕ СМЕЖНОЕ ПРАВО

Аннотация. В представленной статье рассматриваются теории, которые обосновывают смежное право. Отмечается, что в настоящее время нет единого концептуального подхода к определению смежного права, что породило ряд теорий, касающихся возникновения и содержания смежного права. Эти теории друг от друга существенно отличаются, в связи с чем, затруднительно выразить однозначное согласие только с одной из них, более того, все они представляют определенный исследовательский интерес. Рассмотрены и зарубежные теории, однако установлено то, что таковые существуют только в романо-германской правовой семье, так как англо-саксонская правовая семья не содержит такого понятия вообще, а в странах, которые в эту правовую семью входят, признано только авторское право.

Ключевые слова: смежное право, теории смежного права, определение смежных прав, правовые семьи, интеллектуальная собственность.

Для цитирования: Старков А. В. Теории, обосновывающие смежное право // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 28–31. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-28-31

Starkov A. V.

THEORIES UNDERLYING RELATED LAW

Abstract. This article examines the theories that underlie neighboring rights. It is noted that there is currently no unified conceptual approach to defining neighboring rights, which has given rise to a number of theories regarding their origin and content. These theories differ significantly, making it difficult to express unambiguous agreement with only one of them. Furthermore, all of them are of particular research interest. Foreign theories are also considered, but it is established that such theories exist only in the Romano-Germanic legal family, as the Anglo-Saxon legal family does not include such a concept at all, and in countries within this legal family, only copyright is recognized.

Keywords: neighboring law, neighboring law theories, definition of neighboring rights, legal families, intellectual property.

For citation: Starkov A. V. Theories Underlying Related Law. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 28–31. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-28-31

Институт смежных прав на территории нашей страны представляет собой институт права интеллектуальной собственности, который регламентирует все отношения в сфере охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, смежные с авторскими правами. Представляется,

что возникновение указанного института во многом было предопределено необходимостью защиты интересов исполнителей, а также производителей фонограмм и вещательных организаций, развитием технологий, создающих объекты, которые к объектам авторского права не относятся.

28

Частно-правовые
(цивилистические) науки

ся, но имеют с ними определенные сходства.

В то же время, единого концептуального определения смежных прав на современном этапе развития не существует. В связи с этим, появились теории, обосновывающие смежное право. Первой теорией является подход, который во многом основан на функциональном назначении результатов интеллектуальной деятельности. Сущность данной теории заключается в том, что смежные права предоставляются только таким субъектам, которые содействуют создателям в распространении их произведений среди населения. Стоит отметить, что этот подход поддерживается не только отечественными, но и зарубежными учеными и при изучении данного подхода исследователи акцентируют внимание на том, что авторам необходимы определенные посредники, которые обладают рядом навыков в сфере придания произведениям такой формы изложения, которая бы в полной мере смогла бы сделать их доступными для общественности [3].

Вторая теория, обосновывающая смежные права, представлена юридико-технической идеей. Сущность этой теории усматривается в том, что политика признания смежных прав как прав, которые смежные с авторскими, направлена на обеспечение сохранения целостности авторского права в целом. Полагаем, что речь в данном случае идет о целостности авторского права в тех условиях, когда спектр исключительных прав и прав на нематериальные объекты весьма существенно и стремительно расширяется, что наблюдается в настоящее время.

Нельзя не отметить теорию, в соответствии с которой, институт смежных прав преимущественно направлен на защиту творческих интересов личности. Полагаем, что данная теория является достаточно спорной, так как смежные права защищают не само творчество, так как это характерно для авторских прав, права тех, кто содействует распространению творчества. В частности, такие права позволяют осуществлять контроль за использованием результатов творческой деятельности, например, трансляций или фонограмм, в связи с этим, творческие интересы личности защищаются в данном контексте лишь косвенно.

В научной литературе также выделяется теория о возврате инвестиций. Положения данной теории заключаются в том, что смежное право необходимо для того, чтобы

изготовители творческих продуктов, издатели и публикаторы, а также иные лица, которые содействовали распространению объекта, могли бы получить денежные средства, на которые они имеют законные права. Данная теория в полной мере отвечает современным реалиям, а наличие данных прав у обладателей смежных прав подтверждается и материалами судебной практики. Например, в Определении судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 № 88-23530/2021 судом рассмотрен спор, в котором истец, который выступал в качестве обладателя смежных прав на фонограмму, указал на нарушение его прав, состоящее в том, что фонограмма использовалась незаконно путем распространения ее в сети «Интернет» [7].

Несмотря на существующие теории, обосновывающие смежное право, в научной литературе распространение получила точка зрения о том, что данное понятие невозможно определить на фоне того, что содержание данного понятия неопределенное и необоснованное с теоретической точки зрения. Например, об этом говорила Д. Липчик [2]. Одновременно с этим, развитие и первоначальное становление смежных прав сопровождалось вкладом ученых в формирование данного понятия. Так, рассматривая теоретические воззрения на данный правовой институт, можно увидеть, что первым в советской литературе понятие «смежные права» было дано В. И. Серебровским. Так, данный ученый говорил о том, что устанавливая правовую охрану прав артистов-исполнителей стоит говорить о правах, которые являются родственными (смежными) правами с авторскими правами [4]. Определенный вклад в дальнейшее развитие учения о смежных правах внес И. А. Зенин, который акцентировал внимание на том, что смежные права представляют собой совокупность норм гражданского права, которые в практической деятельности регулируют отношения в сфере охраны исполнений, а также постановок, фонограмм, передач организаций кабельного и эфирного вещания, установлению режима их использования, наделения производителей, а также исполнителей фонограмм и вещательных организаций имущественными и личными неимущественными правами и защитой таковых [1]. Интерес в этом аспекте представляет точка зрения О. С. Фроловой, которая в научных трудах достаточно четко разграничивала смежные и авторские права, а основой

для такой дифференциации выступил характер деятельности субъектов [5]. В случае, если деятельность автора творческая и преимущественно направлена на создание нового произведения, то деятельность производителей фонограмм и исполнителей и производителей вещательных организаций, выступает в качестве оригинальной, что находит свое выражение в уникальности приемов, способов и мастерства субъектов. Синтез представленных точек зрения, высказанных отечественными авторами, позволяет прийти к выводу, что все едины в том, что содержание смежных прав дифференцируются в прямой зависимости от объекта, в отношении которого смежные права действуют. В то же время, это существенно усложняет формулировку единого определения этих прав, с чем также соглашается большинство исследователей.

Представляется, что отсутствие единой теории, которая бы обосновывала смежное право, на территории нашей страны не существует по ряду причин: во-первых, это обусловлено весьма широким спектром объектов смежных прав. В частности, ранее было установлено, что содержание смежных прав находится в прямой зависимости от того, о каком объекте идет речь в том или ином случае. Это, кроме прочего, предопределяет ситуацию, при которой единую теорию обоснования смежных прав попросту не разработать; во-вторых, это связано и с историческим путем возникновения и развития смежных прав. Известно, что на территории нашей страны смежные права появились уже намного позднее, чем права авторские, как следствие, у них нет длительной истории применения, что и привело к тому, что научно-обоснованные концепции смежных прав попросту не сумели сформироваться; в-третьих, формирование единой концепции также затрудняется на фоне того, что в научной литературе многие исследователи под сомнение ставят самостоятельность института смежных прав, говоря о том, что в объединении смежных прав усматривается юридическая формальность и едва ли можно говорить о том, что в данном случае речь идет именно о целостном правовом институте; в-четвертых, особое внимание в теории, как и в практике, уделяют соблюдению и защите прав авторов и участников рынка, соблюдению баланса между правами данных субъектов, а разработке единой концепции не уделяется такого внимания, так как практические интересы являются наиболее важными и значимыми по сравнению с теоре-

тическими воззрениями. В связи с этим, данный фактор также можно отнести к причинам, по которым теории по обоснованию смежного права на территории нашей страны не формируются и не развиваются.

Рассматривая зарубежные теории, которые обосновывают смежное право, стоит отметить, что таких теорий несколько. Например, в праве Европейского Союза можно проследить то, что преимущество отдано «юридико-технической идее смежных прав». Данная идея реализуется через гармонизацию положений законодательства, судебной практики и установление ряда ограничений. Цель продвижения данной идеи в том, чтобы обеспечить четкое функционирование внутреннего рынка ЕС и исключить любые расхождения в законодательстве об авторских и смежных правах. Положения законодательства ЕС в этом аспекте видятся достаточно рациональными, положительным моментом является то, что круг смежных прав в ЕС весьма обширен. Например, в законодательстве свое закрепление нашли права изготовителей кинофильмов, права на научные и критические публикации произведений, если таковые находятся в доступе. В то же время, в праве ЕС есть определенные ограничения для правообладателей и применяются они в случае, если этого требуют общественные интересы [6].

Что касается правовых систем англо-американского права, то в странах с данной правовой системой смежное право отдельно не выделяется. На данном фоне, какие-либо теории, которые обосновывают смежное право, в положениях законодательства данных стран выделить невозможно. Полагаем, что данная ситуация во многом обусловлена особенностями регулирования авторских прав в англосаксонской системе. В частности, в данной правовой семье авторское право во многом основано на утилитарном подходе, сущность которого состоит в том, что авторско-правовая охрана является оправданной на фоне того, что она выступает в качестве объективной необходимости в целях стимулирования творчества, а также увеличения благосостояния общества. В связи с этим, все участники рынка интеллектуальной собственности, которые на территории РФ защищены смежными правами, в Англии приравнены к самим авторам. На этом фоне, законодатель в странах англо-саксонской правовой семьи не видит какой-либо необходимости в том, чтобы отдельно выделять смежное право. Данный подход имеет право на существова-

ние, однако однозначно согласиться с ним не представляется возможным, так как смежные права устанавливают механизмы для защиты участников рынка интеллектуальной собственности, подходящие им более, чем механизмы, установленные непосредственно для авторов.

Таким образом, на современном этапе развития выделяют много теорий, обосно-

вывающих смежное право. Одновременно с этим, изучение указанных теорий позволило сделать вывод о том, что единой теории, обосновывающей смежное право на современном этапе развития нет. В то же время, каждая из них представляет определенный исследовательский интерес, в связи с чем, их изучение и описание должно быть продолжено.

Литература

1. Зенин И. А. Смежные права в России: становление и развитие // Проблемы современной цивилистики. Сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева. — М.: Статут, 2013. — С. 292–312.
2. Липчик Д. Авторское право и смежные права: книга. — М.: Ладомир, 2002. — 788 с.
3. Петкилёв П. И. История и определение понятия смежных прав // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 43. — № 4. — С. 71–81.
4. Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права: книга. — М.: АН СССР, 1956. — 282 с.
5. Фролова О. С. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере смежных прав: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03, Томск, 2007. — 211 с.
6. Шамне Д. И. История зарождения авторского и смежного права // Интернаука. — 2025. — № 33–2(397). — С. 39–40.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 № 88–23530/2021 // СПС Консультант плюс.

References

1. Zenin I. A. Smezhnye prava v Rossii: stanovlenie i razvitie // Problemy sovremennoj civilistiki. Sbornik statej, posvyashchennyh pamyati professora S. M. Korneeva. — M.: Statut, 2013. — S.292–312.
2. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava: kniga. — M.: Ladomir, 2002. — 788 s.
3. Petkilyov P. I. Istoriya i opredelenie ponyatiya smezhnyh prav // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. — 2022. — T.43. — № 4. — S.71–81.
4. Serebrovskij V. I. Voprosy sovetskogo avtorskogo prava: kniga. — M.: AN SSSR, 1956. — 282 s.
5. Frolova O. S. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenij v sfere smezhnyh prav: diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03, Tomsk, 2007. — 211 s.
6. Shamne D. I. Istoriya zarozhdeniya avtorskogo i smezhnogo prava // Internauka. — 2025. — № 33–2(397). — S.39–40.
7. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 09.11.2021 № 88–23530/2021 // SPS Konsul'tant plyus.

Сведения об авторе

Старков Андрей Вадимович — доцент юридического факультета, кандидат юридических наук Пермского филиала РАНХиГС. 614039, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 61. E-mail: stark-energo@mail.ru

Information about the author

Starkov Andrey Vadimovich — Associate Professor of the Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 614039, Perm, Komsomolsky Prospekt, 61. E-mail: stark-energo@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-ТОКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА С ПРИМЕНЕНИЕМ ОТРАВЛЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ

Аннотация. Убийства, совершаемые с применением токсичных веществ, как правило, латентны. Преступник всегда, совершая их, стремится остаться невыявленным. Поэтому одной из проблем является выявление того, что смерть конкретного лица явилась следствием отравления. Данная проблема должна решаться уже на стадии возбуждения уголовного дела и на начальном этапе предварительного расследования. Особое значение для выявления факта отравления имеет судебно-токсикологическая экспертиза. Одной из задач данной экспертизы является обеспечение достоверности сделанных ею выводов, которые представляют ценность для системы собираемых доказательств. Достоверные доказательства — верный путь к справедливым процессуальным решениям. Поэтому одной из задач проводимого расследования названных преступлений является обеспечение достоверности выводов судебно-токсикологической экспертизы. Эти вопросы стали предметом исследования, положенного в основу предлагаемой статьи. В данном исследовании был применён целый спектр различных методов, среди которых: диалектический, системный, системно-деятельностный, анализа и синтеза, индукции и дедукции. Применение этих методов позволило сделать значимые для практики расследования названных преступлений выводы, определить возможности проведения судебно-токсикологической экспертизы.

Ключевые слова: расследование убийства; судебно-медицинская экспертиза; судебно-токсикологическая экспертиза; доказательство; доказывание; достоверность; оценка доказательств.

Для цитирования: Бекетова Ю. А. Достоверность заключения судебно-токсикологической экспертизы при расследовании убийства с применением отравляющих веществ: проблемы оценки и критерии истинности // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 32–38. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-32-38

Beketova Yu. A.

RELIABILITY OF THE CONCLUSION OF THE FORENSIC TOXICOLOGICAL EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF MURDER WITH THE USE OF TOXIC SUBSTANCES: ASSESSMENT PROBLEMS AND CRITERIA OF TRUTH

Abstract. Murders committed with the use of toxic substances are usually latent. The criminal always tries to remain undetected by committing them. Therefore, one of the problems is to identify that the death of a particular person was the result of poisoning. This problem should be solved already at the stage of initiation of a criminal case and at the initial stage of the preliminary investigation. Forensic toxicological examination is of particular importance for detecting the fact of poisoning. One of the tasks of this examination is to ensure the reliability of its conclusions, which are valuable for the system of evidence being collected. Reliable evidence is the right way to fair procedural decisions. Therefore, one of the tasks of the ongoing investigation of these crimes is to ensure the reliability of the conclusions of the forensic toxicological examination. These issues have become the subject of research, which forms the basis of the proposed article. A whole range of different methods was used in this study, including: dialectical, systemic, system-activity, analysis and synthesis, induction and deduction. The use of these methods allowed us to draw conclusions that are significant for the practice of investigating these crimes, and to determine the possibilities of conducting a forensic toxicological examination.

Keywords: murder investigation; forensic medical examination; forensic toxicological examination; evidence; proof; reliability; evaluation of evidence

For citation: Beketova Yu. A. Reliability of the Conclusion of the Forensic Toxicological Examination in the Investigation of Murder with the Use of Toxic Substances: Assessment Problems and Criteria of Truth. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 32–38. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-32-38

К основным процессуальным действиям в ходе расследования и судебного разбирательства, связанного с отравлением токсическими веществами, относится назначение и проведение судебной экспертизы. Экспертные исследования способны дать ответ на многие вопросы, которые являются основополагающими для расследования. Так при подозрении на отравление назначается судебно-токсикологическая экспертиза. Она даёт возможность установить наличие в организме человека вредного вещества, различных видов ядов, способ их попадания в организм человека и последствие их воздействия. Результатом проведения судебно-токсикологической экспертизы является независимое научно-обоснованное мнение специалиста, вытекающее из заключений, сделанных им при проведении экспертизы по поставленным перед ним вопросам следователем или судом.

Судебно-токсикологическая экспертиза — источник получения доказательств,

которые проходят оценку сторонами уголовного судопроизводства по уголовному делу, чтобы использовать их выводы при производстве по делу. Проверяется допустимость, относимость и достоверность данного экспертного заключения. Формальные показатели определения относимости и допустимости экспертного заключения установлены УПК РФ (ст. 73, 74 и 75), тогда как оценка достоверности этого же экспертного заключения осуществляется субъективно исходя из личного убеждения лица, осуществляющего доказывание.

В УПК РФ понятия «достоверность доказательства» не закреплено, что констатирует и юридическая научная литература. Однако, для практического осуществления деятельности по доказыванию наиболее верное определение достоверности будут обеспечиваться соблюдением требований: соответствие фактам; несомненность установления истины; надежность, обоснованность и несомненность знания. Вопрос достоверности экспертных заключений

33

Уголовно-правовые
науки

наиболее актуален по отношению к их содержанию, т. е. к выводам, сделанным экспертом на основании выполненного им исследования [1. С. 20–22]. Достоверность заключений обеспечивается соответствием его содержания объективной действительности и обладанием несомненным знанием, полученным в результате исследования определенных объектов.

В научной литературе понятие достоверности экспертного заключения рассматривается как юридически оформленный результат познания, осуществляемого экспертом при исследовании. Важным элементом теории является выяснение степени объективности постижения истины экспертом и условий такого постижения. Гносеология выделяет абсолютную и относительную истину. Абсолютная истина — это исчерпывающее, всеохватывающее знание. Относительная истина представляет собой истину, являющуюся доступной для субъекта в данный момент времени, её содержание носит частичный характер и имеет ограниченную сферу действия. При оценке надежности экспертных заключений требуется отталкиваться от диалектического единства объективной и относительной истины.

Эксперту, занимающемуся изучением объекта и выдающего заключение, грозит уголовная ответственность за введение в заблуждение. Если эксперт знает, что делает ложное заключение, противоречащее реальности, статья 307 УК РФ позволяет привлечь его к ответственности. При этом, экспертиза будет признана ошибочной, и не может быть включена в систему доказательств виновности конкретного лица.

Но вместе с этим, нужно учитывать, что заключение эксперта — это лишь материал, который может быть подвергнут проверке другими субъектами уголовного процесса (следователь и суд), а для такой проверки должны существовать определенные, вполне точные критерии, по которым эти субъекты, исходя из самостоятельного анализа заключения эксперта будут формировать собственное мнение об истинности или ошибочности его выводов, после чего только можно будет принять решение — признать ли выводы истинными.

Научный кругозор следователя и судьи не даёт оснований для уверенности в полноценной оценке экспертного заключения. Потому что их знаний и компетенций для объективной оценки недостаточно. Экспертный орган тоже не компетентен

в оценке качества работы эксперта [2. С. 210–219]. Ему невозможно оценить степень достоверности выводов эксперта, корректность методов исследования и применимости последних к соответствующей области науки или техники, соответствие использованных методов современным нормативным требованиям [3. С. 177–185]. Эта задача может быть решена лишь специалистом того же уровня, что и эксперт. Ученые считают, что несмотря на то, что существуют различные виды экспертиз, используемые в суде, многие экспертизы не могут самостоятельно оценить качество собственной экспертизы [4. С. 98–104]. Отсутствие глубокого понимания следователями и судьями экспертных методов, технических инструментов и методик привело к тому, что в большинстве случаев они полагаются на авторитет экспертов, авторов методик или организаций, санкционировавших их использование. В такой ситуации объективная оценка результатов невозможна, поскольку вместо обоснованных выводов основой становится слепая вера в авторитет [5. С. 167–172]. Повышение уровня специализированных знаний, внедрение передовых методов исследования и использование более сложного оборудования неизбежно усложняют для неспециалистов оценку надежности экспертного заключения.

Однако по большому счету это лишь одно из доказательств, которое должен учитывать и оценивать следователь и суд наравне с другими доказательствами. Само по себе экспертное заключение не имеет заранее установленной силы и не считается безусловным. Закон не дает специальных правил оценки этих заключений.

Наиболее специфической судебной экспертизой, характерной для расследования убийств, совершённых с применением отравляющих веществ является судебно-токсикологическая. Однако она не является единственной, которая проводится при расследовании этих преступлений. Сразу после обнаружения трупа назначается и проводится судебно-медицинская экспертиза. Она необходима для формирования диагностической гипотезы о применении отравляющих веществ. В частности, судебно-медицинская экспертиза фиксирует отсутствие явных признаков насильственной смерти и наличие подозрительных признаков, указывающих на отравление. В частности, такими специфическими признаками являются: цвет

и запах содержимого желудка и кишечника, состояние слизистых оболочек, специфический запах от вскрытых полостей тела.

Судебно-медицинская экспертиза позволяет сформулировать первоначальную гипотезу об отравлении, которая в последующем проверяется проведением судебно-токсикологической экспертизы. На её основе определяется перечень необходимых токсикологических исследований, которые проводятся в рамках судебной токсикологической экспертизы. При её проведении обеспечивается правильный отбор, консервация и доставка биоматериала в лабораторию. Судебно-медицинская экспертиза позволяет получить морфологический субстрат, с помощью которого устанавливается связь между химическими находками с конкретной причиной смерти и механизмом её наступления.

Убийства с помощью ядов характеризуются высокой латентностью. Преступники часто используют редкие, трудноуловимые вещества или применяют их в малых дозах, вызывающих симптомы, схожие с естественными заболеваниями. При проведении судебно-токсикологической экспертизы эксперт никогда не ищет конкретный яд по умолчанию. Проводится комплексное исследование на широкий круг веществ: лекарственные препараты, наркотики, пестициды, соли тяжёлых металлов, растительные алкалоиды, промышленные химикаты. Первоначально используются высокочувствительные скрининговые методы (например, иммуноферментный анализ, тонкослойная хроматография), которые позволяют отобрать пробы, содержащие искомые вещества или их метаболиты. Положительный результат скрининга обязательно подтверждается более точными методами, такими как газовая хроматография-масс-спектрометрия (ГХ–МС) или жидкостная хроматография-масс-спектрометрия (ЖХ–МС). Эти методы позволяют не только идентифицировать конкретное вещество, но и определить его точную структуру, исключив ложноположительный результат.

Обнаружение яда в организме ещё не является прямым доказательством убийства. Ключевую роль играет количественный анализ и интерпретация полученных данных в совокупности с материалами дела. Эксперт определяет концентрацию токсичного вещества в крови или органах. Этот показатель сопоставляется с известными данными о терапевтических,

токсических и летальных дозах для данного вещества. Важно учитывать толерантность организма (например, у наркоманов или пациентов, длительно принимающих лекарства). Многие яды в организме превращаются в другие соединения — метаболиты. Эксперт должен уметь выявить не только сам яд, но и продукты его распада, так как они могут быть более стабильными и сохраняться дольше. Если клиническая картина указывает на отравление определённым веществом (например, цианидами), но оно не обнаруживается стандартными методами, это может свидетельствовать об использовании нестойкого яда, который полностью разложился к моменту вскрытия. В этом случае диагноз ставится по косвенным признакам. Заключение судебно-медицинского эксперта о причине смерти базируется на результатах токсикологической экспертизы в сочетании с результатами патологоанатомического исследования (характерные изменения во внутренних органах) и обстоятельствами дела.

Эксперт-токсиколог тесно взаимодействует со следователем. Информация о том, какие вещества были доступны подозреваемому, где он работал, какие лекарства принимал потерпевший, позволяет сузить круг поисков и применить целенаправленные методики анализа, экономя время и ресурсы [6, с. 39–45]. Главной особенностью судебно-токсикологической экспертизы при расследовании убийств является её высокая технологичность, необходимость учёта множества переменных (посмертные изменения, метаболизм) и решающая роль в доказывании прямого умысла на лишение жизни путём отравления.

Для оценки обоснованности выводов судебно-токсикологической экспертизы используются различные приемы исследования. При анализе заключения эксперта необходимо его тщательное исследование, оценка достаточности сведений, приведенных в заключении эксперта; их взаимосвязь, убедительность, сопоставлять полученные выводы с другими доказательствами по делу. Чтобы узнать, насколько правдоподобно заключение эксперта надо привлекать других экспертов для оценки и проверки заключений уже сделанных экспертов.

Сегодня проблема того, каким образом следователи и суды должны определять правдивость экспертного заключения остается неразрешенной для литературы.

Хотя различные авторы предлагают разные критерии оценки экспертных заключений, главный критерий всегда будет в достижении экспертом истины — а если она относительна, то достижения относительной истины.

Заключение судебно-токсикологической экспертизы способно дать абсолютно точную информацию о присутствии токсинов в анализируемых материалах. К примеру, если установлено присутствие данного элемента в биоматериалах или органах тела покойного, то этот факт является объективной истиной, которую нельзя оспорить. Но факт наличия определенного количества найденного токсического вещества — это лишь предположение. Количество вещества в теле зависит от многих показателей: сколько на самом деле попало в организм ядовитого вещества, какой метод использовался при исследовании, время после факта отравления, насколько качественно проводилось лечение и как быстро происходит самоочищение организма [7, с. 318–320]. Токсикологическая химия будет продолжать развиваться, следовательно, будут созданы улучшенные способы определения уровня токсических элементов в разных тканях человеческого тела [8, с. 68]. Следовательно полученные анализы будут более точные и приближаться к истинному значению. Но пока это все еще нерешенная проблема.

Только от этого качества — истинности — зависит оценка экспертного заключения. Свидетели, эксперты и, конечно, следователи и судьи будут всегда предпочитать выводы содержащие абсолютную истину. Иногда даже для того, чтобы принять справедливое решение, суд или иной компетентный орган будет вынужден основываться на том экспертном заключении, в котором есть неточность (в значительной мере) [9, с. 435–440]. Например, если в крови выявлено ядовитое вещество в таких количествах, что они гораздо выше летальной дозы, тогда это заключение (пусть и неполное) является достаточным основанием для установления смерти от отравления.

Специалисты, осуществляющие экспертизу для суда (следователя), в целях установления достоверности выводов по результатам экспертизы могут использовать определённые критерии, разрабатываемые с учётом требований закона, научной информации, нормативных положений о правилах оценивания доказательств и специфики проведения той или

иной экспертизы, цели которой достигаются предоставлением специальных знаний.

Во-первых, необходимо выяснить, что именно стало предметом исследования, соответствует ли оно предмету, обозначенному в постановлении о производстве экспертизы. Во-вторых, необходимо установить правильность выбора объектов для исследования, если речь идет о случаях предполагаемого отравления каким-либо конкретным токсикантом или группой токсинов, поскольку только определенные органы, ткани, жидкости организма могут содержать их следы. Необходимо установить соблюдение (или несоблюдение) всеми участниками процесса правил отбора, консервации и хранения образцов. Условия их неправильного хранения (недостаточная герметизация, отсутствие холодильной камеры и т.) обуславливают разложение либо испарение токсикантов, особенно летучих.

Качество проведенных исследований напрямую связано с тем, насколько верно эксперт будет подбирать методику. Надо учитывать современные научно-технические достижения и критерии надежности, достоверности, а также других показателей данной методики.

Заключение эксперта представляет собой финальный результат выполненной работы в виде подробного отчета с четко обозначенной логикой и используемыми методами, приводящими к определенным выводам. Выводы специалиста по результатам экспертизы не должны носить произвольный или субъективный характер. Они обязаны следовать непосредственно из полученных фактов, обосновывать их и пояснять происхождение явлений. Заключение экспертизы строится только на строгой логической основе, отличается четкостью и конкретностью, основаны на всеобъемлющем исследовании всего полученного материала. Исключать какие бы то ни было двусмысленности необходимо.

Химико-токсикологическое исследование необходимо проводить с учетом специфики воздействия токсичных веществ на человеческий организм, а именно: морфологических трансформаций, временного интервала между поступлением токсина и проведением исследования, проведенного лечения отравления, а также информации о ситуации отравления (жалобы пациента, его поведение, клинические проявления отравления, динамику течения заболевания и др.) [10. С. 206–211].

При проведении судебно-химического исследования на отравление эксперт должен исключить возможность наличия ядовитых веществ в биологических материалах вследствие их поступления с окружающей средой, формирования в организме в результате обмена веществ или проведения лечения.

Специалист определил, что смерть потерпевшего вызвана действием особого ядовитого вещества. Такое мнение основано на комплексном анализе всех имею-

щихся данных — собственной экспертной работы, материалов уголовного дела, протоколов патологоанатомического исследования и иных обстоятельств дела.

На практике проверка подлинности выводов судебно-токсикологической экспертизы дело сложное и трудоемкое. Но это не отменяет права следователей и судей проверить экспертизу. Только правдивые и правильные заключения эксперта помогут доказать обстоятельства преступного деяния.

Литература

1. Подольный Н. А. Критерий разумности срока получения заключения эксперта как требование по обеспечению качества проверки сообщения о преступлении // Эксперт-криминалист. — 2024. — № 1. — С. 20–22.
2. Подольный Н. А. Разумный срок получения заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — № 4(66). — С. 210–219.
3. Подольный Н. А. Специальные знания как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: Материалы III Международной научно-практической конференции, Казань, 01 марта 2024 года. — Казань: ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2024. — С. 177–185.
4. Подольный Н. А. Специальные знания следователя как криминалистически оправданный потенциал оптимизации расследования отдельных видов преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы II Международной научно-практической конференции, Казань, 03 марта 2023 года. — Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. — С. 98–104.
5. Подольный Н. А. Значение специальных знаний для расследования преступлений // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13–14 октября 2022 года. — Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2022. — С. 167–172.
6. Калинина Е. Ю., Сетко Н. П. Токсикологические исследования при судебно-медицинской экспертизе отравлений бытовым газом // Оренбургский медицинский вестник. — 2018. — Т. VI, № 4(24). — С. 39–45.
7. Вельчинская Е. В., Вельчинский В. В. Особенности изучения ядовитых веществ токсикологической и судебной химией: консолидация знаний // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции, Могилев, 05 апреля 2019 года / Редколлегия: Ю. П. Шаплеров [и др.]. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019. — С. 318–320.
8. Основные виды химических веществ, выявленных в ходе проведенных химико-токсикологических исследований трупов / В. А. Сучкова, Ф. В. Алябьев, А. Ю. Карачев, Г. А. Слащинин // Современные проблемы науки и образования. — 2021. — № 1. — С. 80.
9. Барканов В. Б., Прокофьев И. И. Редкий случай смертельного отравления пестицидом — диметоатом // Судебно-медицинская наука и экспертная практика: задачи, пути совершенствования на современном этапе: Труды IX Всероссийского съезда судебных медиков с международным участием, Москва, 22–24 ноября 2023 года. — Череповец: ИП Мочалов С. В., 2023. — С. 435–440.
10. Кутяков В. А. Дисциплина «Токсикологическая химия» как источник получения первичных знаний судебным экспертом // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2011. — № 1(9). — С. 206–211.

References

1. Podol'nyj N. A. Kriterij razumnosti sroka polucheniya zaklyucheniya e'ksperta kak trebovanie po obespecheniyu kachestva proverki soobshheniya o prestuplenii // E'kspert-kriminalist. — 2024. — № 1. — S. 20–22.
2. Podol'nyj N. A. Razumnyj rok polucheniya zaklyucheniya e'ksperta na stadii vzbuzhdeniya ugovornogo dela // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2021. — № 4(66). — S. 210–219.

3. Podol'nyj N. A. Special'ny'e znaniya kak taktiko-kriminalisticheskoe sredstvo rassledovaniya prestuplenij // Kazanskije ugovorno-processual'ny'e i kriminalisticheskie chteniya: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 01 marta 2024 goda. — Kazan': OOO Redakcionno-izdatel'skij centr Shkola, 2024. — S. 177–185.
4. Podol'nyj N. A. Special'ny'e znaniya sledovatelya kak kriminalisticheski opravdannyj potencial optimizacii rassledovaniya otdel'ny'x vidov prestuplenij // Kazanskije ugovorno-processual'ny'e i kriminalisticheskie chteniya: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 03 marta 2023 goda. — Kazan': Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Redakcionno-izdatel'skij centr Shkola, 2023. — S. 98–104.
5. Podol'nyj N. A. Znachenie special'ny'x znaniy dlya rassledovaniya prestuplenij // Teoriya i praktika fundamental'ny'x i prikladny'x issledovanij v sfere sudebno-e'kspertnoj deyatel'nosti i DNK-registracii naseleniya Rossijskoj Federacii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 13–14 oktyabrya 2022 goda. — Ufa: Nauchno-issledovatel'skij institut problem pravovogo gosudarstva, 2022. — S. 167–172.
6. Kalinina E. Yu., Setko N. P. Toksikologicheskie issledovaniya pri sudebno-medicinskoj e'kspertize otravlenij by'tovy'm gazom // Orenburgskij medicinskij vestnik. — 2018. — T. VI, № 4(24). — S. 39–45.
7. Vel'chinskaya E. V., Vel'chinskij V. V. Osobennosti izucheniya yadovity'x veshhestv toksikologicheskoi i sudebnoj himii: konsolidaciya znaniy // Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: Tezisy dokladov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Mogilev, 05 aprelya 2019 goda / Redkollegiya: Yu. P. Shkaplerov [i dr.]. — Mogilev: Uchrezhdenie obrazovaniya Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus', 2019. — S. 318–320.
8. Osnovny'e vidy himicheskix veshhestv, vy'yavlenny'x v xode provedenny'x himiko-toksikologicheskix issledovanij trupov / V. A. Suchkova, F. V. Alyab'ev, A. Yu. Karachev, G. A. Slashinin // Sovremennyy'e problemy nauki i obrazovaniya. — 2021. — № 1. — S. 80.
9. Barkanov V. B., Prokof'ev I. I. Redkij sluchaj smertel'nogo otravleniya pesticidom — dimetoatom // Sudebno-medicinskaya nauka i e'kspertnaya praktika: zadachi, puti sovershenstvovaniya na sovremennom etape: Trudy IX Vserossijskogo s'ezda sudebny'x medikov s mezhdunarodny'm uchastiem, Moskva, 22–24 noyabrya 2023 goda. — Cherepovec: IP Mochalov S. V., 2023. — S. 435–440.
10. Kutjakov V. A. Disiplina Toksikologicheskaya ximiya kak istochnik polucheniya pervichny'x znaniy sudebny'm e'kspertom // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2011. — № 1(9). — S. 206–211.

Сведения об авторе

Бекетова Юлия Андреевна — аспирантка кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Россия, Саранск. E-mail: yulya.beketova.01@mail.ru.

Information about the author

Beketova Yulia A. — Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure, National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Russia, Saransk. E-mail: yulya.beketova.01@mail.ru.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 272¹ УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой исследование объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ. Автор осуществляет детальное изучение элементов объективной стороны состава. Исследуются альтернативные формы преступного деяния: использование, передача (распространение, предоставление, доступ), сбор, хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а также создание и обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для незаконного оборота такой информации. Критическому изучению подвергается законодательная конструкция состава преступления. Детально исследуются способы получения персональной информации: неправомерный доступ к средствам обработки и хранения, иное вмешательство в функционирование средств, иной незаконный путь получения. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам состава преступления. Выявляются проблемы правоприменения, связанные с определением момента окончания преступления, установлением причинной связи в условиях цифровой среды, квалификацией продолжаемых и длящихся преступлений. Формулируются практические рекомендации по установлению признаков объективной стороны в процессе расследования и судебного рассмотрения.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, ст. 272¹ УК РФ, общественно опасное деяние, персональные данные, компьютерная информация, неправомерный доступ, трансграничная передача данных

Для цитирования: Волкова А. В. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьёй 272¹ УК РФ: проблемы теории и практики // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 39–49. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-39-49

Volkova A. V.

THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 272¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. This article is a study of the objective side of the corpus delicti provided for in art. 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The author carries out a detailed study of the elements of the objective side of the composition. Alternative forms of a criminal act are investigated: the use, transfer (dissemination, provision, access), collection, storage of computer information containing personal data, as well as the creation and maintenance of information resources intended for the illicit trafficking of such information. The legislative structure of the corpus delicti is being critically studied. The methods of obtaining personal information are studied in detail: unauthorized access to the means of processing and storing, other interference in the functioning of the means, another illegal way of obtaining. Special attention is paid to the qualifying elements of the crime. The problems of law enforcement related to determining the moment of the end of a crime, establishing a causal

relationship in the digital environment, and qualifying ongoing and ongoing crimes are identified. Practical recommendations are formulated for the identification of signs of an objective party in the process of investigation and judicial review.

Keywords: *objective side of the crime, Article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, socially dangerous act, personal data, computer information, unauthorized access, cross-border data transfer*

For citation: Volkova A. V. The Objective Side of the Crime Provided for by Article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 39–49. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-39-49

Объективная сторона состава преступления представляет собой внешнюю, объективно выраженную сторону общественно опасного посягательства, характеризующую совокупностью признаков, описывающих процесс причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. В доктрине специалистами выделяются обязательные и факультативные признаки объективной стороны состава преступления [1, с.155–157].

Статья 272¹ УК РФ включает в себя шесть частей. Частями 1 и 2 ст. 272¹ УК РФ установлена ответственность за четыре альтернативные формы деяния: использование, передачу (с расшифровкой в виде распространения, предоставления, обеспечения доступа), сбор, хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем. Части 3–5 ст. 272¹ УК РФ вводят квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, некоторые из которых относятся к объективной стороне: причинение крупного ущерба, трансграничная передача информации, причинение тяжких последствий. Часть 6 ст. 272¹ УК РФ устанавливает ответственность за создание и обеспечение функционирования информационного ресурса, предназначенного для незаконного оборота персональных данных.

Актуальность исследования объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, специфика преступлений в сфере компьютерной информации, характеризующихся нематериальным предметом посягательства, использованием информационных технологий, возможностью дистанционного совершения преступлений, создает уникальные проблемы установления признаков объективной стороны, определения момента окончания преступления, выявления причинной связи [2–5]. Во-вторых, отсутствие разъяснений Пленума Верхов-

ного Суда Российской Федерации обуславливает необходимость формирования теоретической правил по квалификации содеянного. Именно поэтому многими специалистами исследуются проблемы юридического конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, и практики его применения [6–9].

В части 1 ст. 272¹ УК РФ установлена ответственность за четыре альтернативные формы общественно опасного деяния, образующие объективную сторону преступления: использование, передачу (конкретизируемую через синонимический ряд: распространение, предоставление, доступ), сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем. Альтернативность деяний означает, что для наличия состава преступления достаточно совершения любого из указанных действий; совершение нескольких действий не образует множественности преступлений. Данная законодательная конструкция отражает стремление законодателя охватить все возможные формы незаконного оборота персональных данных, создать комплексную систему уголовно-правовых запретов на всех стадиях жизненного цикла оборота персональной информации: от первоначального сбора через хранение и использование до передачи третьим лицам.

Использование компьютерной информации, содержащей персональные данные, представляет собой применение информации в какой-либо деятельности, извлечение полезных свойств информации для достижения определенных целей субъекта, эксплуатацию информационного ресурса. Понятие использования является наиболее широким и абстрактным из всех форм деяния, охватывающим любые способы применения информации. Статья 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Федеральный закон № 152-ФЗ

«О персональных данных») определяет использование персональных данных как действия (операции) оператора с персональными данными. Использование персональных данных может включать: применение информации для принятия решений в отношении субъекта персональных данных (например, использование незаконно полученной информации о кредитной истории для отказа в предоставлении услуг); использование персональных данных для совершения иных преступлений (например, использование данных банковских карт для хищения денежных средств, использование адресов и телефонов для совершения мошенничества); применение персональных данных в маркетинговых целях (рассылка рекламы, таргетирование); использование информации для шантажа, вымогательства, принуждения; любое иное применение информации, извлечение из нее пользы.

Важно разграничивать использование персональных данных как самостоятельное деяние и их использование в качестве средства совершения другого преступления. Если использование персональных данных выступает способом совершения иного преступления (например, мошенничества, вымогательства, незаконного предпринимательства), возникает вопрос о конкуренции норм или совокупности преступлений. Представляется, что в случае, когда использование незаконно полученных персональных данных образует объективную сторону другого состава преступления, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 272¹ УК РФ и соответствующей статьей о преступлении, совершенном с использованием персональных данных. Такой подход основывается на том, что ст. 272¹ УК РФ защищает право на безопасность персональных данных в цифровой форме, тогда как другие составы защищают иные объекты (собственность при мошенничестве, экономические интересы при незаконном предпринимательстве), что исключает поглощение одной нормой другой.

Передача компьютерной информации, содержащей персональные данные, конкретизируется законодателем через синонимический ряд: распространение, предоставление, доступ. Данная законодательная техника направлена на полный охват всех возможных форм передачи информации третьим лицам с учетом специфики цифровой среды. Передача в широком

смысле означает действия, направленные на то, чтобы персональные данные стали доступны другим лицам, не имеющим законного права на доступ к ним. Так, *по данным следствия, в период с 31 января 2025 года помощник нотариуса, осуществляя деятельность на территории Индустриального района г. Ижевска, используя своё служебное положение, незаконно использовала и передавала компьютерную информацию, содержащую персональные данные граждан Российской Федерации. Эта информация была получена путём неправомерного доступа к средствам её обработки и хранения и передавалась третьим лицам посредством мессенджеров. В отношении нее было возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного п. «Г» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ.* Статья 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет распространение персональных данных как «действия, направленные на раскрытие персональных данных неопределенному кругу лиц». Распространение характеризуется публичностью, открытостью, доступностью информации для широкого круга субъектов: размещение персональных данных на общедоступных интернет-ресурсах; публикация в социальных сетях без ограничения доступа; рассылка по спискам адресов электронной почты неопределенному кругу лиц; публикация в средствах массовой информации; размещение в публичных базах данных, доступных без регистрации и аутентификации.

Предоставление персональных данных в отличие от распространения характеризуется передачей информации определенному лицу или ограниченному кругу лиц: передача базы данных клиентов конкурирующей организации; продажа персональных данных маркетинговым компаниям; передача информации частным детективам, коллекторам; предоставление доступа к информационным системам, содержащим персональные данные, конкретным лицам.

Обеспечение доступа к персональным данным означает создание технической возможности для третьих лиц получить персональные данные без непосредственной их передачи: предоставление учетных данных (логинов и паролей) для входа в информационные системы; размещение персональных данных на защищенных паролем ресурсах с предоставлением пароля доступа; настройка прав доступа

в информационных системах, позволяющих неуполномоченным лицам получать персональные данные; создание каналов утечки информации (бэкдоров, скрытых интерфейсов).

Сбор компьютерной информации, содержащей персональные данные, представляет собой действия, направленные на получение и аккумуляцию персональной информации. Статья 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет сбор персональных данных как действия, направленные на получение персональных данных. Сбор предполагает активные действия по формированию массива персональных данных, созданию баз данных, агрегированию информации из различных источников. Сбор может осуществляться различными способами: копирование персональных данных из информационных систем, к которым осуществлен неправомерный доступ; парсинг (автоматизированный сбор) персональных данных с веб-сайтов, социальных сетей, публичных источников с использованием специализированных программ; агрегирование персональных данных из различных источников, сопоставление и объединение разрозненных данных для создания детальных профилей личности; получение персональных данных от третьих лиц, располагающих незаконно полученной информацией; извлечение персональных данных из перехваченного трафика, взломанных систем, утечек данных.

Важно различать законный и незаконный сбор персональных данных. Ст. 272¹ УК РФ криминализует не любой сбор, а только сбор персональных данных, полученный незаконным путем, что выступает обязательным признаком объективной стороны. Если персональные данные собираются из общедоступных источников (официальные реестры, публичные профили в социальных сетях с открытым доступом, опубликованные контакты), при условии, что информация размещена самими субъектами персональных данных или с их согласия [10. С. 21], такой сбор не образует состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ. Вместе с тем, если общедоступная информация используется в целях, противоречащих законодательству о персональных данных, возможна административная ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ (при отсутствии признака незаконного получения информации) [11]. По мнению Г. А. Есакова, в ситуации неправомерного оборота персональных

данных, когда как минимум неправомерный доступ к ним получают сотрудники оператора, последние будут нести уголовную ответственность по ст. 272.1 УК РФ, а сам оператор — по указанным частям ст. 13.11 КоАП РФ [12. С. 10].

Хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем, представляет собой фактическое обладание информацией, ее сохранение на носителях информации, в информационных системах в течение определенного времени. Статья 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет хранение персональных данных как действия, направленные на обеспечение сохранности персональных данных. Хранение может осуществляться на различных носителях и в различных формах: на жестких дисках компьютеров, серверов, съемных накопителях (флэш-накопителях, внешних жестких дисках); в облачных хранилищах, на удаленных серверах; в информационных системах, базах данных; в зашифрованном виде в специализированных хранилищах; в архивах, резервных копиях. Криминализация хранения незаконно полученных персональных данных отражает признание законодателем того, что само по себе обладание такой информацией создает угрозу правам и законным интересам субъектов персональных данных, поскольку потенциально может привести к ее использованию или распространению.

Хранение как форма преступного деяния создает специфические проблемы квалификации, связанные с определением момента окончания преступления и его продолжительности [13; 14]. Хранение по своей природе является длящимся преступлением: оно начинается с момента начала хранения (сохранения информации на носителе) и продолжается в течение всего времени, пока информация находится во владении виновного. Окончание хранения происходит в результате действий самого виновного (уничтожение информации, передача ее другим лицам) либо помимо его воли (изъятие информации правоохранительными органами, утрата носителей). Длящийся характер хранения имеет значение для исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности: согласно п. 2 ст. 78 УК РФ сроки давности исчисляются с момента окончания преступления, а в отношении длящихся преступлений — с момента их прекращения. Следовательно, хранение неза-

конно полученных персональных данных будет считаться оконченным не в момент начала хранения, а в момент его прекращения, что может значительно продлевать срок давности.

Ключевым элементом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ (за исключением части 6), выступает способ получения компьютерной информации, содержащей персональные данные. Криминализируются действия с персональными данными, «полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем». Данная формулировка означает, что не любые действия с персональными данными образуют состав преступления, а только те, которые совершаются с информацией, полученной незаконным путем. Если персональные данные получены законным путем (с согласия субъекта, на основании договора, в силу закона), но затем используются с нарушением целей обработки или условий согласия, состав преступления, предусмотренный ст. 272¹ УК РФ, отсутствует.

Законодатель выделяет три альтернативные формы незаконного получения персональных данных, образующие способ совершения преступления. Первая форма — получение путем неправомерного доступа к средствам обработки или хранения персональных данных. За неправомерный доступ к компьютерной информации ст. 272 УК РФ установлена ответственность. Применительно к ст. 272¹ УК РФ неправомерный доступ означает получение персональных данных путем несанкционированного проникновения в информационные системы, содержащие такие данные, преодоления средств защиты информации (систем аутентификации, шифрования, контроля доступа), использования уязвимостей программного обеспечения, применения специализированных программных средств для взлома. Типичные способы неправомерного доступа включают: использование украденных, подобранных или полученных путем социальной инженерии учетных данных (логинов и паролей); эксплуатацию уязвимостей веб-приложений (SQL-инъекции, межсайтовый скриптинг, подделка межсайтовых запросов); применение вредоносных программ (троянских программ, кейлоггеров, программ удаленного администрирования); атаки на протоколы аутентификации

и передачи данных; физический доступ к компьютерным системам с последующим копированием информации [15–17].

Вторая форма незаконного получения персональных данных — вмешательство в функционирование средств обработки или хранения. Данная формулировка охватывает способы получения информации, не связанные с неправомерным доступом в техническом смысле, но предполагающие воздействие на информационные системы, нарушающее нормальное функционирование средств обработки и защиты информации (отключение или нейтрализация средств защиты информации (систем обнаружения вторжений, антивирусного программного обеспечения, средств аудита); модификация настроек информационных систем для получения несанкционированного доступа к персональным данным; создание скрытых каналов утечки информации; перехват информации в процессе ее передачи по каналам связи; эксплуатация побочных каналов утечки информации (электромагнитное излучение, акустические каналы, анализ времени выполнения операций) [18; 19].

Третья форма — получение персональных данных иным незаконным путем — представляет собой оценочную категорию, охватывающую все иные способы незаконного получения информации, не относящиеся к неправомерному доступу или иному вмешательству в функционирование средств обработки. Обеспечивает универсальность нормы, ее применимость к новым способам незаконного получения информации, появление которых обусловлено развитием информационных технологий. К получению персональных данных иным незаконным путем могут относиться: получение персональных данных от третьих лиц, которые получили их незаконным путем (приобретение баз данных на черном рынке, получение информации от инсайдеров); получение информации в результате утечек данных, вызванных действиями третьих лиц; получение персональных данных путем обмана субъекта персональных данных относительно целей обработки, идентичности получателя (фишинг, социальная инженерия); получение информации с использованием служебного положения вопреки установленным ограничениям; получение персональных данных из открытых источников, если размещение информации в открытом доступе само по себе было результатом незаконных действий третьих лиц.

Важно установление причинно-следственной связи между незаконным получением информации и последующими действиями с ней. Статья 272¹ УК РФ криминализует не сам процесс незаконного получения информации (который может образовывать состав по ст. 272 УК РФ), а последующие действия с незаконно полученной информацией: использование, передачу, сбор, хранение. Следовательно, для квалификации по ст. 272¹ УК РФ необходимо установить, что лицо совершает указанные действия именно с той информацией, которая была получена незаконным путем. Если неправомерный доступ к информационно-системе осуществлен одним лицом, а последующее использование или распространение персональных данных — другим лицом, действия первого квалифицируются по ст. 272 УК РФ, действия второго — по ст. 272¹ УК РФ, при наличии предварительного сговора — по ч. 3 ст. 272¹ УК РФ по признаку совершения группой лиц по предварительному сговору.

Определение конструкции состава преступления имеет важное значение для установления момента окончания преступления, квалификации приготовления и покушения, разграничения оконченного и неоконченного преступления. Части 1 и 2 ст. 272¹ УК РФ сконструированы по типу формального состава: диспозиция описывает только деяние (использование, передачу, сбор, хранение персональных данных), не указывая на необходимость наступления общественно опасных последствий в качестве обязательного признака объективной стороны. Формальная конструкция состава означает, что преступление считается оконченным с момента совершения деяния независимо от наступления последствий [20]. Фактически действия с персональными данными влекут негативные последствия для субъектов персональных данных (нарушение права на неприкосновенность частной жизни, риски причинения имущественного, морального, репутационного вреда), однако законодатель не включает эти последствия в конструкцию основного состава, что упрощает доказывание и обеспечивает более раннюю момент криминализации поведения.

Момент окончания преступления определяется в зависимости от формы деяния. При использовании персональных данных преступление считается оконченным с момента начала использования информации: применения ее для принятия решений, со-

вершения на ее основе каких-либо действий, извлечения пользы из информации. Единичный акт использования образует оконченное преступление; последующее продолжение использования не образует новых преступлений, может учитываться при назначении наказания. При передаче (распространении, предоставлении, обеспечении доступа) персональных данных преступление считается оконченным с момента, когда информация стала доступна третьим лицам. Для распространения это момент размещения информации в открытом доступе, независимо от того, ознакомились ли с ней конкретные лица. Для предоставления — момент фактической передачи информации определенному лицу. Для обеспечения доступа — момент создания технической возможности получения информации третьими лицами, независимо от фактического использования этой возможности.

При сборе персональных данных преступление считается оконченным с момента получения информации виновным, ее фиксации на носителях информации, находящихся в его владении. Процесс сбора может быть продолжительным, растянутым во времени (например, длительный парсинг данных с множества источников), однако каждый акт получения информации образует продолжение единого преступления, а не самостоятельные преступления. При хранении персональных данных возникает специфическая ситуация, связанная с длительным характером данного деяния. Преступление считается оконченным с момента начала хранения — сохранения информации на носителях, в информационных системах, находящихся во владении виновного. Однако в отличие от использования или передачи, где деяние имеет одномоментный характер, хранение продолжается во времени, образуя длящееся преступление. Юридическое окончание длящегося преступления происходит в момент его прекращения: уничтожения информации самим виновным, передачи ее другим лицам, изъятия правоохранительными органами.

Пункт «б» части 3 ст. 272¹ УК РФ связывает момент окончания с причинением крупного ущерба, которое должно находиться в причинной связи с действиями виновного по использованию, передаче, сбору или хранению персональных данных. В ст. 272¹ УК РФ законодатель не определяет количественный критерий крупного ущерба. Однако в примечании 2 к ст. 272

УК РФ отмечается, что «крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей». Представляется, что необходимы дальнейшие исследования для определения достаточности указанного ущерба в денежном выражении, ведь отмеченное положение появилось за долго до установления ответственности за незаконный оборот персональных данных. К примеру, следует ли включать в установление ущерба прямые имущественные потери субъектов персональных данных (хищение денежных средств с использованием персональных данных, имущественный вред от мошеннических действий), упущенную выгоду, а также расходы на устранение последствий компрометации персональных данных (замена документов, смена реквизитов, юридические расходы) и т. д.

В свою очередь ч. 5 ст. 272¹ УК РФ устанавливает ответственность за деяния, повлекшие тяжкие последствия, что также образует материальный состав. Тяжкие последствия представляют собой оценочную категорию, содержание которой определяется судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. Согласно пункту 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком в статьях 272–274¹ УК РФ следует понимать, в частности, «длительную приостановку или нарушение работы предприятия, учреждения или организации, получение доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну, предоставление к ней доступа неограниченному кругу лиц, причинение по неосторожности смерти, тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку и т. п.».

Установление причинной связи в преступлениях, связанных с персональными данными, может представлять значительную сложность в силу опосредованного характера причинения вреда. Например, виновный распространяет в сети Интернет персональные данные граждан (адреса, номера телефонов, данные банковских карт); третьи лица, не установленные или находящиеся за пределами юрисдикции

России, используют эти данные для совершения мошенничества, в результате чего потерпевшим причинен имущественный ущерб. Можно ли вменить этот ущерб лицу, распространившему персональные данные? С точки зрения теории причинной связи, распространение персональных данных создало условия для совершения мошенничества третьими лицами, однако не было единственной и достаточной причиной наступления ущерба — требовались дополнительные действия третьих лиц. Представляется, что распространение персональных данных создает реальную и предвидимую возможность их использования для совершения преступлений против потерпевших, что обосновывает вменение причинения крупного ущерба.

Часть 4 ст. 272¹ УК РФ устанавливает особо квалифицирующий признак, относящийся к объективной стороне: совершение деяний, сопряженных с трансграничной передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные, и (или) трансграничным перемещением носителей информации, содержащих персональные данные. Данный признак отражает повышенную общественную опасность деяний, связанных с выводом персональных данных граждан Российской Федерации за пределы юрисдикции российского государства, что создает риски утраты контроля над информацией, невозможности ее защиты правовыми средствами, использования в целях, противоречащих интересам национальной безопасности. Примечание 2 к ст. 272¹ УК РФ определяет трансграничное перемещение носителей информации как совершение действий по ввозу на территорию Российской Федерации и (или) вывозу с территории Российской Федерации машиночитаемого носителя информации, на который осуществлены запись и хранение персональных данных.

Трансграничная передача компьютерной информации, содержащей персональные данные, представляет собой передачу информации в электронной форме через государственную границу Российской Федерации посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Типичные формы трансграничной передачи включают: размещение персональных данных на серверах, физически находящихся за пределами территории Российской Федерации (иностранные хостинг-провайдеры, облачные хранилища); передачу персональных данных иностранным

компаниям, организациям, физическим лицам; направление персональных данных по электронной почте, через мессенджеры получателям, находящимся за границей; загрузку персональных данных в иностранные информационные системы, сервисы, социальные сети с серверами за пределами Российской Федерации. Трансграничное перемещение носителей информации означает физическое перемещение через границу Российской Федерации материальных объектов, содержащих персональные данные в машиночитаемой форме: жестких дисков, твердотельных накопителей, флэш-накопителей, оптических дисков, мобильных устройств (ноутбуков, смартфонов, планшетов) с записанными на них персональными данными.

Квалификация деяния по ч. 4 ст. 272¹ УК РФ требует установления умышленного характера трансграничной передачи или перемещения: виновный должен осознавать, что осуществляет передачу информации за пределы Российской Федерации или перемещает носители через границу. Если лицо, распространяя персональные данные в сети Интернет, не осознавало и не должно было осознавать, что информация размещается на серверах, находящихся за пределами Российской Федерации, признак трансграничной передачи не вменяется. Вместе с тем в современных условиях, когда большинство глобальных интернет-сервисов используют распределенные системы хранения данных с серверами в различных юрисдикциях, осведомленность о трансграничном характере передачи может презюмироваться при использовании иностранных платформ.

Часть 6 ст. 272¹ УК РФ криминализирует качественно иное деяние, не связанное непосредственно с действиями над персональными данными, — создание и (или) обеспечение функционирования информационного ресурса, заведомо предназначенного для незаконного хранения, передачи персональных данных. Объективная сторона данного состава включает два альтернативных действия: создание информационного ресурса и обеспечение его функционирования.

Создание означает разработку, программирование, развертывание информационного ресурса: сайта в сети Интернет, страницы сайта, информационной системы, компьютерной программы.

Обеспечение функционирования означает поддержание работоспособности информационного ресурса: хостинг, техни-

ческое обслуживание, администрирование, обновление, обеспечение доступности.

Важным признаком объективной стороны выступает предназначенность информационного ресурса для незаконных действий с персональными данными. Предназначенность означает, что ресурс создан и функционирует специально для хранения, передачи, распространения незаконно полученных персональных данных; это главная функция ресурса. Примерами таких ресурсов являются: специализированные сайты (так называемые «дакрнет-рынки»), где продаются базы персональных данных; форумы, предназначенные для обмена персональными данными; файлообменники, специализирующиеся на распространении скомпрометированных баз данных; информационные системы, агрегирующие персональные данные из утечек. Если ресурс имеет законное назначение, но используется отдельными пользователями для незаконных действий с персональными данными, состав преступления по ч. 6 ст. 272¹ УК РФ отсутствует для разработчика, однако нельзя исключать возможность привлечения третьих лиц к ответственности за обеспечение функционирования информационного ресурса.

Итак, объективная сторона характеризуется полиморфной структурой, включающей множественные альтернативные формы общественно опасного деяния: использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), сбор, хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. Данная законодательная конструкция обеспечивает комплексный охват всех стадий незаконного оборота персональных данных, создает правовые механизмы противодействия различным формам посягательств на информационное самоопределение личности.

Обязательным криминообразующим признаком объективной стороны выступает способ получения информации: неправомерный доступ к средствам обработки и хранения, иное вмешательство в функционирование средств, иной незаконный путь получения. Данный признак дифференцирует преступное и не преступное поведение: криминализируются только действия с персональными данными, полученными незаконным путем, тогда как нарушения законодательства о персональных данных при обработке законно полученной

информации образуют административные правонарушения.

Момент окончания преступления дифференцируется в зависимости от формы деяния: при использовании и передаче — момент начала использования или фактической передачи информации; при сборе — момент получения информации; при хранении — момент начала хранения с признанием длящегося характера преступления. Квалифицированные признаки объективной стороны включают причине-

ние крупного ущерба, трансграничную передачу информации или перемещение носителей, причинение тяжких последствий. Специфическая форма деяния, предусмотренная ч. 6 ст. 272¹ УК РФ, представляет собой создание инфраструктуры для незаконного оборота персональных данных, что отражает криминализацию не только непосредственных действий с персональными данными, но и создания условий для таких действий.

Литература

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А. Я. Гришко, Е. А. Антонян, А. Ю. Беляков [и др.]. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. — 557 с. — ISBN 978-5-16-018447-0. — DOI 10.12737/2007669. — EDN NPYICM.
2. Русскевич Е. А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5 (129). С. 26–33. DOI:10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033.
3. Винокуров В. Н. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ / В. Н. Винокуров, Е. А. Федорова // Законодательство. 2021. № 11. С. 73–80. EDN SYZUUT.
4. Гребенкин Ф. Б. Некоторые проблемные вопросы объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ / Ф. Б. Гребенкин, Л. А. Коврижных // Вестник гуманитарного образования. 2017. № 2. С. 71–77. EDN ZEUGRH.
5. Пелевина А. В. Общая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 209–211. EDN UZFDSD.
6. Шутова А. А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 6. С. 122–134. DOI 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134. EDN LXPPWK.
7. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая характеристика преступлений против безопасности персональных данных: анализ статьи 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации / И. Р. Бегишев, Н. Н. Рыбушкин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4(73). С. 19–23. EDN SGDXFX.
8. Денисович В. В., Кудряшов А. В., Перемолотова Л. Ю. Особенности применения современных цифровых технологий в сфере охраны персональных данных // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 100–106. EDN: VZGALM.
9. Князьков А. А. Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 272¹ УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2025. № 5 (129). С. 65–73. DOI:10.17803/2311-5998.2025.129.5.065-073.
10. Хохлова Е. В. Персональные данные в социальных сетях: теория и судебная практика толкования общедоступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3 (90). С. 214–219. DOI:10.24412/1999-625X-2023-390-214-219.
11. Корешников Д. С. Конкуренция норм об охране персональных данных: разграничение статьи 272.1 УК РФ и статьи 13.11 КОАП РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 49–54. DOI:10.47475/2311-696X-2025-46-3-49-54.
12. Еясаков Г. А. Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 11(183). С. 10–17. DOI 10.52390/20715870_2025_11_10. EDN VAZEMG.
13. Етков А. С. Уголовно-правовые вопросы оценки длящихся преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1. С. 33–36.
14. Ображиев К. В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 442–455. DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455. EDN EGGTER.
15. Защита информации от несанкционированного доступа в системах обработки данных при проектировании электронных средств / А. П. Галкин, Е. Г. Суслова, М. Аль Агбари, М. Аль Мураеш // Проектирование и технология электронных средств. 2007. № 2. С. 61–64. EDN KWWZLP.

16. Шодырова Б. Х. Актуальные технологии защиты от утечки конфиденциальной информации / Б. Х. Шодырова, Г. Т. Даненова, Б. С. Жекенова // Труды университета. 2011. № 3(44). С. 78–81. EDN TEMXFL.
17. Василькова, И. В. Классификация угроз информации / И. В. Василькова // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества: Материалы VIII международной научно-практической конференции, Минск, 14 мая 2015 года / Составители В. Н. Кривцов, Н. Н. Горбачев. Минск: ООО «Ковчег», 2015. С. 142–143. EDN YQTKPP.
18. Давыдов А. Е. Технические средства и методы защиты информации от утечки по техническим каналам на объектах информатизации / А. Е. Давыдов, Р. В. Максимов, О. К. Савицкий; А. Е. Давыдов, Р. В. Максимов, О. К. Савицкий; НИИ «Масштаб». Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. 192 с. ISBN 978-5-7422-3490-6. EDN QMXESB.
19. Защита информации при создании и эксплуатации сложных технических устройств и систем / В. В. Мухортов, И. Д. Королев, А. С. Мезенцев [и др.] // Информационная безопасность — актуальная проблема современности. Совершенствование образовательных технологий подготовки специалистов в области информационной безопасности. 2017. № 1(8). С. 173–175. EDN LTXBWZ.
20. Ермакова О. В. Классификация формальных составов преступлений и ее значение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 126–133. DOI:10.55001/2312-3184.2023.38.28.011.

References

1. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook / A. Ya. Grishko, E. A. Antonyan, A. Yu. Belyakov [and others]. — Moscow: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center INFRA-M", 2025. — 557 p. — ISBN 978-5-16-018447-0. — DOI 10.12737/2007669. — EDN NPYICM.
2. Ruskevich E. A. Digitalization of criminal legislation: difficult consequences of simple decisions // Bulletin of O. E. Kutafin University. 2025. No. 5 (129). pp. 26–33. DOI:10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033.
3. Vinokurov V. N. On the issue of the subject of the crime provided for in Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation / V. N. Vinokurov, E. A. Fedorova // Legislation. 2021. No. 11. pp. 73–80. EDN SYZUUT.
4. Grebenkin F. B. Some problematic issues of objective recognition of the corpus delicti provided for in Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation / F. B. Grebenkin, L. A. Kovrizhnykh // Bulletin of Humanitarian Education. 2017. No. 2. pp. 71–77. EDN ZEUPRH.
5. Pelevina A. V. General characteristics of crimes in the field of computer information // Gaps in Russian legislation. 2015. No. 4. pp. 209–211. EDN UZFDSD.
6. Shutova A. A. Novelties of criminal legislation on responsibility for illegal trafficking of personal data // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2024. Vol. 166, No. 6. pp. 122–134. DOI 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134. EDN LXPPWK.
7. Begishev I. R. Criminal and legal characteristics of crimes against personal data security: analysis of Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / I. R. Begishev, N. N. Rybushkin // Bulletin of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4(73). pp. 19–23. EDN SGDXFX.
8. Denisovich V. V., Kudryashov A. V., Peremolotova L. Yu. Features of the use of modern digital technologies in the field of personal data protection // Law and order: history, theory, practice. 2024. No. 4 (43). pp. 100–106. EDN: VZGALM.
9. Knyazkov A. A. Criminal law novella for violation of legislation on personal data (art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of the structure design and qualification issues // Bulletin of the O. E. Kutafin University, 2025. № 5 (129). pp. 65–73. DOI:10.17803/2311-5998.2025.129.5.065-073.
10. Khokhlova E. V. Personal data in social networks: theory and judicial practice of interpretation of public accessibility // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 29, No. 3 (90). pp. 214–219. DOI:10.24412/1999-625X-2023-390-214-219.
11. Koreshnikov D. S. Competition of personal data protection standards: the distinction between Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 13.11 of the Administrative Code of the Russian Federation // Law and order: history, theory, practice. 2025. No. 3 (46). pp. 49–54. DOI:10.47475/2311-696X-2025-46-3-49-54.
12. Yesakov G. A. Illegal trafficking of personal data (art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal law. 2025. No. 11(183). pp. 10–17. DOI 10.52390/20715870_2025_11_10. EDN VAZEMG.
13. Ektov A. S. Criminal law issues of assessment of ongoing crimes // Problems of law enforcement activity. 2007. No. 1. pp. 33–36.
14. Obrazhiev K. V. The legal nature and signs of a continuing crime // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15, No. 4. pp. 442–455. DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455. EDN EGGTEP.

15. Protection of information from unauthorized access in data processing systems in the design of electronic tools / A. P. Galkin, E. G. Suslova, M. Al Agbari, M. Al Muraesh // Design and technology of electronic devices. 2007. No. 2. pp. 61–64. EDN KVVZLP.
16. Shodyrova B. H. Actual technologies of protection against confidential information leakage / B. H. Shodyrova, G. T. Danenova, B. S. Zhekenova // Proceedings of the University. 2011. No. 3(44). pp. 78–81. EDN TEMXFL.
17. Vasilkova, I. V. Classification of information threats / I. V. Vasilkova // Modern innovative technologies and problems of sustainable development of society: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 14, 2015 / Compiled by V. N. Krivtsov and N. N. Gorbachev. Minsk: Kovcheg LLC, 2015. pp. 142–143. EDN YQTKPP.
18. Davydov A. E. Technical means and methods of protecting information from leakage through technical channels at informatization facilities / A. E. Davydov, R. V. Maksimov, O. K. Savitsky; A. E. Davydov, R. V. Maksimov, O. K. Savitsky; Scientific Research Institute "Scale". Saint Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2012. 192 p. ISBN 978-5-7422-3490-6. EDN QMXESB.
19. Information protection in the creation and operation of complex technical devices and systems / V. V. Mukhortov, I. D. Korolev, A. S. Mezentsev [et al.] // Information security is an urgent problem of our time. The improvement of educational technologies for training specialists in the field of information security. 2017. No. 1(8). pp. 173–175. EDN LTXBWZ.
20. Ermakova O. V. Classification of formal crimes and its significance // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (107). pp. 126–133. DOI:10.55001/2312-3184.2023.38.28.011.

Информация об авторах

Волкова Анна Валерьевна — соискатель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Российская Федерация). E-mail: avmail555@gmail.com

Information about the author

Volkova Anna V. — Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). E-mail: avmail555@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.11.2026

Дата рецензирования / Received: 25.11.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.11.2026

Вылегжанин Н. С.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ НЕМАРКИРОВАННОЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Не может быть эффективного противодействия преступлениям, связанным с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, без эффективной методики расследования, содержащей рекомендации, обеспечивающие качество познания следователем обстоятельств соответствующего события. При этом, криминалистическая методика должна учитывать особенности совершения названных преступлений. Это обусловлено тем, что преступление всегда первично по отношению к расследованию, поскольку предметом расследования всегда является вполне определённое преступное деяние или деяние, в котором подозревается соответствующее преступление. Расследование всегда стремится установить в совершённом преступлении «слабые места», знание которых позволит выявить следы и иную информацию о совершённом преступлении и поможет изобличить виновное лицо. Инструментом для выявления этих «слабых мест» являются следственные действия, проведение которых позволяет получить данные, из которых можно сделать вывод об имевшем место событии. Ключевое значение для расследования названных преступлений имеет осмотр места происшествия, который должен проводиться ещё на стадии возбуждения уголовного дела. Эти вопросы, имеющие значение для практики расследования рассматриваются в предлагаемой вниманию статье.

Ключевые слова: расследование; методика расследования; осмотр места происшествия; оперативно-розыскные мероприятия; возбуждение уголовного дела; немаркированная и фальсифицированная алкогольная продукция

Для цитирования: Вылегжанин Н. С. Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции: криминалистический аспект // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 50–58. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-50-58

50

Vy`legzhanin N. S.

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE TRAFFICKING OF UNMARKED AND ADULTERATED ALCOHOLIC BEVERAGES: CRIMINALISTIC ASPECT

Abstract. There can be no effective counteraction to crimes related to the sale of unmarked and adulterated alcoholic beverages without an effective investigative methodology containing recommendations that ensure the investigator's quality of knowledge of the circumstances of the relevant event. At the same time, the forensic methodology should take into account the

specifics of the commission of these crimes. This is due to the fact that the crime is always primary in relation to the investigation, since the subject of the investigation is always a well-defined criminal act or an act in which the corresponding crime is suspected. The investigation always seeks to identify "weak points" in the committed crime, the knowledge of which will reveal traces and other information about the committed crime and will help to expose the guilty person. Investigative actions are a tool for identifying these "weak points", which allow us to obtain data from which it is possible to draw a conclusion about the event that took place. A key importance for the investigation of these crimes is the inspection of the scene, which should be carried out at the stage of initiation of criminal proceedings. These issues, which are important for the practice of investigation, are discussed in this article.

Keywords: investigation; investigation methodology; inspection of the place of occurrence; operational search measures; initiation of criminal proceedings; unmarked and adulterated alcoholic products

For citation: Vylegzhanin N. S. Features of the Investigation of Crimes Related to the Trafficking of Unmarked and Adulterated Alcoholic Beverages: Criminalistic Aspect. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 50–58. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-50-58

Противодействие преступности представляет собой многогранный процесс, состоит из множества элементов. Эффективность любого элемента противодействия определяет уровень его результативности в области предотвращения преступлений. Результативность противодействия зависит от направленности и адресности ее проведения к определенным видам преступлений и условиям их совершения [1, с. 343–344]. Имея видовые особенности каждое преступление требует определенной специализированной реакции на него. В процессе противодействия используют различные действия и мероприятия. Взаимодействие борьбы с преступностью состоит в таких элементах как: расследование [2, с. 372–375]. Расследование — это раскрытие преступления. Раскрывать преступление — значит полностью установить все его обстоятельства. Из этого следует, что борьба с преступлением идет успешно только при условии полного раскрытия всех совершенных преступлений и привлечения виновных к ответственности, так как именно это определяет уровень правопорядка и законности в обществе. Поэтому расследование является важным механизмом взаимодействия системы противодействия преступности. Высокое качество проведения расследования является гарантом устойчивости социального и государственного строя, развития экономики страны. Качественное проведение расследования обеспечивается разработкой эффективной криминалистической методики расследования определенного вида преступлений.

Противодействие преступлениям, связанным с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, является одним из ключевых направлений борьбы с уголовными преступлениями. Эффективность проводимых расследований определяет результативность запрета данного вида уголовных деяний. Результативно можно бороться только тогда, когда будут устранены все виды экономических проявлений данного преступления и будет реализован потенциал легального алкогольного рынка, функционирующего в рамках закона. Значит запрет будет эффективным только тогда, когда реально будет применен и реализован. От того какие средства будут применены для осуществления этого запрета зависит его эффективность. Уголовную ответственность можно рассматривать как средство обеспечения реализации запрета. Реализация запрета будет возможной, если он расследуется эффективно. Введение запрета на продажу немаркированной и поддельной продукции будет действенным только в том случае, если каждое расследование подобных случаев приведет к уголовному преследованию виновных. Увеличение эффективности такого запрета напрямую зависит от разработки эффективной криминалистической методики расследования. Криминалистическая методика обеспечивает следователям рекомендации по наиболее эффективному проведению всех этапов уголовного дела — от обнаружения преступления до его раскрытия и всестороннего расследования.

Результативность применяемых методик расследования обусловлена правиль-

ным выбором объекта исследования. Предмет исследования в значительной мере определяет к какой классификационной группе отнесено совершенное преступление, а значит и криминалистическую методику его раскрытия [3, с. 45–47]. Правильное определение предмета исследования является важным фактором в процессе подготовки следственного мероприятия, так как на основе него следователь может выбрать наиболее рациональный подход к раскрытию данного преступления. Данная взаимосвязь данного преступления и его расследования является постоянной и влияет на результаты всего дальнейшего расследования. Следователь исходя из вида совершенного преступления избирает оптимальные способы раскрытия и установления всех фактов. Всегда учитывая особенности способа совершения преступления и механизм преступления, а также особенности личности подозреваемого либо обвиняемого. Знание о методах и принципах следственной деятельности позволяет отыскать факты, говорящие о виновнике преступления. Знание о личности обвиняемого позволяет узнать потенциальные сложности у следователя при раскрытии преступления.

Под преступлениями, связанными с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, понимается совершение деяний в соответствии со ст. 171.1, 171.3, 238 УК РФ, а именно — производство, приобретение, хранение, перевозку (пересылку), реализацию алкогольной продукции без маркировки и/или сведений о производителе, подлежащих обязательному указанию на этикетке. В него также включается неправомерное изготовление и оборот этилового спирта, алкоголя, табака, никотино-содержащей продукции и сырья для производства продуктов табачной промышленности. К данной группе преступлений относится деятельность по изготовлению, хранению, перемещению или реализации товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, опасных для жизни или здоровья людей, а также экологии. Этот вид преступлений объединяет множество составов, имеющих одинаковый объект преступления. Предметом данных составов является общественное отношение, охраняемое нормами права о производстве, сбыте, употреблении алкогольной продукции, а также вреда жизни и здоровью граждан. Перечисленные преступления совершаются с целью установления

нелегальных связей в нарушение Федерального закона от 22.11.95 г. № 171-ФЗ “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”.

Понимание сущности посягательства дает возможность разработать стратегию действий для выявления, раскрытия и расследования соответствующих преступлений. Это обусловлено спецификой правовых отношений, которые подвергаются нарушению. Преступник, планируя свои действия, всегда анализирует особенности этих правоотношений. Часто преступление проявляется в виде нарушения структуры или функционирования данного правоотношения [4, с. 52]. Такой изъян может быть результатом подмены элементов в составе юридического факта, скажем, замены субъекта. В отношении преступлений этого типа имеется возможность говорить о нарушении технологической процедуры изготовления спиртных напитков. Зачастую данные виды нарушений являются сокращением многоступенчатых процессов. Расследование такого деяния будет возможно только при наличии у следователя знаний об условиях возникновения правового факта. Важно для него знать нормы права, которые регулируют те или иные правоотношения, которые были нарушены преступным поведением. Также важно знать особенности оборота алкоголя, которые установлены законом. Следователь выбирает средства и методы проведения следствия, это зависит от вида совершенного преступления, а также от регламентированных нормами права правил оборота алкоголя.

Нормы, определяющие уголовно-правовую ответственность за совершение деяний в области оборота названной продукции (алкогольные напитки), носят бланкетный характер, что имеет значение не только для квалификации преступления, но и при производстве предварительного следствия, определении круга вопросов подлежащих обязательному установлению [5, с. 415–428]. Для понимания противоправности деяния необходимо знать, что является правомерным в данном случае. Следует уяснить, каким образом должен поступать субъект согласно предписаниям нормы права при данном фактическом положении дел. Отсюда мы сможем выделить в поведении лица признаки преступного деяния. Такое выделение обстоятельств,

возникших из противоправных действий, ведет к установлению виновности определенного лица. В итоге достигается взаимосвязь, а иногда и взаимозависимость расследования, совершенного преступления, нарушенных правоотношений как последствий противоправного деяния.

Для того чтобы построить первоначальное представление о преступлении даже в ходе предварительных стадий уголовного правосудия, следователю должно быть известно правовое регулирование оборота алкоголя. При таком уровне подготовки он будет способен объективно воспринять действия подозреваемых и понять, где те нарушили закон. Вина может быть установлена только путем сопоставления действий подозреваемого с тем, что требует от него закон. Согласно этому положению, на первом этапе расследования следователь должен знать каким образом правильно должно вести себя субъекту по месту совершения им деяния. Такое знание поможет следователю обнаружить признаки преступлений [6, с. 573–579]. По итогам проделанной работы устанавливаются место совершения преступления и субъекты, обладающие информацией для дальнейшего исследования. Такая характеристика позволит следователю обозначить те меры, которые необходимы для установления всех обстоятельств дела, подлежащих рассмотрению судом. В ходе производства по уголовному делу следователь создает схему возможного правомерного поведения лица, которое является субъектом преступления, анализирует фактическое поведение данного лица, на основании чего определяется соотношение совершаемых действий и действий, требовавшихся совершить или не совершать согласно закону.

В случае поступления к следователю сообщений о совершении преступления в сфере незаконного оборота поддельной или контрафактной алкогольной продукции, при наличии необходимых знаний он использует метод стандартов исполнения. Данный метод заключается в определении нормативов (стандарта) выполнения действий подозреваемым лицом, регистрацию выполненных им действий и сопоставление их с принятым стандартом. С помощью сравнения действий с законодательством устанавливается степень отклонения от установленного поведения. Оценка противоправности и общественной опасности этого отклонения позволяет установить наличие преступления и дать основа-

ния для его привлечения к уголовной ответственности. По этому анализу делается вывод о необходимости возбуждения уголовного дела. В ходе проведения предварительного следствия данный метод используется следователем постоянно в целях установления всех обстоятельств совершенного преступления. Позволяет прогнозировать будущие следственные действия по данному делу, которые могут привести к добыче улик и необходимых доказательств по делу. Данный метод определяет неразрывную связь между правовым фактом и производством по уголовному делу.

Метод стандартов исполнения не ограничивается только стадией возбуждения уголовного дела. Применять его при проведении предварительного расследования тоже актуально ведь этот метод помогает следователю организовать работу по сбору информации о преступлении. Данный метод является для следователя своеобразным путеводителем, помогающим на каждом этапе провести анализ работы чтобы знать, насколько близко к цели следуешь в познании истины. Таким образом следователь сможет пересмотреть своё тактическое решение и повысить его результативность. Использование этого приема обеспечивает качественное проведение расследования и исключает допущение погрешностей при работе. Правовое осознание позволяет определить социальную вредность преступного деяния. Данный прием характеризуется непрерывным сопоставлением совершаемых действий с теми действиями, которые предусмотрены законом. С такой логикой следователь сможет построить свое расследование и определить полную картину деяния. А это значит, что процесс установления истины проходит успешно.

Уголовный закон, который предусматривает наказание за преступления, связанные с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, требует от следователя не только знания уголовного кодекса, а еще и законов об обороте алкогольных напитков. При этом он должен знать те, которые регламентируют его продажу. Чтобы понимать, что есть такое преступление, какие следы оно оставляет на местности. За счет чего будет раскрыта вся суть данного дела [7, с. 292–299]. Определение объекта преступления позволяет определить факты, которые требуют познания в полном объеме. Факты позволяют правильно опреде-

лать наиболее рациональные следственные и процессуальные действия при расследовании данного вида преступлений. К таким действиям относятся: осмотр места происшествия, обыск и выемка, допрос подозреваемых лиц, назначение судебных экспертиз и их производство. В ходе расследования преступлений, в зависимости от специфики каждого дела, нередко осуществляется проверка показаний свидетелей непосредственно на месте происшествия. Не менее важными источниками информации для следствия служат ревизии и анализ документов.

Наиболее распространенным основанием для возбуждения уголовного дела являются сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Чаще всего такая информация представляет собой оперативную информацию. Обнаружение нарушений на рынке алкоголя осуществляется посредством проведения комплекса ОРМ. К наиболее часто применяемым методам относятся: проверочная закупка, контролируемая доставка и оперативный эксперимент, позволяющие получить ценную информацию о нелегальных сделках. Вопрос выбора оперативно-розыскных мероприятий определяется спецификой каждого преступления. К ним относятся, например, оперативное внедрение в преступные группы, обследование объектов недвижимости и транспорта, прослушивание телефонных разговоров и перехват данных из сетей связи, наблюдение за подозреваемыми, а также сбор информации из различных источников. Проведение указанных мероприятий позволяет компетентному органу, занимающемуся оперативно-розыскной деятельностью, составить представление о фактах, связанных с расследуемыми преступлениями. Именно это дает основания для квалификации совершенного деяния как преступления [8. С. 174–180]. По полученным данным направляется ходатайство об уведомлении следователя о совершении преступления данного рода.

Из содержания ст. 144 УПК следует, что следователь на основании поступившей информации о фактах преступления данного вида проводит проверку. Для реализации своих функций уголовно-процессуальный закон наделяет его средствами и полномочиями, указанными в первой части данной статьи. Ввиду специфических особенностей расследования данных пре-

ступлений следователем осуществляется не вся совокупность указанных мероприятий. В случае возникновения оснований подозревать совершение преступления, относящегося к алкоголю, как правило, осуществляются: осмотр места совершения преступления, изъятие алкоголя, оборудования для приготовления алкоголя, документов об алкоголе (бухгалтерские, отчетные). На стадии возбуждения уголовного дела назначаются разного рода экспертизы. При сообщении о таком виде преступления могут проводиться следующие виды судебных экспертиз с целью выявления признаков состава и обстоятельств правонарушения: химико-техническая, товароведческая, технико-криминалистическая экспертиза документов. Все перечисленное должно быть сделано срочно по факту поступления сообщения об указанных деяниях. Задержка может стать причиной потери следов, встречного сопротивления. Последнее же зачастую становится фактором разрушения доказательной базы и информации, важных для раскрытия дела.

Несмотря на важность и неизбежность этих процессуальных процедур, на практике наблюдается значительное количество ошибок. Особую склонность к ошибкам демонстрирует процедура осмотра места происшествия. Часто встречающейся проблемой является некорректное, слишком общее описание места преступления. В нем часто отсутствуют конкретные сведения о локализации и важных объектах, необходимых для расследования и выяснения деталей произошедшего. При осмотре мест производства либо маркировки алкоголя также часто приводятся общие сведения о том оборудовании, которое было использовано. Не уточнение места размещения объектов на месте происшествия препятствует восприятию хронологии преступных действий. Обычно в описании осмотра отмечается только сама процедура осмотра. Часто следователи путают осмотр с обыском, вследствие чего применяют методы, свойственные обыску, такие как вскрытие помещений и т. п. В результате такого подхода качество осмотра ухудшается, что может повлиять на его способность служить доказательством. В ряде ситуаций это даже может сделать осмотр непригодным для установления виновности.

Осмотр места происшествия — основное следственное действие, которое проводится немедленно при поступлении со-

общения о совершенном преступлении рассматриваемого вида. Связь с оперативностью обуславливается тем, что необходимо зафиксировать как можно больше доказательных материалов для раскрытия преступления. Оперативность осмотра места происшествия может также защитить от сокрытия и подделки вещественных доказательств лицами, причастными к делу. Поскольку это следственное действие имеет большое значение оно проводится в сопровождении органов, имеющих полномочия в проведении ОРД, что существенно снизит риск противодействия следствию или уничтожения каких-либо предметов или документов, имеющих отношение к событию преступления [9. С. 222–228]. Кроме того, следователь может извлечь необходимую информацию от данных органов. Возможно, данная информация даст им понять главные моменты события и позволит найти следы, по которым будет найден преступник. Так же структуры оперативно передают информацию о воздействии деятельности следователя на обвиняемых, подозреваемых в совершении преступления при проведении очных ставок. Осуществление ОРМ на месте проведения осмотра места происшествия позволяет исключить возможность уничтожения доказательств лицами, заинтересованными в сокрытии истины. Благодаря оперативной информации своевременно, следователю возможно внести корректировки в проводимую им деятельность.

Осмотр места происшествия является важным этапом в ходе расследования преступления, а для его осуществления зачастую привлекают специалиста [10. С. 146–153]. Подготовительная работа следователя перед осмотром места происшествия заключается в определении, какого именно специалиста следует привлечь для данного осмотра. Привлечение специалиста обусловлено тем материалом, который у него имеется, среди которого есть результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий. На основе анализа всех обстоятельств дела, имеющих значение для идентификации следов, проводится предварительная оценка (прогноз) по тем проблемам и сложностям, с которыми предстоит встретиться при производстве следственного действия. При этом анализируются специальные знания, необходимые для объяснения обстановки места происшествия и характеризующие те или иные обнаруженные следы.

Для установления признаков преступлений следователю требуются особые знания для того, чтобы выявить наиболее вероятные места на местности или внутри помещений с местами возможного обнаружения следов преступления. Принимать решение об участии такого специалиста должен прежде всего следователь еще до проведения осмотра места происшествия по той причине, что этот специалист может помочь спланировать осмотр и предусмотреть возникающие проблемы. В некоторых случаях, особенно при расследовании сложных преступлений, целесообразно привлечь не одного, а несколько специалистов, обладающих глубокими знаниями в различных областях (например, в области маркировки и состава алкогольных напитков).

В ходе производства по делам о преступлениях, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, необходимо провести осмотр на месте обнаружения орудий преступления. К осмотру подлежат привлечению не только специалисты-криминалисты, но и специалисты — химики (технологии) или специалист по стандартизации и метрологии. В зависимости от характера совершенного преступления могут приглашаться различные специалисты. В зависимости от специфики расследования, следователь может пригласить на осмотр места происшествия узконаправленных специалистов. Например, если расследование сосредоточено на производстве алкоголя, достаточно привлечь специалиста по химии или технологии производства алкогольных напитков. В случае, когда преступление связано с подделкой маркировки, в осмотре могут участвовать криминалист и специалист по стандартизации и метрологии. Привлечение специалистов с необходимыми знаниями помогает провести полный осмотр, исключая вероятность упустить следы, которые могут привести к вычислению преступников. По итогам их работы будет понятно какое направление надо выбрать при проведении поисковых работ, а это одна из самых важных частей расследования. Осмотр места преступления крайне важен для выяснения всех подробностей совершения такого рода преступлений.

Информация с места преступления является основой для дальнейшей работы следственных органов. По результатам осмотра следователь корректирует план следственных действий, разработанный

в ходе получения заявления о совершении преступления. Изымаются спиртные напитки, аппаратура, используемая для их изготовления и приборы для нанесения марок. При сборе вещественных доказательств необходимо помнить требования к упаковке изъятых предметов. Изъятие и упаковка осуществляются непосредственно на месте происшествия. Только надлежащая упаковка гарантирует возможность дальнейшего использования изъятых предметов в качестве доказательств, которые могут быть использованы для установления вины подозреваемого. Иногда следователи недооценивают важность изъятых предметов, что впоследствии может привести к оспариванию их доказательной силы защитой. Это приведет к тому, что позиция обвинения станет слабой и будет сложнее вынести справедливый приговор. А вот чтобы этого не произошло то при осмотре нужно будет сделать подробный протокол, в котором надо детально описать условия осмотра, расположение объектов и следов значимых для дела.

В соответствии со ст. 144 УПК РФ — проверка сообщения о преступлении не может осуществляться посредством проведения обыска, но может сопровождаться изъятием предметов. Понятие «изъятие» отсутствует в содержании УПК России. Рассмотрев законодательство, можно отметить, что осмотр места происшествия является одним из видов процессуальных действий. Сущность его — в изъятии предметов и документов, имеющих значение для дела по уголовному делу. Отсюда и специальные особенности осмотра места происшествия при расследовании таких преступлений. При осмотре места происшествия производится сбор предметов и документов. Фиксация этого процесса осуществляется составлением протокола осмотра, где делается отметка об изъятых вещах (документах). Данный способ фиксирует не только факт самого изъятия, но и определяет место, где оно было найдено. Протокол осмотра места происшествия должен четко фиксировать изъятые вещественные доказательства, а также их местоположение [11. С. 79–82].

Изъятие каждого вещественного доказательства нужно подробно описывать. Последствия несвоевременного проведения осмотра и изъятия могут заключаться в уничтожении вещественных доказательств, значимых для решения вопроса о виновности конкретного лица. Данное обстоятельство может быть результатом заинтересованного отношения лиц к будущему решению суда. На основании сказанного выше, следователь должен обеспечить проведение изъятия непосредственно при возбуждении уголовного дела.

Эффективность расследования дел о преступлениях, связанных с оборотом немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции, напрямую зависит от взаимодействия следователя с органами оперативного и розыскного поиска. Сотрудники, выполняющие ОРД, обязаны выполнять письменные поручения следователя в соответствии со ст. 144 УПК РФ, однако не менее важно, иметь возможность получать от органов, выполняющих ОРД, сведения без составления подобных поручений. Возможны случаи, когда оперативно-розыскная информация сообщается устно без поручения следователя. Это могут сделать сотрудники данных органов, зная о факте ее существования и понимая вред от того, что следователь об этом не узнает. В связи с этим, благодаря тесному взаимодействию с другими участниками, следователь сможет вовремя проанализировать ситуацию и принять адекватное решение относительно совершаемых им процессуальных действий. Такая взаимосвязь дает возможность следователю еще при проверке сообщения о преступлении определить перечень тех, кого нужно допрашивать и его содержание. Следует подчеркнуть, что допросы на стадии возбуждения уголовного дела не проводятся. Допросу подлежат только лица по делу, т. е. в процессе проведения предварительного расследования. Его значимость в том, что по их результатам получают и закрепляются сведения, имеющие существенное значение для дальнейшего ведения предварительного расследования

Литература

1. Раздымалова О. Е. О содержании термина «противодействие преступности» // Актуальные вопросы эксплуатации систем охранного мониторинга и защищенных телекоммуникационных систем: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 06 июня 2024 года. — Воронеж: Воронежский институт МВД РФ, 2024. — С. 343–344.

2. Ульянова А. Д. Государственная политика противодействия преступности // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснциональном уровнях: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 27 октября 2023 года. — Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2023. — С. 372–375.

3. Подольный Н. А. Системно-деятельностный метод в следственном познании и его значение для оптимизации расследования // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юридических наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского, Ижевск, 28 ноября 2025 года. — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2026. — С. 45–47.

4. Подольный Н. А. Основы методики расследования преступлений: учебное пособие для СПО. — Саратов, Москва: Профобразование, Ай Пи Ар Медиа, 2025. — 65 с.

5. Подольный Н. А. Информационно-методологические проблемы расследования преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 17 апреля 2015 года. — Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2015. — С. 415–428.

6. Подольный Н. А. Системно-деятельностный метод в комплексе методологических подходов к расследованию преступлений // Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–19 апреля 2025 года. — Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2025. — С. 573–579.

7. Подольный Н. А. Отдельные проблемы методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2015. — № 5(22). — С. 292–299.

8. Подольный Н. А. Узкоспециализированные криминалистические методики как средство оптимизации расследования // Юрист-Правоведъ. — 2023. — № 3(106). — С. 174–180.

9. Подольный Р. Н. Методологическое значение личности преступника для расследования преступлений, совершённых с применением цифровых технологий // Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского, Ижевск, 22 ноября 2024 года. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. — С. 222–228.

10. Поздышев Р. С., Мельникова Е. Ф., Александров А. Н. Прикладные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2024. — № 4(68). — С. 146–153.

11. Кузьмина А. Н., Пилякин М. И. Способы совершения, приготовления и сокрытия как основные элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с оборотом немаркированной фальсифицированной алкогольной продукции // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: сборник научных трудов межвузовской конференции, Москва, 20 июня 2018 года / Под общей редакцией М. И. Пилякина, А. В. Ростовева. — Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. — С. 79–82.

References

1. Razdy`malina O. E. O soderzhanii termina protivodejstvie prestupnosti // Aktual'ny'e voprosy`e`kspluatatsii sistem oxrannogo monitoringa i zashhishhenny`x tele-kommunikacionny`x sistem: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Voronezh, 06 iyunya 2024 goda. — Voronezh: Voronezhskij institut MVD RF, 2024. — S. 343–344.

2. Ul`yanova A. D. Gosudarstvennaya politika protivodejstviya prestupnosti // Strategicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti na nacional'nom i transnacional'nom urovnyax: sbornik nauchny`x trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Xanty'-Mansijsk, 27 oktyabrya 2023 goda. — Xanty'-Mansijsk: Yugorskiy gosudarstvenny`j universitet, 2023. — S. 372–375.

3. Podol'ny`j N. A. Sistemno-deyatel'nostny`j metod v sledstvennom poznanii i ego znachenie dlya optimizatsii rassledovaniya // Ugolovny`j process i kriminalistika v

protivodejstvii sovremennoj prestupnosti: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati osnovatelya shkoly` ugovnogo processa, doktora yuridicheskix nauk, professora Zinura Zinatulloviicha Zinatullina i osnovatelya shkoly` kriminalistiki, doktora yuridicheskix nauk, professora Marata Konstantinovi-cha Kaminskogo, Izhevsk, 28 noyabrya 2025 goda. — Izhevsk: Izdatel'skij dom Udmurtskij universitet, 2026. — S. 45–47.

4. Podol'nyj N. A. Osnovy` metodiki rassledovaniya prestuplenij: uchebnoe posobie dlya SPO. — Saratov, Moskva: Profobrazovanie, Aj Pi Ar Media, 2025. — 65 s.

5. Podol'nyj N. A. Informacionno-metodologicheskie problemy` rassledovaniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota alkogol'noj i spirtosoderzhashhej produkcii // Ugolovno-pravovaya prevenciya v sfere oborota narkoticheskix sredstv ili psixotropny'x veshhestv, alkogol'noj i spirtosoderzhashhej produkcii (regional'nyj aspekt): sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Cheboksary`, 17 aprelya 2015 goda. — Cheboksary`: Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I. N. Ul'yanova, 2015. — S. 415–428.

6. Podol'nyj N. A. Sistemno-deyatel'nostnyj metod v komplekse metodologicheskix podxodov k rassledovaniyu prestuplenij // Obespechenie bezopasnosti sovremenno obshhestva i gosudarstva v usloviyax mnogopolyarnogo mira: Sbornik materialov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Cheboksary`, 17–19 aprelya 2025 goda. — Cheboksary`: Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I. N. Ul'yanova, 2025. — S. 573–579.

7. Podol'nyj N. A. Otdel'ny'e problemy` metodiki rassledovaniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota alkogol'noj i spirtosoderzhashhej produkcii // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. — 2015. — № 5(22). — S. 292–299.

8. Podol'nyj N. A. Uzkospecializirovanny'e kriminalisticheskie metodiki kak sredstvo optimizacii rassledovaniya // Yurist`-Pravoved`. — 2023. — № 3(106). — S. 174–180.

9. Podol'nyj R. N. Metodologicheskoe znachenie lichnosti prestupnika dlya rassledovaniya prestuplenij, sovershyonny'x s primeneniem cifrov'x tekhnologij // Sistemno-deyatel'nostnyj podxod: kriminalistika i pravooxranitel'naya praktika: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 90-letiyu doktora yuridicheskix nauk, professora Marata Konstantinoviicha Kaminskogo, Izhevsk, 22 noyabrya 2024 goda. — Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2024. — S. 222–228.

10. Pozdyshhev R. S., Mel'nikova E. F., Aleksandrov A. N. Prikladny'e problemy` ispol'zovaniya special'ny'x znaniy pri rassledovanii prestuplenij, svyazanny'x s neza-konnym proizvodstvom i oborotom e'tilovogo spirta, alkogol'noj i spirtosoderzhashhej produkcii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2024. — № 4(68). — S. 146–153.

11. Kuz'mina A. N., Pilyakin M. I. Sposoby` soversheniya, prigotovleniya i sokry'tiya kak osnovny'e e'lementy` kriminalisticheskoy karakteristiki prestuplenij, svyazanny'x s oborotom nemarkirovannoj fal'sificirovannoj alkogol'noj produkcii // Kriminalistika: proshloe, nastoyashhee, vzglyad v budushhee: sbornik nauchny'x trudov mezhvuzov-skoj konferencii, Moskva, 20 iyunya 2018 goda / Pod obshhej redakciej M. I. Pilyakina, A. V. Rostovceva. — Moskva: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2019. — S. 79–82.

Сведения об авторе

Вылегжанин Никита Сергеевич — аспирант кафедры уголовного права и процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68. E-mail: nikita-013rm@mail.ru

Information about the author

Vy'legzhanin Nikita Sergeevich — Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Procedure, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "N. P. Ogarev National Research Mordovian State University", 68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Republic of Mordovia. E-mail: nikita-013rm@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

Денисова А. В., Китсинг В. А.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ДАЧИ ВЗЯТКИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Аннотация. В статье отмечается, что после мошенничества дача взятки является наиболее распространенным преступлением, совершаемым предпринимателями в сфере публично-закупочной деятельности. Для понимания сущности и причин массового характера взяточничества со стороны представителей бизнес сообщества в рамках публичных закупок требуется углубленное изучение уголовно-правовых особенностей объекта и объективной стороны дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок как особой категории преступлений. В свою очередь, глубинное уяснение ключевых характеристик объекта и объективной стороны дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок посредством аналитического изучения и систематизации реальных уголовных дел, а также формулирование наиболее распространенных оснований (поводов) для дачи взятки в публично-закупочной сфере на основании выявленных характерных черт преступных деяний способны открыть путь к выработке способов искоренения данного негативного явления. Важным аспектом изучения дачи взяток в сфере государственно-контрактных взаимоотношений следует признать основание или повод для дачи взятки: исследование тех действий (бездействия), за которые предприниматели дают взятки — один из ключей к разрешению проблемы взяточничества в данной сфере.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки; контрактная система; взятка; коррупционная направленность; Уголовный кодекс Российской Федерации, взяточничество, дача взятки.

Для цитирования: Денисова А. В., Китсинг В. А. Особенности объективных признаков состава дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 59–69. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-59-69

Denisova A. V., Kitsing V. A.

FEATURE OF OBJECTIVE SIGNS OF GIVING A BRIBE IN THE SPHERE OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Abstract. The article notes that after fraud giving a bribe is the most common crime committed by businessmen in the sphere of public procurement. To understand the essence and reasons for the mass nature of bribery by representatives of the business community in the framework of public procurement, an in-depth study of the criminal-legal aspects of the object and objective side of giving a bribe in the sphere of state and municipal procurement as a special category of crimes is required. In turn, in-depth understanding of the key characteristics of the object and objective side of giving a bribe in the sphere of public procurement through analytical study and systematization of real criminal cases, determination of the most common reasons for giving a bribe in public procurement based on the identified characteristics of the acts, can open the way to eradicate this negative phenomenon. An important

59

aspect of giving a bribe in the sphere of state-contractual relations is the reasons for giving a bribe: the study of those actions for which entrepreneurs give bribes is one of the keys to solving the problem of bribery in the state-contractual market.

Keyword: state and municipal procurement; contract system; bribe; corruption; Criminal code of the Russian Federation, bribery, giving a bribe.

For citation: Denisova A. V., Kitsing V. A. Feature of Objective Signs of Giving a Bribe in the Sphere of State and Municipal Procurement. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 59–69. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2 (102)-59-69

Согласно официальным статистическим данным дача взятки, как преступление, квалифицируемое по ст. 291 УК РФ, представляет собой одно из самых распространенных общественно опасных деяний, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок. Изложенный вывод, во-первых, подтверждает анализ опубликованной правоприменительной практики. Так, согласно проведенной за 2022–2025 гг. аналитики приговоров в отношении представителей бизнеса в публично-закупочной области, обнаруженных в открытых справочно-правовых системах («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс», «СудАкт», «ГАС Правосудие») по ключевым словам текста документа «Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», «государственные закупки», «муниципальные закупки», дача взятки занимает второе место по числу привлечений предпринимателей в сфере государственных закупок, уступая лишь мошенничеству. Относительно большая выборка найденных приговоров показала, что руководителей коммерческих организаций в рамках участия в государственных закупках примерно в 72 % случаев привлекают по ст. 159 УК РФ, в 10 % — по ст. 291 УК РФ, а в оставшиеся 18 % входят иные составы — ст. 178 УК РФ, ст. 200.5 УК РФ, ст. 201 УК РФ, ст. 238.1 УК РФ, ст. 187 УК РФ, ст. 204 УК РФ, соучастие в должностных преступлениях (ст. ст. 285, 286, 292 УК РФ) и растрате должностных лиц (ст. 160 УК РФ) и др.

Во-вторых, приведенные соотношение и место дачи взятки в системе публично-закупочных преступлений прямо коррелирует с озвученной представителями правоохранительных ведомств статистикой правоприменения: в октябре 2023 года представитель МВД РФ в рамках выступления на совещании по профилактике и предупреждению коррупционных правонарушений в сфере госзакупок в Совете

Федерации Российской Федерации доложил почти о двукратном росте числа преступлений в сфере госзакупок, приведя соответствующие цифры: 500–600 преступлений в 2017–2018 гг., более 1100 преступлений в 2022 году, из которых 738 коррупционных — в свою очередь, из которых 133 факта взяточничества. Изучение статистических данных, опубликованных на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует о долгосрочном характере выявленных тенденций.

В-третьих, о популярности дачи взяток в публично-закупочном контексте заявляют и ученые-специалисты [1. С. 53], и опубликованные результаты деятельности правоохранительных и контрольных (надзорных) органов.

В-четвертых, массовый характер взяточничества при публичных закупках констатируют независимые исследования, основанные на социологических опросах — Институт государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ в рамках исследования уровня коррупции при государственных закупках опросил более 1,2 тыс. представителей компаний, вовлеченных в конкурсные процедуры, и установил, что 71 % российских компаний сталкивается при прохождении конкурсных процедур с коррупцией; примерный общий объем взяток в сфере госзакупок составляет 6,6 трлн руб.; а средний процент взятки от суммы госконтракта — 22,5 %.

Обозначенная распространенность дачи предпринимателями взяток в сфере публичных закупок не может не вызывать интереса с позиций углубленного изучения взяточничества со стороны бизнеса в области государственных и муниципальных закупок как явления, обладающего особыми признаками, характеризующими объект и объективную сторону соответствующих деяний.

Родовой, видовой и непосредственный основные объекты дачи взятки в сфере публичных закупок как преступления близки

по отношению друг к другу и совпадают с классическим пониманием родового, видового и непосредственного объектов применительно к даче взятки, оцениваемой по ст. 291 УК РФ, в целом. Так, в силу нахождения состава в Разделе X УК РФ («Преступления против государственной власти») родовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие охрану государственной власти или, если раскрывать детальнее — незыблемость конституционного строя и безопасность государства, нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям власти [2. С. 309]. В связи с расположением статьи в главе 30 УК РФ, именуемой как «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» видовым объектом являются общественные отношения по охране нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления [3, с. 87]. В качестве непосредственного основного объекта дачи взятки следует воспринимать общественные отношения, связанные с охраной нормальной функционирования органов государственной власти, органов местного самоуправления на конкретном уровне [4. С. 197].

Что касается обязательных дополнительных объектов, то при даче взятки в сфере государственных и муниципальных закупок таковыми могут быть признаны: во-первых, общественные отношения, возникающие в связи с выполнением требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (в первую очередь, законодательства о контрактной системе, т. е. Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее также — ФЗ № 44); во-вторых, общественные отношения по охране урегулированного законодательством порядка осуществления конкуренции как конституционной ценности.

Наличие последнего объекта у состава дачи взятки в сфере публичных закупок неоднократно отмечалось как в специальной литературе, так и в правовых актах специализированных государственных структур. Так, А. П. Тенишев и А. В. Тесленко отмечали, что действия, запрещенные различными частями ст. 11, а также ст.

ст. 15, 16, 17 Закона о защите конкуренции (действия и соглашения, ограничивающие конкуренцию), в ряде случаев могут полностью охватываться ст. 291 УК РФ [5. С. 21]. Также Д. В. Гук, обозначая проблемные аспекты борьбы со взяточничеством в сфере госзакупок, указывал, что подкуп государственных чиновников фирмами-поставщиками в сфере государственных закупок устраняет прежде всего конкуренцию, позволяя продавать товары по выгодным для коммерческой организации ценам и создавая возможность монопольной сверхприбыли — «взятка должностному лицу дается за совершение им действия по устранению конкуренции на торгах в интересах конкретного участника» [6. С. 47].

Далее, в соответствии с положениями Приказа ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении Методических рекомендаций об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)» к числу «сопутствующих» ограничению конкуренции относится, помимо прочего, и состав преступления, предусмотренный ст. 291 УК РФ.

Посягательство дачи взятки в сфере публичных закупок на сферу антимонопольных отношений очевидно и по тому основанию, что конкуренция есть одна из причин в целом совершения взяточничества представителями бизнес-сообщества, есть общее условие, в рамках которого происходит осуществление коррупционного преступления. Так, согласно вышеупомянутому исследованию уровня коррупции при государственных закупках НИУ ВШЭ 83 % опрошенных сообщили, что бороться за заказ неправомерными способами их вынуждает слишком высокая конкуренция за государственный заказ.

Таким образом, специфика дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок как отдельного вида преступления в сравнении с иными видами дачи взятки (в иных сферах) состоит в наличии особых дополнительных объектов — общественных отношений по обеспечению нормального порядка осуществления публично-закупочной деятельности и охраны конкуренции на рынке обращения товаров, услуг и работ. Именно они являются ключевыми объектами, посягательство на которые

совершается в результате дачи взятки представителями бизнес-сообщества в рамках публичных закупок.

Характеризуя объект дачи взятки в сфере публичных закупок, нельзя не остановиться на характеристике предмета преступления. Диспозиция статьи содержит пять видов предмета взятки: деньги, ценные бумаги, услуги имущественного характера, иное имущество, иные имущественные права. Однако в рамках анализа материалов более 400 уголовных дел, возбужденных по факту дачи взятки в сфере публично-закупочных отношений в 2022–2025 гг., установлено, что широкое распространение имеет лишь первый вид — деньги. В 87,5 % случаев именно денежные средства выступили в качестве предмета взятки — их размер варьировался от 20 000 руб. до более 10 000 000 руб. со среднеарифметическим размером в 1 378 108 руб. и следующей размерной разбивкой: от 20 000 руб. до 150 000 руб. (значительный размер — ч. 2 ст. 291 УК РФ) — 21,4 %, от 100 000 руб. до 1 000 000 руб. (крупный размер — ч. 4 ст. 291 УК РФ) — 42,8 %, свыше 1 000 000 руб. (особо крупный размер — ч. 5 ст. 291 УК РФ) — 35,7 %.

Менее чем в 10 % случаев попали ситуации передачи взятки через оказание услуг имущественного характера, в числе которых были, к примеру: проведение ремонтных работ кровли малоэтажного жилого дома в стоимостном размере 20 253 руб., безвозмездное предоставление в пользование лицу и членам его семьи автомобиля и освобождение от каких-либо платежей (в т. ч. лизинговых) за пользование им на общую сумму в 10 795 483 руб., права пользования квартирой на общую сумму в 35 000 руб. ежемесячных платежей и др.

Объективная сторона любой дачи взятки выражается в действии — передаче должностному лицу лично или через посредника предмета взятки:

1) за совершение в пользу взяткодателя или представляемых им лиц действий (бездействия), которые входят в служебные полномочия должностного лица;

2) совершение в пользу взяткодателя или представляемых им лиц действий (бездействия), которые не входят в служебные полномочия должностного лица, но оно в силу своего должностного положения может способствовать их совершению другим должностным лицом;

3) за общее покровительство по службе;

4) за общее попустительство по службе;

5) за незаконные действия (бездействие) [7. С. 772].

Объективная сторона дачи взятки в сфере публичных закупок, совпадая с объективной стороной «общей» дачи взятки, имеет вместе с тем свои специфические особенности, сконцентрированные в основании дачи взятки — ключевому составляющему признаку объективной стороны ст. 291 УК РФ. Основание или повод для дачи взятки в области публично-контрактных взаимоотношений представляет собой те выгодные и желаемые для взяткодателя действия, которые может совершить (или поспособствовать совершению) в его пользу должностное лицо — взяткополучатель.

Иными словами, определение основания/повода дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок происходит в результате поиска и получения ответа на вопрос — за что или за какие действия даются взятки в области публичных закупок? Изучение актуальной правоприменительной практики показало, что возможно выделить как минимум 15 распространенных действий (и бездействий), за которые представитель со стороны исполнителя публично-контрактных взаимоотношений дает взятки должностным лицам.

Во-первых, это информирование о планируемой закупке до официального размещения. Информационная составляющая в сфере публичных закупок крайне важна для субъектов деятельности в обозначенной области — владение предпринимателем информацией о предстоящей закупке создает ему очевидное преимущество над другими участниками рынка, не имеющими доступа к такой информации: проинформированный участник закупки знает какой товар, с какими техническими характеристиками, в какие сроки и на каких условиях будет закупаться, у него есть возможность заранее составить грамотно оформленные коммерческие предложения под закупку, приобрести или произвести необходимый товар. Информирование о планируемой закупке до официального размещения вступает в прямое противоречие с положениями ч. 1 ст. 46 ФЗ № 44, согласно которым при применении конкурентных способов проведения переговоров членами комиссий по осуществлению закупок с участником закупки в отношении заявок на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе в отношении заявки, поданных таким

участником, не допускается до выявления победителя указанного определения, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Ярким примером передачи взятки за информирование о планируемой закупке до официального размещения является следующее уголовное дело: гражданин Р., являясь генеральным директором общества с ограниченной ответственностью «Инвесткредитсервис», передал министру здравоохранения Республики Алтай и его помощнику взятку в размере 2 700 000 рублей за информирование о деталях будущего аукционов для медицинского учреждения и потребностях в медицинском оборудовании соответствующей больницы до официального размещения закупки на официальном ресурсе, в результате чего между ООО «Инвесткредитсервис» и республиканской больницей были заключены контракты на поставку медицинской мебели на 4 590 846 руб. и на поставку медицинского оборудования на 11 458 040 руб.

Разновидностью информирования о планируемой закупке до официального размещения является сообщение о точной дате и времени закупки — передача сведений лишь о конкретном времени опубликования закупки также предоставляет преимущество участнику государственно-закупочных отношений и также само по себе является нарушением положений ФЗ № 44 о правомерной коммуникации между поставщиком и государственным заказчиком.

Вторым основанием или поводом для дачи взятки в сфере публичных закупок выступает увеличение стоимости контракта.

Общеизвестно, что извлечение максимальной прибыли и достижение максимального результата от своей деятельности является целью экономической деятельности субъектов предпринимательства. В силу обозначенного стремление исполнителя публичных закупок максимально увеличить стоимость контракта понятно и естественно, однако нередко обозначенное стремление реализуется в обход положений публично-закупочного, антимонопольного, антикоррупционного законодательства, требующего: формирования ценообразования в рыночных пределах, участия в справедливых и регламентированных конкурсных процедурах, отсутствия в отношениях между заказчиком и поставщиком конфликта интересов, личной и иной противоправной заинтересованности — что приводит к наступлению

негативных уголовно-правовых последствий на практике в виде привлечения лиц как по ст. 159 УК РФ, так и по ст. 291 УК РФ.

Отметим, что в таких случаях основание для дачи взятки, как правило, появляется уже после заключения государственного (муниципального) контракта, поэтому особое значение приобретает установление момента возникновения умысла на дачу взятки, сговора между сторонами публично-закупочных отношений.

Третьим основанием или поводом для дачи взятки в сфере публичных закупок следует признать содействие в признании победителем аукциона. Законодательство о государственно-закупочной деятельности не просто так содержит обязательные положения о необходимости создания комиссии по осуществлению закупок при проведении конкурентных закупок, включающие императивные положения ч. 3 ФЗ № 44 о числе членов в такой комиссии — не менее 3-х человек. Эти правила были созданы в целях минимизации влияния одного человека на принимаемое в сфере публично-закупочной деятельности решение: далеко не всегда в составе заказчика имеется лицо, которому фактически и безусловно подчинены все остальные сотрудники, которые готовы выполнять любые его указания, далеко не всегда и непосредственный руководитель является взяткополучателем, участником коррупционного сговора с предпринимателем-взяткодателем.

В приведенных выше ситуациях, когда фактически на основе принципа единоначалия лицо со стороны заказчика не может принять решение в пользу взяткодателя — последним дается взятка за содействие в заключении контракта или в принятии иных решений в рамках публично-закупочных отношений.

Содействие само по себе имеет неопределенное содержание, т. е. неограничено какими-то конкретными действиями. Таким содействием может быть, к примеру, оказание влияния на принимаемое решение комиссией по осуществлению закупок по признанию конкретной организации победителем: в силу авторитета, посредством сообщения членам комиссии заведомо ложных сведений, через подлог контрактно-закупочных и заявочных документов, с помощью убеждения членов комиссии путем приведения надуманных аргументов в пользу выбора того или иного лица победителем конкурсной процедуры.

Анализируемый кластер основания/повода дачи взятки может относиться

к вариации взяточничества в виде т. н. способствования, то есть когда взятка дается за совершение в пользу взяткодателя или представляемых им лиц действий (бездействия), которые не входят в служебные полномочия должностного лица, но оно в силу своего должностного положения может способствовать их совершению другим должностным лицом. Так, по одному из уголовных дел руководитель ряда компаний (торговых домов) К. осуществил передачу взятки должностному лицу из Министерства обороны Российской Федерации, т. е. представителю государственного заказчика, за содействие в признании подконтрольных К. фирм победителями на аукционах, выразившееся: в убеждении членов закупочной комиссии к принятию соответствующих решений; в осуществлении проверки заявок фирм, подконтрольных К., в целях обнаружения оснований для их отклонения для того, чтобы в последующем устранять эти основания, в предоставлении К. до передачи на аукцион служебной информации о других участниках аукциона и содержании их заявок; в способствовании в отстранении от участия в аукционах максимального числа иных участников; в способствовании быстрому заключению государственных контрактов с определившимся победителем аукциона.

Четвертое (на наш взгляд, одно из самых распространенных) основание или повод для дачи взятки в сфере публичных закупок — это корректировка (подведение) технического задания под исполнителя. В основе обозначенного действия лежит стремление заказчика ограничить параметры закупаемого оборудования таким образом, чтобы только единственный поставщик, непосредственно обладающий товаром с требуемыми характеристиками, смог стать победителем закупки. В результате совершения обозначенных действий со стороны государственного заказчика предоставляемое одному из участников (или нескольким — к примеру, подконтрольным) преимущество со всей очевидностью ограничивает конкуренцию и закрывает доступ к государственному контракту всем иным конкурентам на рынке.

Подведение технического задания под исполнителя является, помимо прочего, и действием, прямо нарушающим отраслевой ФЗ № 44 — в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 33 указанного закона заказчик при описании объекта закупки (то есть технического задания) должен руководствоваться

правилом о том, что «в описание объекта закупки не должны включаться требования или указания в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименование страны происхождения товара, требования к товарам, информации, работам, услугам при условии, что такие требования или указания влекут за собой ограничение количества участников закупки».

Непосредственные действия по корректировке предваряются направлением со стороны будущего исполнителя технических характеристик реализуемой им продукции и, как правило, дачей взятки (взятки-подкупа). Хотя в ряде случаев, взятка, конечно, может передаваться и после совершения оговоренных действий (взятка-благодарность).

Примеров соответствующих уголовных дел множество: так, руководитель ООО «РусАвтоСервис» осуществил попытку передать должностному лицу государственного заказчика, представителю МТК «Воронежпассажиртранс», денежные средства в размере 500 000 руб. за корректировку технического задания на поставку автобусов ЛиАЗ для нужд города в части цвета, наличия запасных колес и ряда других конкретных характеристик реализуемых автобусов.

Пятым основанием или поводом для дачи взятки в сфере публичных закупок является использование должностными лицами «нужных» специально подготовленных недобросовестными поставщиками коммерческих предложений при обосновании начальной максимальной цены контракта (далее — НМЦК).

В соответствии с ч. 6 ст. 22 ФЗ № 44 метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) является приоритетным для определения и обоснования начальной (максимальной) цены контракта. В свою очередь, согласно ч. 5 этой же статьи в целях применения метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) может использоваться (и, как правило, на практике активно используется) информация о ценах товаров, работ, услуг, полученная по запросу заказчика у поставщиков (подрядчиков, исполнителей), осуществляющих поставки идентичных товаров, работ, услуг, планируемых к закупкам.

Являясь наиболее распространенным на практике способом определения НМЦК, отправка и использование коммерческих предложений является уязвимым аспектом

деятельности в сфере государственно-закупочных отношений, подверженным противоправным манипуляциям и злоупотреблениям со стороны недобросовестных участников рынка.

Отъявленным проявлением обозначенного злоупотребления и является действие по согласованной отправке контролируемых коммерческих предложений с подходящей ценой и продукцией со стороны аффилированных и взаимосвязанных лиц. Для полноценной реализации обозначенной недобросовестной практики, лица предоставляют вознаграждение должностным лицам государственного заказчика в целях гарантированного использования информации из «нужных» коммерческих предложений для обоснования НМЦК. Так, начальник сектора общемедицинского направления отдела продаж индивидуального предпринимателя совершил дачу взятки в размере 117 000 руб. начальнику отдела закупок БУЗ ВО «Сокольская ЦРБ» в том числе за использование при обосновании НМЦК на контракт по поставке медицинской мебели специально подготовленных коммерческих предложений — от этого индивидуального предпринимателя, а также от ООО «СМС» и ОАО «Оптимех».

Весьма близким к предыдущему основанию для дачи взятки в сфере публичных закупок является обеспечение заключения договора без проведения мониторинга рынка по реализации товаров, работ, услуг аналогичного характера. Вышеупомянутая ч. 5 ст. 22 ФЗ № 44 предполагает правомочие должностного лица государственного заказчика при формировании НМЦК в случае отсутствия обращения на рынке идентичных товаров, работ или услуг использовать информацию об однородных ценах товаров, работ или услуг. Нередко этой обязанностью по осуществлению мониторинга цен на аналогичные товары, работы или услуги должностные лица пренебрегают (в том числе в целях установления высокой стоимости контракта), что при фиксации факта передачи денежных средств в их адрес со стороны предпринимателя влечет инициирование уголовного преследования взяткополучателя по ст. 290 УК РФ и взяткодателя по ст. 291 УК РФ соответственно.

Особого упоминания заслуживает такое основание для дачи взятки в сфере публично-закупочной деятельности как общее покровительство и регулярное согласованное сотрудничество-взаимодействие.

На современном российском рынке государственных закупок, к сожалению, сложилась распространенная ситуация, когда между поставщиком и заказчиком существует устойчивая неформальная связь, находящаяся, в лучшем случае, в «серой» зоне правомерности, а в худшем — в сфере действия уголовного законодательства. Указанные устойчивые связи, складывающиеся на протяжении долгого времени, позволяют соответствующим участникам публично-закупочных отношений с разных сторон вступать в преступный говор без упоминания при коммуникации каких-либо четких действий, без конкретизации совместных шагов.

Ограничение конкуренции на рынке, осуществление закрытого двустороннего взаимодействия, при этом, происходит, очевидно, обоюдовыгодно: поставщик продолжает получать контракты и денежные средства с его исполнения, а заказчик — откаты от исполнителя, которые даются «по сути» без конкретики — даются за продолжение осуществления долговременного взаимного «сотрудничества».

Обозначенный конструкт может относиться к вариации дачи взятки за общее покровительство. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях»: при получении взятки за общее покровительство ... конкретные действия (бездействие), за которые она получена, на момент ее принятия не оговариваются взяткодателем и взяткополучателем, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в будущем.

Соответствующие уголовные дела с «вознаграждением без конкретики» нечастно, но встречаются в судебно-следственной практике. Так, Г.Д., являясь фактическим руководителем ООО «Гио Проект» предпринял попытку передачи денежных средств руководителю контрактной службы ФГБУ «НМИЦ ССХ им. А. Н. Бакулева» Минздрава России за общее покровительство при проведении учреждением закупочных процедур. При этом не оговаривались какие-либо конкретные действия, которые должностные лица ФГБУ должны будут совершать в интересах ООО «Гио Проект», а действия по общему покровительству лишь осознавались Г.Д. как вероятные, возможные в будущем, с учетом имеющихся должностных лиц государственного учреждения организаци-

онно-распорядительных и административно-хозяйственных функций».

Также достаточно очевидным основанием для проявления коррупции в сфере публично-закупочной деятельности выступает подписание выгодных для поставщика дополнительных соглашений. Согласно действующему законодательству заключение дополнительных соглашений применительно к существенным условиям сделки возможно только при наличии определенных законных оснований.

На сегодняшней день по любому государственному контракту допускается изменение: цены и объема заказа, срока его выполнения, характеристик товара при соблюдении соответствующих условий, указанных в положениях, регламентированных в пп. 1.1, 1.2, 2–4, 5 ч. 1 ст. 95 ФЗ № 275, ч. 7 ст. 95 ФЗ № 275.

Отдельно закреплены основания для изменения, включая составление дополнительных соглашений, контрактов: по гособоронзаказу, на поставку или работы жизненного цикла, на строительные работы, на сделки под ключ, на научноисследовательские и конструкторские работы, на лечение за рубежом, на поставку лекарств.

Приведенные основания на практике соблюдаются участниками публично-закупочных отношений не всегда — с дополнительными соглашениями нередко совершаются противоправные «махинации», сопровождаемые предоставлением вознаграждения за подписание выгодного для поставщика дополнительного соглашения при отсутствии на это законных оснований.

Девятым основанием для дачи взятки в сфере публично-закупочной деятельности следует признать отказ со стороны заказчика в допуске конкурентов к торгам или непринятие законного решения об отказе в допуске к торгам.

Отклонение заявки на участие в закупке по основаниям, не предусмотренным ФЗ № 44, не допускается — так гласят положения ч. 1 ст. 27 соответствующего федерального закона. Однако у ряда участников государственно-контрактных взаимоотношений соблазн нарушить данные положения и устранить своего конкурента через механизм отказа в закупке достаточно велик — для запуска этого механизма нужно «мотивировать» должностное лицо заказчика, участвующего в определении поставщиков и принимающего решения об ограничении участия поставщиков. К сожалению, наиболее популярным «мотивиру-

ющим» фактором на практике выступает взятка.

Отказ в допуске конкурентов к торгам может быть как очевидным — когда основания для отклонения заявки явно отсутствуют, так и завуалированным — когда под имеющиеся основания для отклонения стараются подвести ситуацию либо когда основания создаются искусственно в целях отклонения «ненужной» заявки.

На практике непосредственно отклонению предшествует коммуникация будущего победителя закупки с заказчиком, где первый указывает наиболее опасные заявки, которые следует отклонить.

Существует и обратная отклонению заявок ситуация — непринятие законного решения об отказе в допуске заявки: при наличии оснований для отклонения заявки заказчик обязан отказать в допуске заявки участника и не имеет права признавать такого участника победителем торгов, заключая в последствии с ним государственный контракт.

Иногда обе приведенные вариации коррупционного поведения наблюдаются одновременно. Так, руководитель ООО «Трейд Строй» передал должностному лицу государственного заказчика денежные средства в общей сумме 1 676 000 рублей за отклонение заявки конкурента как несоответствующей требованиям документации и за допущение до участия компании ООО «Трейд Строй», которая впоследствии стала победителем аукциона, хотя поданные ею заявки содержали основания для отказа в допуске к торгам.

Следующее основание для дачи взятки в исследуемой сфере — это заключение контракта на выгодных условиях для исполнителя. Государственно-закупочный контракт состоит из множества обязательных и необязательных условий: таких, как, например, условие о цене государственного контракта, ответственности сторон, сроках и порядке оплаты по контракту, авансировании, обеспечении исполнения государственного контракта и гарантийных обязательств, дополнительные условия об удержании неустойки из суммы оплаты, о возможности привлечения субподрядчиков к исполнению контракта, о праве на получение патента или об исключительном праве на результат интеллектуальной деятельности и др. Пожалуй, каждое из прописываемых условий, можно представить в более выгодном виде для исполнителя — и менее выгодным, соответственно, для заказчика. Нередко, этому сопутствует

дача и получение взятки соответствующими участниками контрактных отношений, примеров тому множество можно найти в материалах судебной практики.

Следующие два основания достаточно близки, но все-таки имеют различный характер: первым из них является принятие заказчиком работ, товаров, услуг без претензий; а второе — неприменение мер ответственности в случае выявленных нарушений. Важность стадии принятия работ, товаров, услуг в рамках публично-закупочной деятельности трудно переоценить — исполнение контракта и правомерность перечисления денежных средств за него целиком и полностью зависит от успешности прохождения данного этапа.

Количество нарушений как с обеих сторон государственно-контрактных взаимоотношений, на обозначенной стадии крайне велико — наглядно это демонстрирует факт того, что схема «несоответствующего исполнения», т. е. поставки по госконтракту несоответствующей технической заданию продукции (исполнения несоответствующей услуги, выполнения несоответствующей работы) — является одной из самых распространенных схем (деяний), выявляемых и квалифицируемых правоохранительными органами по ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Причин исполнения «не того» задания может быть много: начиная от умышленной поставки заведомо дешевого и некачественного товара под видом дорогого и качественного, заканчивая объективно сложившимися обстоятельствами, которые вынудили исполнителя выполнить контракт, заменив товар на аналогичный, похожий, другой.

Независимо от возникших причин несоответствующего исполнения — передача взятки за принятие работ, а также за непредъявление в последующем претензий к исполнителю (прежде всего юридического характера) есть уголовно-наказуемое деяние, оцениваемое по ст. 291 УК РФ.

Согласно ч. 4 ст. 34 ФЗ № 44 в контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом, в виде штрафов и пеней.

Порой размер обозначенных штрафных санкций достигает крупных размеров, поэтому некоторые недобросовестные поставщики полагают, что «выгоднее едино-

разово вознаградить заказчика» и тем самым избежать соответствующих санкций. В ряде случаев исполнитель контракта заранее знает, что нарушения государственно-закупочного договора возможны или даже неизбежны, поэтому предпочитают отблагодарить заказчика «заранее» или «на будущее».

Следующим основанием для дачи взяток в сфере публично-закупочной деятельности является оперативное согласование и визирование заказчиком документов по государственному контракту (по исполнению, по оплате). Этапы проведения государственных закупок сопровождаются согласованием и визированием различного рода контрактной документации на разных уровнях — для ускорения этого процесса отдельными предпринимателями передаются взятки.

Более редким основанием для дачи взяток в публично-закупочной сфере является расторжение контракта в одностороннем порядке. В соответствии с ч. 9 ст. 95 ФЗ № 44 у государственного заказчика имеется право на принятие решения об одностороннем отказе от исполнения контракта при наличии оснований, предусмотренных ГК РФ, и соответствующего условия в государственном контракте.

В подавляющем большинстве государственных контрактов содержится условие о возможности одностороннего расторжения контракта со стороны государственного заказчика. Одним из наиболее чувствительных для исполнителя оснований является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту — дело в том, что в случае появления данного основания поставщик рискует не только понести серьезные финансовые потери вследствие возмещения фактически понесенного ущерба в соответствии с ч. 23 ст. 95 ФЗ № 44, но и быть занесенным в реестр недобросовестных поставщиков в связи с действием положений ч. 2 ст. 104 ФЗ № 44.

Попадание компании в реестр недобросовестных поставщиков фактически закрывает на определенный срок доступ к участию в государственных закупках, что неблагоприятно складывается на финансовом положении компании и, как правило, ведет к ее ликвидации — особенно, если единственным источником финансового пополнения бюджета компании являются государственные закупки. В силу вышеизложенного сохранить действующий контракт крайне важно для предпринимате-

ля — исполнителя по государственному контракту: при появлении оснований для одностороннего расторжения контракта со стороны заказчика, к сожалению, некоторые предприниматели идут на крайние меры и передают взятки за непринятие соответствующего решения.

Финальным (пятнадцатым) основанием для дачи взяток в сфере публично-закупочной деятельности следует признать заключение договора вне конкурентной процедуры путем искусственного дробления закупки. Заключение государственно-контрактного договора с единственным поставщиком — есть правомерная неконкурентная процедура, но для того, чтобы прибегнуть к ее использованию необходимо наличие соответствующих предусмотренных законодательством оснований. Иногда указанные основания создаются «искусственно» для обхода применения открытых конкурентных процедур: зачастую это происходит посредством реализации схемы искусственного дробления суммы закупки.

Под искусственным дроблением суммы закупки понимают закупку услуг, товаров или работ, но не в рамках единого открытого аукциона, а по нескольким контрактам с единственным поставщиком, подрядчиком или исполнителем по цене, укладываемой в пределы, установленные для закупок малого объема: в соответствии с п. п. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 ФЗ № 44 при предельной цене одного контракта в 600 000 руб., а также согласно п. 5 ч. 1 ст. 93 ФЗ № 44 в контексте проведения закупок в электронной форме при предельной цене до 5 млн руб. — допускается проведение закупки у единственного поставщика. Несмотря на то, что в таких случаях закупка делится на множество мелких контрактов, фактически закупка является единой — ее разделение ничем рациональным не обусловлено. Так, руководитель одного из ООО пытался передать взятку представителю заказчика за разделение стоимости крупного заказа на поставку запасных частей на сумму около 2 миллионов руб. на 20 контрактов на сумму до 100 000 рублей каждый вне конкурентной процедуры.

Завершая рассмотрение распространенных оснований (поводов) дачи взяток в сфере публичных закупок, следует отдельно обратить внимание на два характерных момента. Во-первых, в результате анализа материалов соответствующих уголовных дел установлено, что практиче-

ски во всех случаях взятка обусловлена сразу несколькими основаниями (поводами): например, за оперативное согласование и визирование заказчиком документов по государственному контракту, а также за принятие работ, товаров, услуг без претензий; или неприменение заказчиком мер ответственности в случае нарушений и в то же время за нерасторжение контракта в одностороннем порядке. Все эти основания (поводы) тщательно устанавливаются и описываются в материалах дела, входят в предмет доказывания, а следовательно, еще раз подтверждается наш тезис о том, что обусловленность дачи взятки соответствующим поведением должностного лица является важным признаком объективной стороны, неотъемлемой характеристикой общественно опасного действия взяткодателя. Кроме того, на наш взгляд, сочетание нескольких вышеуказанных оснований (поводов) в рамках одного преступления существенно усиливает степень общественной опасности содеянного и свидетельствует о необходимости усиления карательного уголовно-правового воздействия на взяточников при индивидуализации их уголовной ответственности.

Во-вторых, содержание основания (повода) для дачи взятки в сфере государственных и муниципальных закупок составляет, как правило, запрещенное ФЗ № 44 действие — таким образом, признак противоправности заложен именно в эту составляющую объективной стороны: в связи с этим предпринимателям в большинстве случаев вменяется квалифицирующий признак в виде незаконности действий (за которые передается взятка), то есть они привлекаются к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 291 УК РФ.

В результате проведенного исследования следует заключить, что имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности имеют общий характер и не учитывают специфики составов дачи/получения взяток именно в сфере государственных и муниципальных закупок, а следовательно, нуждаются в конкретизации и дополнении их специальными положениями, посвященными вопросам квалификации, назначения наказания и определения иных уголовно-правовых последствий в связи с совершением взяточничества именно в сфере публично-закупочной деятельности

Литература

1. Шурпаев Ш. М. Вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности в сфере публичных закупок // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 4. С. 52–60.
2. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. — М.: Инфра-М, 2026. 407 с.
3. Яковлев П. Ю. Дача взятки: уголовно-правовая и криминалистическая характеристики // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 11. С. 87–91.
4. Щербак С. Д. Взятничество: объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 291 УК РФ // Молодой ученый. 2022. № 43 (438). С. 197–199.
5. Тенишев А. П., Тесленко А. В. К вопросу об уголовно наказуемых посягательствах на конкуренцию // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 18–22.
6. Гук Д. В. Проблемные аспекты борьбы со взяточничеством в сфере госзакупок // Юридическая наука и практика. 2013. № 1. С. 46–50.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2023. 1032 с.

References

1. Shurpaev Sh. M. Voprosy kvalifikatsii prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti v sfere publicnykh zakupok // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2023. № 4. S. 52–60.
2. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik / Pod red/ L. V. Inogamovoy-Hegai. — M.: Infra-M, 2026. 407 s.
3. Yakovlev P. Yu. Dachya vzyatki: ugolovno-pravovaya i kriminalisticheskaya harakteristiki // Kul'tura. Duhovnost'. Obschestvo. 2014. № 11. S. 87–91.
4. Scherbak S. D. Vzyatochnichestvo: ob'ektivnye i sub'ektivnye priznaki sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 291 UK RF // Molodoi uchenyy. 2022. № 43 (438). S. 197–199.
5. Tenishev A.P., Teslenko A. V. K voprosu ob ugolovno nakazuemykh posyagatel'stvah na konkurentsiyu // Konkurentnoe pravo. 2020. № 1. S. 18–22.
6. Guk D. V. Problemnye aspekty bor'by so vzyatochnichestvom v sfere goszakupok // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2013. № 1. S. 46–50.
7. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / Pod red. A. I. Raroga. M.: Prospekt, 2023. 1032 s.

Сведения об авторах

Денисова Анна Васильевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: anden2012@yandex.ru

Китсинг Владимир Арвуич — управляющий партнер адвокатского бюро «Китсинг и партнеры». 123104, г. Москва, ул. Большая Бронная, 7. E-mail: kitsingvladimir@gmail.com

Information about the authors

Denisova Anna V. — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya street, 9. E-mail: anden2012@yandex.ru

Kitsing Vladimir A. — managing partner of Law Firm “Kitsing and partners”. 123104, Moscow, Bol'shaya Bronnaya street, 7. E-mail: kitsingvladimir@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 274⁴ УК РФ

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию субъекта преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ. Представлен детальный анализ общих и специальных признаков субъекта данного преступления, соотношение субъекта организации деятельности и субъекта участия в ней. Особое внимание уделяется вопросу о наличии или отсутствии признаков специального субъекта в конструкции ст. 274⁴ УК РФ, что имеет принципиальное значение для определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности. Изучаются особенности субъекта при совершении преступления в соучастии, разграничение ролей соучастников, возможность привлечения к ответственности руководителей и сотрудников юридических лиц, под прикрытием деятельности которых осуществляется незаконная передача номеров. Исследуются вопросы возраста уголовной ответственности, вменяемости субъекта, влияния состояния опьянения на способность нести ответственность за данное преступление. Формулируются выводы о характере субъекта преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, и практические рекомендации по установлению субъекта при расследовании и рассмотрении уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: субъект преступления, ст. 274⁴ УК РФ, общий субъект, специальный субъект, организатор деятельности, участник деятельности, возраст уголовной ответственности, вменяемость, соучастие, служебное положение

Для цитирования: Захарян С. Ю. Субъект преступления, предусмотренного статьей 274⁴ УК РФ // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 70–76. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-70-76

Zakharyan S. Y.

THE SUBJECT OF A CRIME UNDER ARTICLE 274⁴ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The presented article is devoted to the study of the subject of the crime provided for in Article 274⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. A detailed analysis of the general and special features of the subject of this crime, the ratio of the subject of the organization of activity and the subject of participation in it is presented. Special attention is paid to the issue of the presence or absence of signs of a special entity in the construction of art. 274⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation, which is of fundamental importance for determining the range of persons subject to criminal liability. The article examines the specifics of the subject when committing a crime in complicity, the differentiation of the roles of accomplices, the possibility of bringing to justice managers and employees of legal entities, under the guise of which illegal transfer of numbers is carried out. The issues of the age of criminal responsibility, the sanity of the subject, the influence of intoxication on the ability to bear responsibility for this crime are investigated. Conclusions are drawn about the nature of the subject of the crime provided for in art. 274⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation, and practical recommendations for establishing a subject in the investigation and consideration of criminal cases in this category.

Keywords: *subject of crime, Article 274⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation, general subject, special subject, organizer of activity, participant in activity, age of criminal responsibility, sanity, complicity, official position*

For citation: Zakharyan S. Y. The Subject of a Crime under Article 274⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 70–76. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2 (102)-70-76

Субъект преступления представляет собой один из обязательных элементов состава преступления, без установления которого уголовная ответственность невозможна [1. С. 171–172]. Правильное установление признаков субъекта имеет первостепенное значение для обеспечения законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности, реализации принципа вины, индивидуализации наказания. Ошибка в определении субъекта преступления, неправильная оценка его признаков влекут необоснованное привлечение к ответственности либо, напротив, освобождение от ответственности лица, подлежащего привлечению, что в равной степени противоречит целям правосудия и подрывает эффективность уголовно-правовой охраны общественных отношений [2].

Статья 274⁴ УК РФ, введенная в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», представляет собой законодательную новеллу, субъект которой требует детального исследования. Проблематика субъекта данного преступления характеризуется несколькими дискуссионными аспектами, обуславливающими актуальность настоящего исследования.

Во-первых, диспозиция нормы не содержит прямых указаний на специальные признаки субъекта, что может свидетельствовать о возможности совершения преступления любым лицом; с другой стороны, характер деяния (организация деятельности по передаче абонентских номеров) может предполагать наличие у субъекта определенных полномочий, доступа к ресурсам операторов связи, что характерно для специального субъекта.

Во-вторых, дискуссионным является вопрос о круге лиц, фактически способных выступать субъектами данного преступления с учетом специфики деятельности по передаче абонентских номеров. Могут ли субъектами быть только лица, профессионально связанные со сферой связи (сотрудники операторов, салонов связи),

либо также иные лица, организующие систему незаконного оборота номеров? Подлежат ли ответственности руководители и учредители юридических лиц, под прикрытием деятельности которых осуществляется незаконная передача номеров? Может ли быть субъектом лицо, предоставившее свои документы для регистрации номеров, зная о последующем незаконном использовании?

В-третьих, требует анализа соотношение субъекта организации деятельности (ч. 1 ст. 274⁴ УК РФ) и субъекта участия в деятельности (ч. 2), выявление критериев их разграничения с позиции субъективных характеристик.

В-четвертых, специфичным является вопрос о возрасте уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 274⁴ УК РФ: ответственность наступает с шестнадцати лет, однако необходимо обосновать соответствие данного решения законодателя характеру преступления и практике вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот абонентских номеров.

В-пятых, требует исследования применение норм о соучастии к преступлению, предусмотренному ст. 274⁴ УК РФ, с учетом того, что законодатель криминализировал как организацию, так и участие в деятельности, фактически поглощая традиционные формы соучастия специальной конструкцией состава.

Отсутствие в научной литературе комплексных исследований субъекта преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, и практическая значимость правильного установления субъекта для обеспечения законности привлечения к уголовной ответственности определяют актуальность настоящей работы [3, с. 109–110].

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 274⁴ УК РФ, организация деятельности по незаконной передаче абонентских номеров может осуществляться с использованием юридических лиц: создаются организации, формально осуществляющие легальную деятельность в сфере информационных технологий, оказания консультационных услуг, торговли телекоммуникационным оборудованием, под

прикрытием которых организуется незаконная передача номеров. Вместе с тем субъектами преступления в таких случаях выступают не сами юридические лица, а физические лица, организовавшие и осуществляющие незаконную деятельность от имени или под прикрытием юридического лица: учредители, руководители, фактические контролирующие лица, сотрудники. Использование организационно-правовой формы юридического лица для совершения преступления не освобождает физических лиц от уголовной ответственности и может рассматриваться как способ совершения преступления, свидетельствующий о тщательной подготовке, стремлении к конспирации, что учитывается при назначении наказания.

Уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, наступает с шестнадцати лет. Организация деятельности по незаконной передаче абонентских номеров, равно как и осознанное участие в такой деятельности, требует понимания сложных правовых конструкций (договоров об оказании услуг связи, требований законодательства о связи, процедур идентификации абонентов), осознания опосредованного характера общественной опасности деяния (создание инфраструктуры для последующих преступлений), способности к планированию систематической противоправной деятельности. Данный уровень осознания труднодостижим для лиц, не достигших шестнадцати лет, и установление общего возраста ответственности соответствует принципу справедливости.

Вместе с тем следует признать, что на практике несовершеннолетние, в том числе лица, не достигшие шестнадцати лет, могут вовлекаться в деятельность по незаконному обороту абонентских номеров для выполнения вспомогательных функций: передача SIM-карт, поиск лиц, готовых предоставить документы, курьерские функции. В таких случаях лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, не подлежат привлечению к ответственности по ст. 274⁴ УК РФ, однако лица, вовлекшие их в преступную деятельность, могут нести ответственность по ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) при наличии всех признаков данного состава.

Анализ диспозиции ст. 274⁴ УК РФ позволяет констатировать, что законодатель не включил прямых указаний на специальные признаки субъекта. Норма кримина-

лизирует «организацию деятельности по передаче абонентских номеров... иным лицам в нарушение требований законодательства» и «участие в деятельности», не конкретизируя, кто именно может быть субъектом таких действий, не указывая на должностное положение, профессиональную принадлежность, особое правовое состояние виновного.

Вместе с тем анализ состава преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, выявляет определенные особенности, которые могут свидетельствовать о наличии элементов специального субъекта, не выраженных законодателем эксплицитно, но вытекающих из характера деяния. Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства предполагает возможность воздействия на процедуры выделения, регистрации, переоформления номеров, которые регулируются законодательством о связи и осуществляются операторами связи, их представителями (салонами связи, дилерами), уполномоченными на заключение договоров с абонентами. Фактически передача номера «иным лицам в нарушение требований законодательства» означает либо выделение номера лицу, не прошедшему надлежащую идентификацию, либо переоформление номера с нарушением процедур, либо предоставление доступа к номеру лицу, не являющемуся его правообладателем.

Все эти действия в той или иной мере предполагают вовлеченность лиц, имеющих доступ к системам операторов связи, полномочия на оформление договоров, выдачу SIM-карт, внесение изменений в базы данных абонентов. В полной мере организовать систематическую деятельность по незаконной передаче номеров без участия или содействия таких лиц представляется затруднительным, хотя и не абсолютно невозможным (например, при использовании массово полученных чужих документов и самостоятельном оформлении договоров через автоматизированные системы операторов, допускающие дистанционную регистрацию). Данное обстоятельство порождает вопрос: следует ли рассматривать лиц, имеющих доступ к процедурам регистрации номеров в силу служебного положения или профессиональной деятельности (сотрудников операторов связи, салонов связи), как специальных субъектов преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, либо они являются лишь одной из категорий воз-

можных субъектов наряду с иными лицами, организующими незаконную передачу номеров иными способами?

Представляется, что правильный ответ на данный вопрос заключается в отрицании наличия специального субъекта в ст. 274⁴ УК РФ и признании того, что субъектом данного преступления может быть любое лицо, обладающее общими признаками субъекта преступления, независимо от наличия или отсутствия служебных полномочий в сфере связи. Данный вывод основывается на следующих аргументах.

Во-первых, законодатель, формулируя диспозицию ст. 274⁴ УК РФ, не включил в нее указаний на специальные признаки субъекта, что при наличии воли законодателя ограничить круг субъектов несомненно было бы сделано (как это имеет место в многочисленных статьях УК РФ, предусматривающих ответственность специальных субъектов). Отсутствие таких указаний при презумпции осознанности законодательного решения свидетельствует о намерении законодателя установить ответственность для общего субъекта.

Во-вторых, практика незаконного оборота абонентских номеров демонстрирует, что организаторами такой деятельности могут выступать лица, не имеющие формальных полномочий в сфере связи, но создающие системы незаконной передачи номеров путем установления коррупционных связей с сотрудниками операторов, использования поддельных документов, вовлечения подставных лиц, применения технических средств. Ограничение субъекта преступления только лицами, имеющими служебные полномочия, создало бы неоправданный пробел в уголовно-правовой охране, оставив безнаказанными организаторов преступных схем, действующих извне системы легального оборота номеров.

В-третьих, законодательная конструкция ст. 274⁴ УК РФ криминализует не непосредственные действия по нарушению процедур регистрации номеров (что могло бы предполагать специального субъекта — лицо, обязанное соблюдать данные процедуры), а организацию деятельности и участие в деятельности по незаконной передаче номеров, что является более широким понятием, охватывающим действия различных лиц, выполняющих различные функции в рамках общей преступной системы.

Таким образом, субъект преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, является

общим субъектом. Вместе с тем это не означает, что служебное положение лица, его профессиональная принадлежность к сфере связи не имеют уголовно-правового значения. Напротив, данные обстоятельства учитываются при квалификации и индивидуализации ответственности. Сотрудник оператора связи или салона связи, организующий или участвующий в деятельности по незаконной передаче номеров несет ответственность по ст. 274⁴ УК РФ. Кроме того, действия такого лица могут требовать дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против интересов службы в коммерческих организациях (ст. 201 УК РФ — злоупотребление полномочиями, ст. 204 УК РФ — коммерческий подкуп), если установлены все признаки данных составов.

Законодательная конструкция ст. 274⁴ УК РФ предусматривает дифференциацию ответственности в зависимости от роли лица в преступной деятельности: часть первая устанавливает ответственность за организацию деятельности, часть вторая — за участие в деятельности. Данное разграничение имеет существенное значение для квалификации и назначения наказания, поскольку санкции частей первой и второй различаются: максимальное наказание за организацию — лишение свободы на срок до трех лет, за участие — до двух лет. Следовательно, правильное определение того, является ли лицо организатором или участником деятельности, важно для обеспечения справедливости ответственности. Разграничение организаторов и участников должно основываться не на формальных критериях (например, на наименовании должности, объеме полномочий в легальных структурах), а на фактической роли лица в создании и функционировании системы незаконной передачи номеров.

Организатором деятельности является лицо, которое создает систему незаконной передачи номеров, определяет ее параметры, осуществляет общее руководство и координацию, обеспечивает взаимодействие различных элементов и участников. Признаками, характеризующими организатора, являются: инициатива создания преступной схемы (лицо выдвигает идею организации незаконного оборота номеров, принимает решение о ее реализации); планирование деятельности (разработка структуры, определение способов получения и передачи номеров, установление каналов поставки и сбыта); привлечение

участников (поиск лиц для выполнения различных функций, распределение ролей, инструктирование); обеспечение ресурсами (предоставление финансирования, приобретение технических средств, документов, установление связей с сотрудниками операторов); координация действий участников (согласование действий, разрешение конфликтов, адаптация схемы к изменяющимся условиям); контроль за выполнением функций; распределение доходов от преступной деятельности.

Не требуется, чтобы организатор лично совершал действия по непосредственной регистрации или передаче номеров; его роль состоит именно в организационно-управленческой деятельности, создании и поддержании функционирования системы в целом. Вместе с тем возможна ситуация, когда одно лицо совмещает функции организатора и непосредственного исполнителя, лично совершая многие или все действия в рамках созданной им системы. В этом случае лицо также является организатором, поскольку оно создало организованную, систематическую деятельность, даже если не привлекало к ее осуществлению иных лиц. Критерием выступает не количество участников, а наличие организованной, структурированной системы деятельности.

Возможно соорганизаторство — ситуация, когда несколько лиц совместно организуют деятельность, распределяя между собой организационные функции. Например, один обеспечивает связи с операторами связи и поставку номеров, другой — привлечение подставных лиц и документальное оформление, третий — сбыт номеров и взаимодействие с потребителями, четвертый — техническое обеспечение. Если все эти лица действуют согласованно, совместно принимают ключевые решения, определяющие функционирование системы, они являются соорганизаторами (соисполнителями) и их действия квалифицируются по ч. 1 ст. 274⁴ УК РФ. Не требуется ссылка на ст. 33 УК РФ, поскольку они непосредственно выполняют объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274⁴ УК РФ (организацию деятельности), совместно и по согласию.

Участником деятельности является лицо, которое включается в созданную организатором (организаторами) систему незаконной передачи номеров и выполняет функции, обеспечивающие реализацию целей данной деятельности, действуя под

руководством организатора или в рамках согласованного разделения функций. Участник не создает систему, не определяет ее основные параметры, не осуществляет общего руководства, но своими действиями обеспечивает ее функционирование. Признаками участника являются: вторичность роли (включение в уже существующую или создаваемую организатором структуру); выполнение специализированных функций (осуществление определенных действий в рамках общей деятельности — регистрация номеров, вербовка подставных лиц, техническое обеспечение, курьерские функции и т. д.); подчиненность или координированность (действия осуществляются по указанию, заданию или в согласовании с организатором); ограниченность контроля (участник контролирует лишь свой участок деятельности, не имея полной информации о системе в целом и не принимая решений, определяющих ее функционирование).

Разграничение организаторов и участников должно осуществляться на основе совокупной оценки всех обстоятельств дела, включая доказательства, характеризующие фактическую роль каждого лица, объем выполняемых функций, степень самостоятельности в принятии решений, характер взаимоотношений с другими участниками, распределение доходов. При этом следует учитывать, что один и тот же человек может переходить из категории участника в категорию организатора, если, первоначально выполняя исполнительские функции, он затем начинает осуществлять организационно-управленческие действия, привлекать новых участников, координировать деятельность. В таком случае его действия на стадии участия квалифицируются по ч. 2 ст. 274⁴ УК РФ, а последующие действия по организации — по части первой, при этом не применяются правила совокупности преступлений, поскольку имеет место единое продолжаемое преступление с изменением роли лица, что учитывается при квалификации по наиболее тяжкой части (первой) и при назначении наказания.

Специфика законодательной конструкции ст. 274⁴ УК РФ обуславливает особый режим применения института соучастия к данному преступлению. Традиционная модель соучастия предполагает, что уголовно наказуемым является деяние исполнителя (лица, непосредственно совершившего преступление), а деяния организатора, подстрекателя, пособника наказуемы

в связи с деянием исполнителя, через их вклад в совершение преступления исполнителем. Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 274⁴ УК РФ, данная модель трансформируется в силу того, что законодатель криминализировал саму организацию деятельности и участие в ней как самостоятельные формы преступного поведения, не требующие установления конкретного исполнителя единичного акта передачи номера.

Данная законодательная техника, характерная для норм о противодействии организованной преступности и экстремизму, фактически поглощает традиционные формы соучастия специальными конструкциями организации и участия. Лицо, организующее деятельность по незаконной передаче номеров, несет ответственность по ч. 1 ст. 274⁴ УК РФ непосредственно, без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ (организатор), поскольку организация сама является объективной стороной преступления, описанного в ч. 1 ст. 274⁴ УК РФ. Аналогично, лица, выполняющие различные функции в рамках деятельности (вербовщики, курьеры, технические специалисты), несут ответственность по ч. 2 ст. 274⁴ УК РФ как участники деятельности, без необходимости квалификации их действий как пособничества со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Таким образом, ст. 274⁴ УК РФ содержит специальные правила ответственности за групповую преступную деятельность, которые применяются приоритетно перед общими нормами о соучастии.

Вместе с тем полное исключение применения норм о соучастии было бы неверным. Нормы гл. 7 УК РФ применяются к преступлению, предусмотренному ст. 274⁴ УК РФ, в части, не урегулированной специальной конструкцией статьи. В частности, возможны ситуации подстрекательства к организации деятельности или к участию в деятельности, когда одно лицо склоняет другое к созданию системы незаконной передачи номеров или к включению в такую систему. Действия подстрекателя в таких случаях квалифицируются по соответствующей части ст. 274⁴ УК РФ (первой или второй в зависимости от того, к чему подстрекалось лицо) со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ. Аналогично возможно пособничество в организации или участии, когда лицо, не будучи организатором или участником деятельности, оказывает содействие таковым путем предоставления информации, средств, устранения препятствий. Действия пособника квалифициру-

ются по соответствующей части ст. 274⁴ УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Особого внимания заслуживает вопрос о квалификации действий лиц, которые, не являясь организаторами или участниками деятельности по незаконной передаче номеров, совершают иные преступления, связанные с данной деятельностью [4. С. 243–244]. Например, должностное лицо государственного органа, осуществляющего контроль в сфере связи, которое за взятку попустительствует незаконной деятельности, не принимает мер по ее пресечению. Такое лицо не является организатором или участником деятельности по смыслу ст. 274⁴ УК РФ (оно не создает систему и не выполняет функций по ее реализации), однако объективно способствует ее функционированию. Действия такого лица не могут квалифицироваться как пособничество по ст. 274⁴ УК РФ, поскольку пособничество путем попустительства возможно только со стороны лица, в силу служебного положения обязанного препятствовать преступлению, и данная обязанность должна вытекать из компетенции пресекать данное конкретное преступление. Правильная квалификация — по статьям о должностных преступлениях (ст. 285, 290 УК РФ) в зависимости от обстоятельств.

Проведенное исследование субъекта преступления, предусмотренного ст. 274⁴ УК РФ, позволяет сформулировать следующие выводы. Субъект данного преступления характеризуется общими признаками, присущими субъекту любого преступления: физическая природа, вменяемость, достижение возраста уголовной ответственности — шестнадцати лет. Статья ст. 274⁴ УК РФ не предусматривает специального субъекта, и ответственность по ней может нести лицо, обладающее общими признаками субъекта, независимо от наличия или отсутствия служебных полномочий в сфере связи, должностного положения, профессиональной принадлежности.

Законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от роли лица: организаторы деятельности несут ответственность по ч. 1 ст. 274⁴ УК РФ, участники — по части второй. Разграничение основывается на фактической роли в создании и функционировании системы незаконной передачи номеров. Традиционные формы соучастия поглощаются специальной конструкцией организации и участия, однако нормы о соучастии применяются в части, не урегулированной ст. 274⁴ УК РФ.

Литература

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А. Я. Гришко, Е. А. Антонян, А. Ю. Беляков [и др.]. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. — 557 с. — ISBN 978-5-16-018447-0. — DOI 10.12737/2007669. — EDN NPYICM.
2. Щербаков, А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве / А. В. Щербаков // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 2. — С. 100–106. — EDN QAGSEP.
3. Захарян С. Ю. Основания криминализации и социальная обусловленность организации деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 108–118.
4. Захарян С. Ю. Место статьи 2744 УК РФ в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и ее межотраслевые связи // International Law Journal. 2025. Том 8. № 8. С. 238–251.

References

1. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook / A. Ya. Grishko, E. A. Antonyan, A. Yu. Belyakov [et al.]. — Moscow: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center INFRA-M", 2025. — 557 p. — ISBN 978-5-16-018447-0. — DOI 10.12737/2007669. — EDN NPYICM.
2. Shcherbakov, A. V. Problems of defining the subject of a crime in modern criminal law / A. V. Shcherbakov // Gaps in Russian legislation. — 2013. — No. 2. — Pp. 100–106. — EDN QAGSEP.
3. Zakharyan S. Y. Grounds for criminalization and social conditionality of the organization of activities for the transfer of subscriber numbers in violation of the requirements of the legislation of the Russian Federation // Problems of law. 2025. No. 4 (100). pp. 108–118.
4. Zakharyan S. Y. The place of Article 2744 of the Criminal Code of the Russian Federation in the system of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation and its intersectoral relations // International Law Journal. 2025. Vol. 8. No. 8. pp. 238–251.

Информация об авторе

Захарян Самвел Юрьевич — соискатель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Российская Федерация). E-mail: s. y.zakharyan@gmail.com

Information about the author

Zakharyan Samvel Yu. — Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). E-mail: s. y.zakharyan@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 25.11.2026

Дата рецензирования / Received: 26.11.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.11.2026

Кравчук С. В.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 274³ УК РФ

Аннотация. В статье проводится исследование субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 274³ УК РФ. Автор осуществляет детальный анализ обязательных и факультативных признаков субъективной стороны состава преступления, включая форму и вид вины, содержание интеллектуального и волевого элементов умысла, специальную цель как конститутивный признак основного состава преступления, мотивацию преступного поведения. Особое внимание уделяется исследованию специальной цели совершения иного преступления как обязательного признака формального варианта состава, критериям отграничения умышленной формы вины от неосторожности, проблеме двойной формы вины в материальном варианте состава. Рассматриваются особенности содержания умысла при различных формах общественно опасного деяния, включая непосредственное использование телекоммуникационного оборудования и обеспечение его функционирования. Обосновывается вывод о сложной конструкции субъективной стороны, сочетающей элементы интеллектуального осознания технической природы предмета преступления, нормативного понимания незаконности деяния и целевой направленности на создание условий для совершения иных преступлений. Предложены рекомендации по методике установления и доказывания признаков субъективной стороны в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, вина, умысел, специальная цель, мотив, двойная форма вины, юридическая ошибка, фактическая ошибка, интеллектуальный элемент умысла, волевой элемент умысла, доказывание субъективных признаков, квалификация преступлений.

Для цитирования: Кравчук С. В. Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 274³ УК РФ // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 77–85. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-77-85

Kravchuk S. V.

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME, PROVIDED FOR BY ARTICLE 274³ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines the subjective side of the crime under Article 274³ of the Criminal Code of the Russian Federation. The author provides a detailed analysis of the mandatory and optional features of the subjective side of the crime, including the form and type of guilt, the content of intellectual and volitional elements of intent, a special purpose as a constitutive feature of the main crime, and the motivation for criminal behavior. Special attention is paid to the study of the special purpose of committing another crime as a mandatory feature of the formal version of the composition, the criteria for distinguishing the intentional form of guilt from negligence, the problem of double guilt in the material version of the composition. The article considers the specifics of the content of intent in various forms of socially dangerous acts, including the direct use of telecommunications equipment and ensuring its functioning. The author

substantiates the conclusion about the complex construction of the subjective side, combining elements of intellectual awareness of the technical nature of the subject of the crime, a normative understanding of the illegality of the act and a targeted focus on creating conditions for the commission of other crimes. Recommendations on the methodology for establishing and proving signs of a subjective side in the process of investigation and judicial review of criminal cases of this category are proposed.

Keywords: *subjective side of the crime, guilt, intent, special purpose, motive, double form of guilt, legal error, factual error, intellectual element of intent, volitional element of intent, proving subjective signs, qualification of crimes*

For citation: Kravchuk S. V. The Subjective Side of the Crime, Provided for by Article 274³ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 77–85. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2 (102)-77-85

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 274³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), характеризуется сложной конструкцией, включающей обязательные элементы вины в форме умысла, специальной цели как признака основного состава преступления в его формальном варианте. Введение ст. 274³ «Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции» в УК РФ Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» актуализировало необходимость доктринального исследования признаков субъективной стороны данного преступления, выявления особенностей содержания умысла, определения критериев установления специальной цели. Техническая сложность предмета преступления, альтернативная конструкция объективной стороны, сочетание формального и материального составов создают специфические особенности субъективной стороны, требующие теоретического осмысления и выработки рекомендаций для правоприменения.

Преступление, предусмотренное ст. 274³ УК РФ, характеризуется виной в форме умысла. Законодательная конструкция состава преступления свидетельствует о невозможности его совершения по неосторожности. Указание на цель совершения иного преступления как обязательный признак формального варианта состава предполагает сознательную целенаправленную деятельность субъекта, что исключает неосторожную форму вины. Материальный вариант состава, требующий наступления тяжких последствий, вызывает вопросы о возможности неосто-

рожного отношения к последствиям при умышленном совершении деяния.

Для формального варианта, когда незаконное использование телекоммуникационного оборудования совершается в целях совершения иного преступления, характерен прямой умысел: лицо осознает незаконный характер использования абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции, понимает функциональное назначение такого оборудования как средства создания условий для совершения преступлений, и желает использовать оборудование именно для этих целей. Специальная цель как обязательный признак субъективной стороны формального варианта состава предполагает прямой умысел, поскольку цель представляет собой мысленную модель желаемого результата, к достижению которого стремится субъект [1]. Следовательно, формальный состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274³ УК РФ, может быть совершен только с прямым умыслом.

Для материального варианта состава преступления, когда незаконное использование оборудования повлекло тяжкие последствия, возможен и прямой, и косвенный умысел. Если субъект осознавал возможность наступления тяжких последствий в результате незаконного использования оборудования и желал их наступления, налицо прямой умысел. Если субъект осознавал возможность наступления тяжких последствий, не желал их наступления, но сознательно допускал или относился к ним безразлично, то — косвенный умысел. Более распространенным представляется косвенный умысел: лицо, незаконно использующее абонентский терминал пропуска трафика для оказания технических услуг организаторам мошенничеств,

осознает, что создаваемая им техническая инфраструктура будет использована для совершения множественных преступлений и причинения существенного имущественного ущерба гражданам, однако непосредственной целью его деятельности является получение незаконного дохода, а не причинение тяжких последствий. Тем не менее, осознавая неизбежность использования оборудования в преступных целях и закономерность наступления негативных последствий, субъект сознательно допускает их наступление, что образует косвенный умысел в отношении последствий.

Интеллектуальный элемент умысла при совершении преступления, предусмотренного ст. 274³ УК РФ, характеризуется сложной структурой, включающей осознание множественных объективных и нормативных обстоятельств, образующих признаки состава преступления. Прежде всего, субъект должен осознавать, что используемое им техническое устройство представляет собой абонентский терминал пропуска трафика или виртуальную телефонную станцию, то есть специализированное телекоммуникационное оборудование, предназначенное для массовой автоматизированной обработки телефонных вызовов и текстовых сообщений с использованием множественных абонентских номеров. Осознание технической природы оборудования предполагает понимание его функциональных возможностей: способности к одновременному приему и передаче множественных коммуникаций, возможности подмены идентификаторов вызывающих абонентов, автоматизации процесса массовых рассылок [2, с. 256–258]. Отсутствие точных технических познаний о конструктивных особенностях оборудования не исключает осознания его функционального назначения на бытовом уровне понимания.

Важным элементом интеллектуального компонента умысла выступает осознание незаконности использования телекоммуникационного оборудования. Незаконность как нормативная категория предполагает нарушение императивных требований законодательства о связи, что требует от субъекта определенного уровня правосознания и понимания правовых норм, регулирующих деятельность в сфере связи. Вместе с тем, уголовно-правовая доктрина и практика исходят из презумпции знания закона: незнание уголовного закона не освобождает от уголовной ответственности, а заблуждение относительно про-

тивоправности деяния, как правило, не влияет на квалификацию. Осознание незаконности не требует знания Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» или иных нормативных актов, регулирующих деятельность в области связи. Достаточно понимания того, что деятельность по массовому оказанию услуг связи требует получения специальных лицензий и разрешений, что подмена абонентских номеров противоречит правилам функционирования телекоммуникационных сетей, что использование оборудования для создания условий совершения других уголовно наказуемых деяний противоречит правовым нормам.

Интеллектуальный элемент умысла включает также осознание общественной опасности совершаемого деяния. Общественная опасность как материальный признак преступления означает способность деяния причинить существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям [3. С. 125–126]. Субъект должен осознавать, что незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика создает условия для совершения множественных преступлений против собственности граждан, нарушает установленный порядок функционирования телекоммуникационной инфраструктуры, подрывает доверие граждан к безопасности средств связи, создает угрозу правам и законным интересам неопределенного круга лиц. Осознание общественной опасности не требует юридической квалификации совершаемого деяния как преступления: достаточно понимания социальной вредности действий на уровне обывденного правосознания. Если лицо добросовестно заблуждалось относительно общественной опасности своих действий, полагая, что осуществляет правомерную предпринимательскую деятельность в области связи, и имело разумные основания для такого заблуждения, отсутствие осознания общественной опасности может исключать умысел и уголовную ответственность.

Для материального варианта состава преступления обязательным элементом интеллектуального компонента умысла выступает предвидение возможности или неизбежности наступления тяжких последствий. Субъект должен осознавать, что незаконное использование оборудования в значительных масштабах, в течение продолжительного времени, с вовлечением множественных соучастников создает

реальную угрозу наступления тяжких последствий.

Волевой элемент умысла характеризует отношение субъекта к совершаемому деянию и его последствиям с точки зрения желания, стремления, целеполагания. Волевой элемент выражается в желании использовать абонентский терминал пропуска трафика или виртуальную телефонную станцию незаконным образом, то есть с нарушением требований законодательства о связи, для создания технических условий совершения иных преступлений. Субъект целенаправленно выбирает именно противоправный способ эксплуатации телекоммуникационного оборудования, преодолевая законодательные запреты и ограничения, поскольку такой способ обеспечивает достижение преследуемых им целей.

Для косвенного умысла, который может иметь место в материальном варианте состава преступления, волевой элемент характеризуется сознательным допущением наступления общественно опасных последствий или безразличным отношением к ним. Субъект не стремится к причинению тяжких последствий как самостоятельной цели своей деятельности, однако предвидит реальную возможность их наступления и, тем не менее, совершает действия по незаконному использованию оборудования, сознательно мирясь с перспективой наступления негативных последствий. Безразличное отношение к последствиям выражается в игнорировании социальной значимости охраняемых общественных отношений, пренебрежении правами и законными интересами потерпевших, подчинении всех соображений достижению корыстной цели получения незаконного дохода. Сознательное допущение последствий означает, что субъект, предвидя возможность наступления тяжких последствий, не предпринимает никаких мер к их предотвращению, продолжает преступную деятельность, рассчитывая на случайное стечение обстоятельств, которое может предотвратить наступление последствий, но готов принять их наступление как побочный результат своих действий.

Часть 1 ст. 274³ УК РФ предусматривает в качестве обязательного признака формального варианта состава преступления специальную цель совершения иного преступления. Законодательная конструкция состава преступления отражает стремление законодателя к дифференциации уголовной ответственности в зависимости

от направленности умысла субъекта и степени общественной опасности деяния. Данная конструкция обеспечивает применение уголовной репрессии только к наиболее опасным формам противоправного использования оборудования.

Анализ свидетельствует, что наиболее распространенным вариантом преступлений, для совершения которых используются абонентские терминалы пропуска трафика, являются мошенничества, предусмотренные ст. 159 УК РФ и специальными составами мошенничеств. К примеру, сотрудниками Следственного управления УМВД России по г. Белгороду расследуются уголовные дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ и по ч. 3 ст. 274³ УК РФ, возбужденные в отношении двоих жителей региона, организовавших сеть нелегальных узлов связи, которые обеспечивали для организаторов дистанционных мошенничеств связь с их жертвами. Вместе с тем, законодательная формулировка не ограничивает круг преступлений только мошенничествами и охватывает любые составы, для совершения которых может использоваться функциональность телекоммуникационного оборудования.

Установление специальной цели требует доказывания внутренней психической направленности субъекта на достижение определенного результата, что представляет сложность для практики, поскольку субъективные психические процессы не поддаются наблюдению и могут быть установлены только на основании анализа объективных обстоятельств, свидетельствующих о направленности умысла. К доказательствам, подтверждающим наличие специальной цели совершения преступления, относятся: признательные показания обвиняемого о целях использования оборудования; показания соучастников преступления о достигнутых соглашениях относительно целевого назначения оборудования; показания свидетелей, осведомленных о переговорах между субъектом и организаторами мошеннических схем; содержание перехваченных в результате оперативно-розыскных мероприятий телекоммуникационных сообщений, передававшихся через оборудование, свидетельствующее о мошенническом характере коммуникаций; результаты мониторинга трафика, проходящего через оборудование, демонстрирующие массовые рассылки сообщений типичного для мошенничества содержания; технические характеристики и программная конфигурация

оборудования, специально настроенного для подмены номеров и автоматизации мошеннических коммуникаций; финансовые документы, подтверждающие получение субъектом вознаграждения от организаторов мошенничеств; свидетельства о совершении конкретных мошенничеств с использованием предоставленной технической инфраструктуры.

Важным для квалификации является вопрос о необходимости фактического совершения иного преступления для признания состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274³ УК РФ, оконченным. Для оконченого состава достаточно наличия у субъекта цели совершения иного уголовно наказуемого деяния в момент начала незаконного использования оборудования независимо от того, было ли фактически совершено иное уголовно наказуемое деяние. Формальная конструкция состава означает, что преступление признается оконченным с момента начала использования оборудования или обеспечения его функционирования при наличии специальной цели, а фактическое совершение или несовершение иных преступлений лежит за пределами объективной стороны состава, предусмотренного ст. 274³ УК РФ. Если с использованием оборудования фактически совершены мошенничества или иные уголовно наказуемые деяния, действия субъекта квалифицируются по совокупности преступлений: по ч. 1 ст. 274³ УК РФ за незаконное использование оборудования в целях совершения преступления и по соответствующим статьям Особенной части УК РФ за фактически совершенные преступления.

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 274³ УК РФ, мотив не является обязательным признаком состава преступления. Следовательно, преступление может быть совершено при любой мотивации, и отсутствие установления конкретного мотива не препятствует квалификации деяния по ст. 274³ УК РФ. Вместе с тем, практика свидетельствует о преобладании корыстного мотива как типичного психологического источника данного вида деятельности. Корыстный мотив выражается в стремлении субъекта к получению незаконного материального обогащения путем предоставления технических услуг по обеспечению функционирования абонентских терминалов пропуска трафика организаторам мошеннических схем либо путем непосредственного участия в совершении хищений имущества граждан с ис-

пользованием создаваемой технической инфраструктуры.

Наряду с корыстным мотивом возможны иные варианты мотивации преступного поведения, хотя практически они встречаются значительно реже. К таким мотивам могут относиться: идеологический мотив, когда субъект использует оборудование для распространения экстремистских или террористических материалов, осуществления информационно-психологического воздействия на население в политических целях; хулиганский мотив, когда использование оборудования осуществляется из стремления продемонстрировать пренебрежение к установленным правовым нормам, противопоставить себя обществу, нарушить общественное спокойствие; мотив мести, когда оборудование используется для причинения вреда конкретным лицам путем осуществления массовых телефонных атак, распространения порочащей информации; любопытство или исследовательский интерес, когда технически продвинутые лица осуществляют эксперименты с телекоммуникационным оборудованием для изучения принципов функционирования сетей связи без корыстной цели извлечения прибыли. Установление конкретного мотива преступления имеет значение для индивидуализации наказания: корыстный мотив может рассматриваться как отягчающее обстоятельство в соответствии с пунктом «з» части первой статьи 63 УК РФ.

Соотношение мотива и цели в структуре субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 274³ УК РФ, характеризуется определенной спецификой. Мотив как психологическая побудительная причина преступного поведения определяет, почему субъект решился на совершение преступления: корыстный мотив объясняет стремление к незаконному обогащению, идеологический мотив — стремление к реализации определенных политических или религиозных взглядов. Цель как мысленная модель желаемого результата определяет, для достижения какого конкретного результата субъект совершает преступление: специальная цель совершения иного преступления означает, что субъект стремится создать технические условия для мошенничеств, распространения экстремистских материалов или иных преступлений. Мотив и цель находятся в причинно-следственной связи: мотив порождает цель, а цель конкретизирует мотив применительно к конкретной

ситуации [4]. Корыстный мотив обогащения реализуется через цель создания инфраструктуры для мошенничеств, которые принесут незаконный доход; идеологический мотив реализуется через цель распространения определенных идей посредством массовых коммуникаций. Для квалификации преступления по ст. 274³ УК РФ обязательно установление цели, тогда как установление мотива не является необходимым.

Применительно к преступлению, предусмотренному статьей 274.3 УК РФ, возникает дискуссионный вопрос о возможности конструкции двойной формы вины в материальном варианте состава, когда незаконное использование оборудования повлекло тяжкие последствия, к примеру, в виде причинения смерти по неосторожности. Теоретически возможна ситуация, когда субъект умышленно осуществляет незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика, осознавая противоправность своих действий, однако не предвидит возможности наступления тяжких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть такую возможность, либо предвидит возможность наступления тяжких последствий, но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение. В таком случае имело бы место сочетание умышленной формы вины в отношении деяния и неосторожной формы вины в отношении последствий, что образовало бы двойную форму вины. Однако детальный анализ характера общественно опасных последствий в виде тяжких последствий и механизма их наступления свидетельствует о маловероятности неосторожного отношения к последствиям при умышленном совершении деяния.

Наступление тяжких последствий является закономерным результатом незаконного использования специализированного телекоммуникационного оборудования в значительных масштабах и в течение продолжительного времени. Субъект, осознающий функциональное назначение оборудования как средства массовых автоматизированных коммуникаций, используемых для мошенничеств, не может не осознавать реальную возможность причинения существенного имущественного ущерба множеству граждан. Следовательно, интеллектуальный элемент умысла включает предвидение возможности наступления тяжких последствий, а волевой элемент характеризуется сознательным допущением

их наступления или безразличным отношением к ним, что образует косвенный умысел в отношении последствий, а не неосторожность.

Возможна ситуация, когда лицо осуществляет незаконное использование оборудования в ограниченных масштабах, не осознавая технических особенностей оборудования, позволяющих другим лицам использовать его для совершения массовых преступлений, и при этом по небрежности не предвидит возможности наступления тяжких последствий, хотя при необходимой внимательности должно было и могло их предвидеть. Однако такая ситуация представляется гипотетической и практически маловероятной, поскольку незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика предполагает наличие специальных технических знаний и осведомленности о функциональных возможностях оборудования. Лицо, не осознающее технической природы оборудования и его предназначения, объективно не способно осуществить его незаконное использование.

Установление и доказывание признаков субъективной стороны преступления представляет одну из наиболее сложных задач, поскольку субъективные психические процессы не поддаются непосредственному наблюдению и могут быть установлены только на основании анализа объективных обстоятельств, косвенно свидетельствующих о содержании умысла, целях и мотивах преступного поведения. Доказывание субъективной стороны требует получения совокупности доказательств, подтверждающих осознание субъектом технической природы используемого оборудования, незаконности его использования, общественной опасности совершаемых действий, наличие специальной цели совершения иного преступления. Методика доказывания субъективной стороны основывается на презумпции соответствия субъективного отношения лица к совершаемым действиям их объективному характеру: если объективно действия характеризуются определенными признаками, презюмируется, что субъект осознавал эти признаки, если не доказано иное.

Основным источником доказательств содержания субъективной стороны выступают показания обвиняемого, в которых он излагает свое отношение к совершенному деянию, объясняет цели и мотивы своего поведения, описывает свое понимание характера используемого оборудования

и осознание правовых последствий своих действий. Вместе с тем, показания обвиняемого не могут быть единственным источником доказательств субъективной стороны и должны быть подкреплены совокупностью объективных доказательств, подтверждающих содержание умысла. Если обвиняемый отрицает наличие умысла на незаконное использование оборудования или специальной цели совершения иного преступления, ссылаясь на добросовестное заблуждение относительно правомерности своих действий, следствие обязано опровергнуть эти утверждения путем доказывания объективных обстоятельств, исключающих возможность добросовестного заблуждения.

Важным источником доказательств субъективной стороны выступают показания соучастников преступления, согласившихся на сотрудничество со следствием и дающих подробные показания о распределении ролей в преступной группе, содержании достигнутых соглашений о совместной преступной деятельности, обсуждениях целей использования телекоммуникационного оборудования. Показания соучастников позволяют установить, что все участники преступной группы осознавали противоправный характер своей деятельности, понимали, что создаваемая техническая инфраструктура предназначена для совершения мошенничеств, и действовали с единым умыслом на достижение общей преступной цели. Показания свидетелей, не являющихся соучастниками преступления, но осведомленных об обстоятельствах дела, могут подтверждать отдельные элементы субъективной стороны: свидетели могут сообщить о высказываниях обвиняемого относительно целей использования оборудования, о переговорах с заказчиками услуг, о демонстрации осведомленности в технических характеристиках оборудования.

Важным источником доказательств субъективной стороны выступают результаты оперативно-розыскных мероприятий, прежде всего прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, позволяющие получить объективные данные о содержании коммуникаций между участниками преступной группы, переговорах с заказчиками услуг, обсуждениях технических деталей функционирования оборудования. Содержание перехваченных переговоров может прямо свидетельствовать о наличии умысла на незаконное использование обо-

рудования и специальной цели совершения мошенничеств, если участники обсуждают противоправный характер своей деятельности, способы уклонения от ответственности, распределение доходов от преступной деятельности. Вещественные доказательства, включая изъятое телекоммуникационное оборудование, компьютерную технику, электронные носители информации, финансовые документы, содержат объективную информацию, косвенно свидетельствующую о субъективной стороне преступления. Техническая конфигурация оборудования, специально настроенного для подмены номеров и массовых автоматизированных рассылок, свидетельствует о том, что субъект осознавал специализированное назначение оборудования и использовал его именно для создания условий совершения мошенничеств.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла, при этом формальный вариант состава преступления может быть совершен только с прямым умыслом, тогда как материальный вариант допускает как прямой, так и косвенный умысел в отношении наступивших тяжких последствий. Интеллектуальный элемент умысла включает осознание технической природы предмета преступления как абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции, осознание незаконности использования такого оборудования вследствие нарушения требований законодательства о связи, осознание общественной опасности совершаемого деяния, предвидение использования оборудования для совершения преступлений или наступления тяжких последствий. Волевой элемент умысла выражается в желании совершить действия по незаконному использованию оборудования для достижения специальной цели либо в сознательном допущении наступления тяжких последствий.

Обязательным признаком субъективной стороны формального варианта основного состава преступления выступает специальная цель совершения иного преступления, представляющая собой стремление субъекта создать технические условия для совершения им самим или третьими лицами преступлений с использованием функциональных возможностей телекоммуникационного оборудования. Для признания формального состава преступления окончательным достаточно наличия специальной цели в момент начала использования

оборудования независимо от фактического совершения иных преступлений. Если с использованием оборудования фактически совершены преступления, действия субъекта квалифицируются по совокупности ст. 274³ УК РФ и соответствующих статей о фактически совершенных преступлениях.

Доказывание признаков субъективной стороны представляет сложность для практики и требует получения совокупности прямых и косвенных доказательств, включающих показания обвиняемого и соучастников преступления, показания свидетелей, результаты оперативно-розыскных мероприятий, вещественные доказательства, заключения экспертов. Методика доказывания основывается на презумпции соответствия субъективного отношения лица к совершаемым действиям их объективному характеру: если объективно действия характеризуются определенными признаками, презюмируется осознание субъектом этих признаков. Техническая конфигурация оборудования, специально настроенного для подмены номеров и массовых автоматизированных рассылок, размер получаемого вознаграждения, содержание коммуникаций, проходящих через оборудование, продолжительность пре-

ступной деятельности выступают объективными обстоятельствами, косвенно свидетельствующими о наличии умысла на незаконное использование оборудования и специальной цели совершения иных преступлений [5. С. 130–131].

Сложная конструкция субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 274³ УК РФ, сочетающая элементы интеллектуального осознания технической природы предмета преступления, нормативного понимания незаконности деяния и целевой направленности на создание условий для совершения иных преступлений, отражает специфику данного вида преступной деятельности как технологически сложной и высокоорганизованной формы противоправного поведения в сфере информационных технологий и телекоммуникаций. Эффективное правоприменение требует формирования у следователей, прокуроров и судей понимания технических аспектов функционирования телекоммуникационного оборудования, криминологических закономерностей организации преступной деятельности в данной сфере, методических подходов к установлению и доказыванию признаков субъективной стороны.

Литература

1. Смирнов В. А. Цель как признак субъективной стороны преступления // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 65–72.
2. Кравчук С. В. Технико-правовая характеристика абонентского терминала пропуска трафика и виртуальной телефонной станции как предметов преступления // International Law Journal. 2025. Т. 8. № 8. С. 252–262.
3. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140.
4. Ларина Л. Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом // Вестник Югорского государственного университета, 2024. Т. 20, № 3. С. 10–17. doi:10.18822/byusu20240310-17.
5. Кравчук С. В. К вопросу о социальной обусловленности криминализации незаконного использования абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 129–138.

References

1. Smirnov V. A. Purpose as an Attribute of the Subjective Side of a Crime // Siberian Law Bulletin. 2014. No. 1. pp. 65–72.
2. Kravchuk S. V. Technical and Legal Characteristics of a Subscriber Terminal for Traffic Transmission and a Virtual Telephone Exchange as Objects of a Crime // International Law Journal. 2025. Vol. 8. No. 8. pp. 252–262.
3. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V., Kovlagina D. A., Lapunin M. M., Khutov K. M. Social Danger of a Crime: Concept and Verification Criteria // Law Enforcement. 2020. Vol. 4, No. 4. pp. 124–140.
4. Larina L. Yu. The Purpose of the Crime: Its Criminal-Law Significance and Relationship with the Motive // Bulletin of Yurga State University, 2024. Vol. 20, No. 3. pp. 10–17. doi:10.18822/byusu20240310-17.
5. Kravchuk S. V. On the Issue of Social Determination of the Criminalization of the Illegal Use of a Subscriber Terminal for Transmitting Traffic or a Virtual Telephone Exchange // Problems of Law. 2025. No. 4 (100). pp. 129–138.

Информация об авторе

Кравчук Сергей Владимирович — соискатель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Российская Федерация). E-mail: 9836565@mail.ru

Information about the author

Kravchuk Sergey V. — Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). E-mail: 9836565@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.11.2025

Дата рецензирования / Received: 25.11.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.11.2025

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-86-93

УДК 343.98.067

Лазарев Д. А.

РАССЛЕДОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СПЕЦИФИКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. Специфические черты компьютерного преступления осложняют его выявление, раскрытие и расследование: удалённость действия виновного лица от места причинения вреда; использование анонимизации в сети; скоростное уничтожение или изменение компьютерной информации; трансграничный характер деяния. Все перечисленное требует адаптации традиционных криминалистических методик расследования преступлений к новым реалиям и применения специальных криминалистических подходов, технических средств, тактико-тактических приёмов работы с цифровой информацией. Исследование специфики криминалистического сопровождения расследования компьютерных преступлений даёт возможность совершенствовать процесс обнаружения, регистрации, извлечения и анализа цифровых следов, разработки методик взаимодействия следователей со специалистами и экспертами. То есть проблема носит теоретический и прикладной характер так как позволяет улучшить методику расследования преступлений в информационной среде.

Ключевые слова: компьютерные преступления; расследование; криминалистическое обеспечение расследования; методика расследования; специалист; эксперт

Для цитирования: Лазарев Д. А. Расследование компьютерных преступлений: специфика криминалистического обеспечения // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 86–93. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-86-93

Lazarev D. A.

INVESTIGATION OF COMPUTER CRIMES: THE SPECIFICS OF FORENSIC SUPPORT

Abstract. The specific features of a computer crime complicate its detection, disclosure and investigation: the remoteness of the perpetrator's actions from the place of harm; the use of anonymization on the network; the rapid destruction or modification of computer information; the cross-border nature of the act. All of the above requires the adaptation of traditional forensic crime investigation techniques to new realities and the use of special forensic approaches, technical means, and tactical techniques for working with digital information. The study of the specifics of criminalistic support for the investigation of computer crimes makes it possible to improve the process of detecting, registering, extracting and analyzing digital traces, and developing methods for the interaction of investigators with specialists and experts. That is, the problem is theoretical and applied in nature, as it allows to improve the methodology for investigating crimes in the information environment.

Keywords: computer crimes; investigation; criminalistic support of investigation; investigation methodology; specialist; expert

For citation: Lazarev D. A. Investigation of Computer Crimes: the Specifics of Forensic Support. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 86–93. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-86-93

86

Уголовно-правовые
науки

Криминалистическое обеспечение расследования — это совокупность теоретических знаний, практических навыков и опыта, используемых следователем при решении задач по изысканию полной информации о совершенном преступлении. В его состав входят критерии оценки степени пригодности имеющейся теоретической и практической базы для оптимальной организации процесса выявления, раскрытия и дальнейшего расследования уголовных дел с целью достижения определенной цели (изыскания полного круга фактов, имеющих значение для оценки действия) [1. С. 88–96]. Его прикладной аспект состоит в том, что он предполагает применять любые данные, которые могут быть необходимы следователю для установления обстоятельств расследуемого преступления. Криминалистическое обеспечение — это не только знание правовой базы, применение норм права [2. С. 119–121]. Это многогранное познание всех видов деятельности человека от науки до ремесла и искусства. Криминалистическое обеспечение — это применение знаний наук (физика, химия, биология, медицина) и методов естественно-научных дисциплин для целей выявления, раскрытия и расследования преступлений [3. С. 2–5]. Эти науки дают нам возможность использовать различные приборы и методы в интересах криминалистики.

Криминалистическое обеспечение состоит не только из знаний. Развитие высокотехнологичных отраслей приводит к возникновению новых проблем в обнаружении, расследовании и раскрытии преступлений. Иногда необходим инструментальный и технические средства. Использование их помогает найти для следствия значимые обстоятельства. А особенно они необходимы при расследовании преступлений с применением компьютерных технологий. Особенностью данных преступлений является цифровая среда совершения — все составные признаки данного преступления находятся и реализуются в электронном виде. Это означает что для того, чтобы их «увидеть» человеку необходимо специальное программное обеспечение. И только с помощью подобных устройств возможна вычитка цифровой информации из носителей, таких как флешки, карты памяти или SSD-накопитель. Информация, которая имеет цифровую природу и представлена в цифровых кодах, не может быть воспринята без помощи технических устройств. Спе-

циальные средства необходимы для того, чтобы найти информацию, содержащую признаки деяния, интересующие расследование. Они же и помогут такую информацию сделать доступной к восприятию. Криминалистическая техника представляет собой систему знаний, которые служат средством установления истины при осуществлении расследований по конкретным преступлениям. Она включает в себя инструменты, служащие для достижения определенных стратегически-тактических целей. Средства могут быть специализированными по отношению к сфере криминалистики или использоваться в модифицированном виде.

Для проведения расследования преступлений в цифровой среде необходимы специальные средства, которые позволяют анализировать и декодировать информацию, содержащуюся в ней. С их помощью удастся детально рассмотреть все нюансы преступления. От степени технологичности используемых средств и компетентности самого следователя либо лиц, обеспечивающих его деятельность, во многом зависят результаты следственной работы. В ходе проведения исследований (в рамках расследования) применяется ряд технических устройств. К ним относятся, прежде всего, специализированные сканеры жестких дисков, аппаратные решения по извлечению данных с мобильных носителей (включая заблокированные), инструменты обеспечения сохранности при копировании цифровых носителей. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на имеющиеся технические возможности вычислить все нужные нам следы и информацию в цифровом мире очень сложно. Для проведения криминалистических исследований посредством применения технических средств необходимо наличие специального ПО. В отсутствии этого ПО технические средства не способны помочь получить и изучить необходимые данные. На современном этапе развития цифровых технологий используется множество программных продуктов в области криминалистики. Forensic Toolkit (FTK) является средством для поиска удалённой информации, электронной почты, паролей на диске. EnCase помогает восстановить данные на жестком диске такие как: документы, картинки, история браузера. Autopsy умеет определять форматы файлов, вытаскивать из картинок метаданные и восстанавливать файлы, зараженные вирусами-вымогателями. Magnet Axiom платформа для сбора,

обработки и анализа информации с компьютеров, телефонов или из облачных сервисов. С помощью утилит Wireshark и NetworkMiner проводят анализ сетевых соединений в целях обнаружения опасных взаимодействий и атак.

Использование технических средств при проведении следственных действий обязательно должно проводиться регламентировано [4. С. 127–137]. Нарушение данной регламентации приводит к тому, что получение информации о преступлении может стать невыполнимой задачей, а все проделанные следователем работы будут сведены к нулю, так как невозможно будет доказать какие-либо факты уголовного дела. Вместе с тем, технические средства — часть криминалистического комплекса, но без них многие следы останутся не исследованными, а содержащаяся в следе информация будет потеряна и восстановить картину произошедшего будет невозможно, что приведет к отсутствию результата расследования. С учетом сказанного можно заключить, что используемые при расследовании преступлений технические средства являются составной частью криминалистического комплекса. Нужно понимать, что недостаточно просто иметь технические ресурсы позволяющие увеличить результативность работы следственного органа, важно правильно ими пользоваться применительно к особенностям рассматриваемого уголовного дела. Следователь должен знать когда и по каким обстоятельствам применение тех или иных технических средств будет рациональным, нужно еще уметь грамотно воспользоваться ими и установить нужную последовательность применения данных средств. Только при этом условии будет обеспечена правильная организация расследования. При проведении расследований преступлений лишь с помощью технических средств явно недостаточно, нужны еще специальные познания и навыки их использования.

Расследование компьютерных преступлений имеет свою специфику: для установления многих обстоятельств необходимы специальные технические инструменты. Это касается не только аппаратного обеспечения, применяемого в криминалистике, но и программного обеспечения, а также комплексных систем, предназначенных для таких целей [5]. В ходе расследования указанных преступлений применяются специализированные программы. К ним можно отнести программы по кло-

нированию дисков и созданию образов таких как AccessData FTK imager, а так же анализаторы сетевого трафика (Wireshark). Для восстановления информации удаленной программно применяются такие программы как PC-3000, R-Studio, X-Ways Forensics. С Windows-реестром работают через программы Windows Registry Recovery, RegRipper. Медиа-файлы обрабатываются GIMP, Eleccard Video Format Analyzer, Audacity. Для изучения артефактов браузера предназначен NetAnalysis. Извлечение паролей возможно с помощью Passware Recovery Kit Forensic. Поиск данных в социальных сетях и на веб-ресурсах выполняют с помощью X1 Social Discovery. Для проведения углубленных исследований используются специализированные комплексы, такие как UFED от Cellebrite, «Мобильный Криминалист», Elcomsoft Premium Forensic Bundle и Magnet AXIOM. Их ключевая функция — извлечение данных, недоступных для обычного анализа. Без использования данных средств множество значимой информации рискует остаться незамеченной, а это окажет влияние на следствие по уголовному делу.

Технические средства необходимы при расследовании компьютерных преступлений. Но только на основании работы технических средств следователь не имеет возможность построить хотя бы первоначальную картину событий. Лишь с использованием специальных знаний и соответствующей методологии технические средства дают наиболее существенные данные для установления признаков совершения преступления и факта причинения имущественного или иного вреда. В некоторых случаях без технических средств само преступление не будет обнаружено. Техно-криминалистические средства обеспечивают следователю дополнительный выход в ту виртуальную среду, где совершено компьютерное преступление. При этом он видит и анализирует то, что было бы недоступно без них. Методы применения технических средств не только способствуют установлению факта совершения преступления, но и выявлению всех его деталей. Техно-криминалистические средства обеспечивают при расследовании компьютерных преступлений получение достаточного количества информации для принятия процессуальных мер. С их помощью осуществляется выявление лиц, виновных в совершении преступления и формирование убедительной доказательной базы. Следовательно, с их помощью обеспечивается

эффективность и обоснованность доказывания еще на стадии предварительного расследования.

Технические средства, применяемые при проведении расследования компьютерных преступлений характеризуются многофункциональностью. Их использование зачастую подразумевает специальные знания, так как данные устройства являются сложными техническими системами. Умение пользоваться технико-криминалистическими средствами невозможно без умения ими владеть. Необходимо грамотно выбирать и использовать эти средства для получения наиболее полной, достоверной информации о преступлении, которая может послужить убедительным доказательством. Правильное применение технико-криминалистических мероприятий включает следующие компоненты: знание технических характеристик самого средства; знание нормативно-правового регулирования, позволяющего применение соответствующего средства с целью их эффективного использования; знание области, в которой будет применяться данное средство.

Для успешного расследования киберпреступлений следователю необходимо обладать фундаментальными знаниями в области компьютерных технологий, программного обеспечения и систем связи [6. С. 168–175]. Только имея это понимание, он сможет адекватно оценить произошедшее, провести глубокий анализ и, исходя из полученных данных, составить план предварительного расследования. Для успешного проведения расследования и установления истины следователю требуются специфические знания. Они позволяют ему верно определить цели расследования, а также формировать собственное суждение, независимое от экспертных оценок. Важно понимать, что специалисты, как и следователи, имеют свои собственные взгляды на события, которые могут не совпадать ни с мнением следователя, ни с объективной реальностью [7. С. 700–706]. В процессе расследований специалисты, обладая авторитетом науки, нередко оказывают существенное воздействие на ход следствия. Такой фактор несет в себе опасность искажения результатов проведения дознания и следствия что влечет за собой неправильные выводы при разрешении уголовных дел.

Специальные знания компьютерной техники у следователя помогают повысить эффективность его работы по раскрытию

преступлений [8. С. 95–101]. Благодаря им он может правильно поставить перед собой задачи при расследовании дела. Ему важно знать, что конкретно должен сделать для раскрытия данного уголовного дела, так же четко понимать к кому нужно обратиться за помощью. Важно понимать для него, что ему нужно разбираться самому на основе законодательно закрепленных возможностей и инструментов, а где понадобятся знание компьютерной техники за пределами его компетенции. Поэтому в ходе расследования киберпреступлений незаменимы специалисты с высоким уровнем знаний компьютерной техники. Закон наделяет следователей правом привлечения таких специалистов для проведения расследований, что закреплено в пункте 1 статьи 168 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Средства технико-криминалистического обеспечения, применяемые в ходе расследования, делятся на две категории: предназначенные для следователей и для специалистов. Средства, рассчитанные на использование следователями, характеризуются относительной простотой и доступностью, что позволяет оперативно решать срочные задачи, возникающие во время расследования. Криминалистические методы конечно трудоемкие, но помогают провести более глубокий и полный анализ, тем самым увеличивают вероятность достоверности в выводах по расследованию. Важной особенностью эффективного проведения расследования является наличие профессионала. В частности это актуально на этапе получения показаний у подозреваемых лица, обвиняемого и свидетелями, поскольку показания могут стать решающими. В ряде случаев без консультации специалиста следствие не будет эффективно проведено. Он помогает уточнить задачи, составить тактику следственных действий, выявить и исключить возможные проблемы. Участие в работе должно быть реальным, а не номинальной. Его цель — предсказать и предотвратить ошибки, которые следователь может допустить во время следственных действий, обусловленные недостаточным пониманием им особенностей компьютерной техники и программных продуктов. При этом важно отметить, что авторитет специалиста не должен влиять на независимость и самостоятельность следователя в вынесении процессуальных решений. В то же время при принятии данных решений стоит прибегать к консультации высококлас-

сного специалиста, а также применять его знания в процессе расследования.

В ходе расследования киберпреступлений перед следователем постоянно возникает выбор: действовать самостоятельно или обратиться за помощью к специалисту в области компьютерных технологий и программирования. С одной стороны, некоторые процессуальные действия нуждаются в максимальной скорости, которую можно потерять при привлечении специалиста. Специалисты по расследованию компьютерной преступности должны иметь достаточно узкую специальность — обладать обширными знаниями о конкретном оборудовании и программном обеспечении, использованного в преступлении [9. С. 141–146]. Подбор подходящего специалиста занимает много времени. Отсутствие времени в расследовании приведет к тому, что будут упущены некоторые моменты. То есть информация для выявления всего комплекса обстоятельств преступления будет утрачена. Расследование в таком случае не будет всесторонним, качественное доказывание и приговор виновному будут отсутствовать.

Однако небрежность или поспешность следователя при совершении процессуальных действий, а именно без учета его специальной подготовки может повлечь за собой необратимые ошибки, исправить которые будет уже поздно. В зависимости от специфики сложившейся следственной обстановки на старте расследования, следователю предстоит сделать наиболее целесообразный выбор: самостоятельно осуществить отдельные следственные действия или же привлечь специалиста и дожидаться его участия в расследовании для проведения необходимых мероприятий. Чтобы эффективно расследовать компьютерное преступление, следователю необходимы базовые знания в области компьютерной техники и программного обеспечения. Без данных знаний следователь не сможет решить вопрос о том, будет ли участвовать в расследовании специалист с нужными знаниями. Под вышеуказанным понимается ситуация, когда для участия специалиста в расследовании необходимо наличие у него специальных знаний по компьютерным технологиям. То есть вопрос может стоять перед следователем: необходим ли такой специалист и, если да, то какого узкого профиля он должен быть. Знание следователем компьютерных технологий важно для выбора экспертизы и постановки перед ней вопросов. Это зна-

ние входит в состав криминалистического обеспечения расследования по делам о киберпреступлениях. Вследствие незнания возможностей экспертизы следователь может допустить ошибки, отрицательно сказывающиеся на качестве расследования и доказывании вины. Надо сформулировать требования к компетенциям специалиста-следователя в расследовании компьютерных преступлений.

Привлечение специалистов при проведении следственных действий является неотъемлемой частью криминалистического обеспечения производства по делам о компьютерных преступлениях. Данная процедура способствует повышению эффективности работы, а следовательно получению правдивых заключений для объективного вынесения судом законного решения. Привлечение в ходе следственного действия специалистов позволяет качественно повысить доказательную базу. Его техническая квалификация непосредственно влияет на качество следственных действий. Участие эксперта при производстве таких следственных действий, как осмотр, обыск и выемка — имеет большое значение. При расследовании компьютерных преступлений участником процесса обязателен специалист, даже в случае возникновения разногласий либо иных трудностей при проведении следственных и иных процессуальных действий. Такой специалист необходим при подготовке стратегии по раскрытию преступления и выявлении важных обстоятельств, знание которых сможет помочь в установлении неясных моментов уголовного дела [10. С. 45–47]. Следователю такие консультации помогут заблаговременно сформулировать задачи, решение которых будет являться решающим для дальнейшего хода расследования.

Кроме того, для эффективного осуществления своей деятельности следователю нужны процессуальные средства, а именно привлечение специальных знаний. При компьютерных преступлениях они являются неотъемлемой частью расследования и без них трудно разобраться во всех обстоятельствах дела полностью. Уголовно-процессуальный закон включил этот институт как важное средство доказывания. На основании ч. 1 ст. 58 УПК РФ, данное лицо является субъектом уголовного судопроизводства. Этим включением его в законодательно определённый регламент реализуется его значимость в процессе обеспечения действенности правосудия. За счет обладания специальными

познаниями имеется возможность определять и фиксировать вещественные доказательства и иные данные, относимые к расследованию преступлений. Нормативная фиксация привлечения специальных знаний в процесс доказывания означает признание необходимости технико-криминалистического обеспечения для установления истины по каждому уголовному делу. Привлечение эксперта при расследовании преступления — необходимое условие для получения всей информации об уголовном деле, то есть составление полного и объективного представления о преступлении является одним из этапов проводимого расследования.

Термин «криминалистическое обеспечение расследования» несут некоторую семантическую неопределенность. Дело в том, что этот термин смыкается с термином «методика расследования преступлений». Методика расследования — это совокупность теоретических и прикладных положений, обеспечивающих выявление, доказывание, раскрытие определенного вида преступлений. Теоретические основы криминалистической методики включают в себя криминалистическую характеристику преступлений, их группировку, построение следственного плана, прогнозирование. Данные положения и др. составляют основу криминалистики, используются при осуществлении расследования. Криминалистически научно обоснованные рекомендации определяют порядок работы следователя по уголовному делу. Но, необходимо подчеркнуть, применение их всегда будет индивидуально для каждого конкретного дела. Значимость хорошей криминалистической методики состоит в следующем — является инструментом, который помогает эффективно раскрывать преступление.

Криминалистическое обеспечение расследования — это система, позволяющая следователю обеспечить качественное раскрытие преступлений той или иной категории. То есть следователь имеет необходимые знания и умения, он имеет специализированный криминалистический аппарат, использование которого увеличивает шансы на качественное завершение расследования дела по этому виду преступлений. Данная категория характеризует степень криминалистической готовности следователя по расследованию данного вида преступления. Криминалистическое обеспечение не регламентирует, как именно будет осуществляться процесс следственных действий, а ориентирует на го-

товность следователя к его проведению в степени достаточной для полноценного обеспечения уголовно-процессуальных целей расследования. Все необходимое для эффективной работы над каждым делом должно находиться в полном распоряжении следователя. Криминалистические методики и тактики, теоретические схемы — все это средство для следователя в осуществлении его поисковой деятельности, направленное на установление фактических обстоятельств совершения преступлений [11. С. 57–62]. Особенностью рассматриваемого вида криминалистических методик является способность переносить содержание теории в конкретную практику. Изучение способов ее использования дает основания для теоретического анализа применимости категории «криминалистическая методика» для расследования определенного уголовного дела.

Криминалистически-определенные средства по их назначению являются средством получения криминалистической информации, которая используется при расследовании преступлений с использованием компьютерных технологий. Их применение имеет целью установить определенные обстоятельства совершенного преступления и воссоздать его в полном объеме. Это в первую очередь такие средства, посредством которых устанавливаются важные для реконструкции события сведения. Криминалистическое обеспечение позволяет судить о достаточности существующих возможностей по доказыванию вины и раскрытию компьютерных преступлений. Кроме того, большое внимание следует уделить техникам и приемам использования технико-криминалистических средств; квалификации следователей и специалистов, привлекаемых к работе по выявлению и раскрытию компьютерных преступлений. При проведении расследования вышеуказанных составов преступления следователю необходимы технико-криминалистические методы исследования по раскрытию преступлений такого рода, необходимо чтобы он имел достаточно техники-криминологического обеспечения по всестороннему полному установлению фактов преступления. Техническо-криминалистическое обеспечение при расследовании дел необходимо интегрировать с криминалистическими методами расследования максимально полно. Это позволит проводить расследования более качественно.

Литература

1. Романова, Е. С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений / Е. С. Романова // Российский юридический журнал. — 2010. — № 6(75). — С. 88–96.
2. Дроздов, А. В. Информационные компоненты криминалистического обеспечения расследования преступлений / А. В. Дроздов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2015. — № 2(29). — С. 119–121.
3. Девятъяров, М. В. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений / М. В. Девятъяров // Российский следователь. — 2010. — № 22. — С. 2–5.
4. Подольный, Р. Н. Выявление как система действий, формирующих информационную основу расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий / Р. Н. Подольный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2025. — № 2(74). — С. 127–137.
5. Подольная, Н. Н. Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных с применением цифровых технологий / Н. Н. Подольная, Р. Н. Подольный // Огарёв-Online. — 2023. — № 1(186).
6. Подольный, Р. Н. Использование специальных знаний на подготовительном этапе к расследованию преступлений, совершенных с применением цифровых технологий / Р. Н. Подольный // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2024. — № 4(24). — С. 168–175.
7. Подольный, Р. Н. Гносеологическое значение выявления преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, для их последующего расследования / Р. Н. Подольный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2025. — Т. 35, № 4. — С. 700–706.
8. Подольный, Н. А. Специальные знания при выявлении и расследовании киберпреступлений / Н. А. Подольный // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 04 июня 2025 года. — Москва: Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева, 2025. — С. 95–101.
9. Подольный, Н. А. Особенности привлечения специальных знаний при расследовании преступлений, совершённых с применением цифровых технологий / Н. А. Подольный // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: Материалы XIV международной научно-практической конференции, Уфа, 12 декабря 2025 года. — Уфа: АНО «Право будущего», 2025. — С. 141–146.
10. Подольный, Н. А. Системно-деятельностный метод в следственном познании и его значение для оптимизации расследования / Н. А. Подольный // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юридических наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского, Ижевск, 28 ноября 2025 года. — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2026. — С. 45–47.
11. Милованова, М. М. Современные технико-криминалистические средства и возможности их применения при расследовании преступлений / М. М. Милованова, Т. С. Петранцова // Legal Bulletin. — 2020. — Т. 5, № 1. — С. 57–62.

References

1. Romanova, E. S. K voprosu o ponyatii kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij / E. S. Romanova // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 2010. — № 6(75). — S. 88–96.
2. Drozdov, A. V. Informacionny'e komponenty' kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij / A. V. Drozdov // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2015. — № 2(29). — S. 119–121.
3. Devyat'yarov, M. V. K voprosu o ponyatii kriminalisticheskogo obespecheniya raskry'tiya i rassledovaniya prestuplenij / M. V. Devyat'yarov // Rossijskij sledovatel'. — 2010. — № 22. — S. 2–5.
4. Podol'ny'j, R. N. Vy'yavlenie kak sistema dejstvij, formiruyushhix informacionnuyu osnovu rassledovaniya prestuplenij, sovershenny'x s primeneni-em cifrov'y'x tehnologij / R. N. Podol'ny'j // Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavede-nij. Povolzhskij region. Obshhestvenny'e nauki. — 2025. — № 2(74). — S. 127–137.
5. Podol'naya, N. N. Osobennosti ispol'zovaniya special'ny'x znaniy pri rassledovanii prestuplenij, sovershenny'x s primeneni-em cifrov'y'x tehnologij / N. N. Podol'naya, R. N. Podol'ny'j // Ogaryov-Online. — 2023. — № 1(186).
6. Podol'ny'j, R. N. Ispol'zovanie special'ny'x znaniy na podgotovitel'-nom e'tape k rassledovaniyu prestuplenij, sovershenny'x s primeneni-em cifro-vy'x tehnologij / R. N. Podol'ny'j // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gos-udarstvennogo universiteta. — 2024. — № 4(24). — S. 168–175.

7. Podol'ny'j, R. N. Gnoseologicheskoe znachenie vy'yavleniya prestuplenij, sovershenny'x s primeneniem cifrov'y'x tekhnologij, dlya ix posleduyushhego rassledovaniya / R. N. Podol'ny'j // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E'konomika i pravo. — 2025. — T. 35, № 4. — S. 700–706.
8. Podol'ny'j, N. A. Special'ny'e znaniya pri vy'yavlenii i rassledovanii kiberprestuplenij / N. A. Podol'ny'j // Problemy' protivodejstviya kiberprestupnosti: Materialy' III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 04 iyunya 2025 goda. — Moskva: Moskovskaya akademiya sledstvennogo komiteta RF im. A. Ya. Suxareva, 2025. — S. 95–101.
9. Podol'ny'j, N. A. Osobennosti privlecheniya special'ny'x znaniy pri rassledovanii prestuplenij, sovershenny'x s primeneniem cifrov'y'x tekhnologij / N. A. Podol'ny'j // Aktual'ny'e problemy' ispol'zovaniya special'ny'x znaniy v ugolovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom processe i po delam ob administrativny'x pravonarusheniyax: Materialy' XIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 12 dekabrya 2025 goda. — Ufa: ANO Pravo budushhego, 2025. — S. 141–146.
10. Podol'ny'j, N. A. Sistemno-deyatelnostny'j metod v sledstvennom poznanii i ego znachenie dlya optimizacii rassledovaniya / N. A. Podol'ny'j // Ugolovny'j process i kriminalistika v protivodejstvii sovremennoj prestupnosti: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati osnovatelya shkoly' ugolovnogo processa, doktora yuridicheskix nauk, professora Zinura Zinatullovicha Zinatullina i osnovatelya shkoly' kriminalistiki, doktora yuridicheskix nauk, professora Marata Konstantinovicha Kaminskogo, Izhevsk, 28 noyabrya 2025 goda. — Izhevsk: Izdatel'skij dom Udmurtskij universitet, 2026. — S. 45–47.
11. Milovanova, M. M. Sovremennyye tekhniko-kriminalisticheskie sredstva i vozmozhnosti ix primeneniya pri rassledovanii prestuplenij / M. M. Milovanova, T. S. Petranczova // Legal Bulletin. — 2020. — T. 5, № 1. — S. 57–62.

Сведения об авторе

Лазарев Даниил Александрович — аспирант кафедры уголовного права и процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68. E-mail: danya.lazarev.02@gmail.com

Information about the author

Lazarev Daniil Aleksandrovich — Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Procedure, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N. P. Ogareva", 430005, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68. E-mail: danya.lazarev.02@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

93

Уголовно-правовые
науки

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРЕДМЕТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы, возникающие при определении понятия «культурные ценности» как предмета преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, а также вопросы унификации терминологического аппарата в сфере уголовно-правовой охраны культурного наследия.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит единого понятийного аппарата для обозначения предметов преступлений, посягающих на культурные ценности, что создает существенные трудности при квалификации данных деяний, на что указывают многие исследователи данной проблемы. Различные составы преступлений (ст. 164, 190, 226, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 УК РФ) используют несовпадающую терминологию для описания фактически тождественных предметов. Предложен комплекс мер по унификации терминологии и закрепление единого понятия «культурные ценности», выделение юридически значимых признаков, позволяющих отграничить культурные ценности от иных предметов материального мира при квалификации деяний.

Ключевые слова: культурные ценности, предмет преступления, уголовно-правовая охрана, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия, терминологическая неопределенность, квалификация преступлений, хищение предметов особой ценности.

Для цитирования: Майоров А. В. Проблемы определения культурных ценностей как предмета уголовно-правовой охраны // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 94–100. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-94-100

PROBLEMS OF DEFINING CULTURAL VALUES AS A SUBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

94

Abstract. This article examines the theoretical and law enforcement issues arising in defining the concept of “cultural property” as the subject of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation, as well as issues of unifying terminology in the area of criminal law protection of cultural heritage.

Current criminal legislation of the Russian Federation does not contain a unified conceptual framework for designating the subjects of crimes that infringe upon cultural property, which creates significant difficulties in classifying these acts, as pointed out by many researchers of this issue. Various crimes (Articles 164, 190, 226, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) use inconsistent terminology to describe essentially identical objects. A set of measures is proposed to standardize terminology and establish a unified concept of “cultural property,” identifying legally significant characteristics that allow for distinguishing cultural property from other material objects when classifying crimes.

Keywords: cultural property, subject of crime, criminal law protection, historical and cultural monuments, cultural heritage sites, terminological ambiguity, classification of crimes, theft of items of special value.

Введение. Культурные ценности представляют собой уникальное достояние каждого народа, формирующее национальную идентичность, историческую память и духовный потенциал современного общества. В условиях глобализации и роста криминальных угроз вопросы их охраны приобретают особую значимость. В числе стратегических приоритетов устойчивого развития страны противоправные посягательства на объекты культуры выделяются как основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации. При этом уголовное законодательство является важнейшим инструментом обеспечения сохранности культурных ценностей.

Описание исследования. Действующий Уголовный кодекс РФ (Далее — УК РФ) содержит несколько составов преступлений, предметом которых выступают культурные ценности или сходные объекты. Однако законодатель использует различную терминологию для обозначения практически тождественных предметов, что приводит к снижению эффективности уголовно-правовой охраны в значительной степени, на что указывает анализ законодательства и правоприменительной практики.

Цель настоящей работы — исследовать проблемы определения культурных ценностей как предмета уголовно-правовой охраны, проанализировать существующие подходы к пониманию данного понятия в международном и российском праве, выявить терминологические коллизии в действующем уголовном законодательстве, а также предложить пути унификации понятийного аппарата в целях повышения эффективности правоприменения.

Методология исследования базируется на общенаучных методах (анализ, синтез, системный подход, классификация) и частично-научных (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). Анализ проведен на основе действующего уголовного законодательства РФ, международных правовых актов, материалов судебной практики и критического осмысления научных позиций, представленных в работах В. Г. Беспалько, Н. С. Гончаровой, А. О. Дармилова, З. Г. Дербок, М. В. Девиченского, Л. Р. Клебанова, А. К. Князькиной, А. Ф. Манаповой, Е. В. Пономаренко и других авторов.

Рассматривая терминологическую неопределенность в уголовном законодательстве необходимо отметить, что при описании посягательств на культурные ценности законодатель не придерживается единой терминологии, определяя их предмет. Так, в названии ст. 164 УК РФ указываются «предметы, имеющие особую ценность», а в самой статье речь уже идет о «предметах или документах, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность»¹. В ст. 190 УК РФ рассматриваемый признак именуется «предметами художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран» [10. С. 128], подразумевая под ними только движимые вещи. Статья 243 УК РФ, озаглавленная «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры», запрещает посягательства на памятники истории, культуры, природные комплексы или объекты, взятые под охрану государства, а также на предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность². Кроме того, предметом преступления, предусмотренного статьей 243–243.4 УК РФ являются объекты культурного наследия [9. С. 46]. Из этого следует, что действующее уголовное законодательство не выработало единого понятийного аппарата даже для собственных целей [7]. Несмотря на то, что указанные составы преступлений отнесены законодателем к разным главам Особенной части УК РФ и, соответственно, характеризуются разными родовыми и основными непосредственными объектами посягательств, им присущ единый дополнительный непосредственный объект: общественные отношения по поводу владения, пользования и обеспечения сохранности культурных ценностей. Некоторые авторы справедливо, на наш взгляд отмечают, что общность дополнительного непосредственного объекта и предмета посягательства позволяет условно объединить

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2432.

преступные деяния, предусмотренные указанными статьями, в одну классификационную группу [1; 6; 9].

Как справедливо отмечает В. Г. Беспалько, для описания предметов преступных посягательств, совершаемых в отношении или по поводу культурных ценностей, законодатель в тексте УК РФ, ни разу не повторившись, использовал следующие формулировки: «предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ); культурные ценности (ч. 2 ст. 188 УК РФ); предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); памятники истории и культуры, предметы и документы, имеющие историческую или культурную ценность (ч. 1 ст. 243 УК РФ); памятники общероссийского значения (ч. 2 ст. 243 УК РФ)» [1. С. 128]. Таким образом, вместо единого понятия в уголовном законодательстве мы видим ряд определений, которые по сути указывают на единый предмет преступления. В связи с этим в правовой науке обоснованно предлагается заменить все многообразие терминов единым понятием «культурные ценности» [7; 8], что, несомненно, приведет к унификации уголовно-правовой терминологии и упростит правоприменительную практику.

Интересно, что международные правовые акты также не содержат единого определения культурных ценностей. Так, в Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) закреплено, что «культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей»¹.

Статья 1 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия к культурному наследию относит памятни-

ки, ансамбли и достопримечательные места, раскрывая содержание данных понятий преимущественно путем перечисления объектов, входящих в их состав.

Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности определяет культурные ценности как ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как «представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки и относятся к определенным категориям»².

В Рекомендации ЮНЕСКО «Об охране движимых культурных ценностей» приводится примерное определение движимых культурных ценностей — все движимые ценности, которые являются выражением или свидетельством творчества человека или эволюции природы и которые имеют ценность с археологической, исторической, художественной, научной или технической точек зрения [2].

Можно отметить, что международные акты используют в основном перечневые подходы к определению культурных ценностей, не давая универсальной дефиниции, что обусловлено полагаем сложностью самого феномена культурных ценностей, многообразием их видов и форм.

Анализируя российское законодательство, необходимо отметить, что оно также отсутствует единое определение культурных ценностей. Так, Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) относят к культурным ценностям «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты»³. При этом в Основы законодатель-

¹ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 3. Ст. 54.

² Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (заключена в г. Париже 14.11.1970) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 506–513.

³ Основы законодательства Российской Федера-

ства включены как материальные, так и нематериальные объекты, что существенно расширяет понимание культурных ценностей.

Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» определяет культурные ценности как движимые предметы материального мира, находящиеся на территории РФ, и содержит перечень категорий предметов, подпадающих под его действие¹.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ оперирует понятием «объекты культурного наследия», фактически приравнивая их к памятникам истории и культуры².

Как справедливо отмечает Л. Р. Клебанов, понятия «культурные ценности» и «памятники истории и культуры» соотносятся как род и вид [6]. Л. Д. Прохорова отмечает, что памятниками истории и культуры можно считать только те объекты, которые состоят на учете в соответствующих органах [11]. При этом памятники истории и культуры являются по своей природе разновидностью культурных ценностей, а отличие между ними заключается в том, что памятники истории и культуры — это культурные ценности, признанные таковыми компетентными государственными органами, что влечет постановку их на государственный учет и предоставление им особой государственной охраны [6].

Рассмотрим предлагаемые в научной доктрине понятия и признаки культурных ценностей. Отметим, что в юридической литературе существует множество определений культурных ценностей. Так, В. Г. Беспалько предлагает следующую дефиницию: «культурные ценности — это движимые и недвижимые предметы и объекты светского или религиозного характера, обладающие историческим, художественным, научным или иным культурным значением для общества, вне зависимости от их происхождения и формы права на них» [1. С. 76].

ции о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612–1) (ред. от 05.12.2017) // Российская газета. 1992. № 248.

¹ О вывозе и ввозе культурных ценностей: закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804–1 (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 1993. № 91.

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2432.

Л. Р. Клебанов понимает под культурными ценностями «материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком либо природой или человеком и природой, имеющие особую историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для части общества, всего общества и государства независимо от формы собственности на них и времени их создания» [6]. Данное определение отличается широтой охвата и включает практически все возможные виды культурных ценностей, признавая возможность их создания как человеком, так и природой или человеком и природой совместно. А. Ф. Манапова предлагает «единый, полный термин, отражающий все признаки данного понятия, определив его как движимые и недвижимые ценности, которые являются достижениями человечества в области науки, культуры, искусства, имеющие большое значение для культурного достояния страны и последующих поколений, отражающие духовное состояние, развитие и наследие народов» [9. С. 48]. Н. С. Гончарова определяет культурные ценности как «уникальные предметы материального мира, созданные в результате деятельности человека и обладающие особой исторической, научной, художественной или иной ценностью» [3. С. 361].

Анализируя существующие научные позиции можно выделить следующие юридически значимые, в том числе для уголовного права, признаки культурных ценностей:

- *общественная значимость* — особая ценность объектов не для отдельных лиц или групп, а для общества в целом;

- *многоаспектная качественная значимость* — предмет или объект может обладать исторической, художественной, научной или культурной ценностью либо сочетать несколько из этих признаков одновременно;

- *материальность и связь с человеческой деятельностью* — культурные ценности возникают как результат созидательного труда человека либо в ходе целенаправленного преобразования уже существующих предметов;

- *возможность отнесения как к движимым, так и к недвижимым объектам;*

– наличие особого правового режима — многие культурные ценности находятся под государственной охраной, подлежат специальному учету.

При этом, *факультативными признаками* выступают: временной критерий (возраст объекта), материальная стоимость, уникальность, неповторимость [2].

Однако, особую сложность для правоприменительной практики представляет категория «особая ценность», используемая в ст. 164 УК РФ. В отличие от ст. 190 УК РФ, где речь идет о культурных ценностях в целом, ст. 164 УК РФ охраняет предметы, имеющие особую ценность¹. Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или документов определяется на основании экспертного заключения, учитывающего не только их стоимость в денежном выражении, но и значимость для истории, науки, искусства или культуры².

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, «формальным подтверждением особой ценности предмета может служить его отнесение в установленном законодательством порядке к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ, взятие под охрану государством с внесением в охранные списки, нахождение в музеях, архивах, библиотеках и других государственных и муниципальных хранилищах культурных ценностей, старинный характер предметов (созданы более 100 лет назад)» [3. С. 101]. При этом оценочность категории «особая ценность» вызывает определенные дискуссии в современной научной среде. В качестве показателей особой ценности могут выступать историческая (связь с важными историческими событиями, личностями), научная (предмет как научный инструмент, образец научных исследований), художественная (произведения искусства) и культурная (в рамках традиций, обычаев) ценность [5, с. 39]. Однако подобные характе-

ристики не всегда однозначны и четко определены, что создает трудности при квалификации.

Анализ законодательства позволяет выделить следующие соотношения данных понятий:

1. Культурные ценности — наиболее широкое понятие, охватывающее как движимые, так и недвижимые предметы, созданные человеком (или человеком и природой), имеющие культурную значимость для общества.

2. Объекты культурного наследия — понятие, используемое в Федеральном законе № 73-ФЗ, фактически синонимичное памятникам истории и культуры. Это культурные ценности, взятые под охрану государства.

3. Памятники истории и культуры — культурные ценности, признанные таковыми компетентными государственными органами, поставленные на государственный учет и получившие особую государственную охрану.

Таким образом, каждое последующее понятие является более узким по сравнению с предыдущим и включает дополнительный признак — «наличие государственной охраны».

Следует отметить, что «государственная охрана» — это система мер, предпринимаемых государством для сохранения уникальности объектов, в нашем случае объектов культурного наследия и памятников истории.

Под государственной охраной культурного наследия в соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ понимается «система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, которые принимают органы власти разных уровней»³. Основная цель — выявить, изучить, поставить на учет памятники, а также предотвратить их разрушение, повреждение или иной вред. Государственная охрана не только защищает памятники от физического разрушения, но и контролирует их использование, чтобы историко-культурная ценность не была утрачена. При этом реализуя основные задачи: учет и контроль; проведение экспертиз; установление ограничений; разработка охран-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

³ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 15.06.2026).

ных зон; согласование работ; установка информационных знаков.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема терминологической неопределенности в определении культурных ценностей как предмета уголовно-правовой охраны является одной из наиболее актуальных в современной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике. Действующее уголовное законодательство использует различные, не всегда совпадающие формулировки для описания предметов преступных посягательств в сфере культуры, что создает трудности при квалификации данных деяний.

Отсутствие единого легального определения культурных ценностей, оценочный характер категории «особая ценность», множественность смежных понятий («культурное наследие», «памятники истории и культуры», «объекты культурного насле-

дия») порождают неоднозначность в правоприменении и снижают эффективность уголовно-правовой охраны культурного наследия.

Для решения указанных проблем необходимо разработать и законодательно закрепить единое понятие культурных ценностей в примечании к одной из статей УК РФ, унифицировать терминологию в рамках уголовного закона, а также разработать четкие критерии отнесения предметов к культурным ценностям, имеющим особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Только при условии четкого и единообразного законодательного определения предмета преступлений, посягающих на культурные ценности, можно обеспечить эффективную реализацию государственной охраны и охранительной функции уголовного права в сфере культуры и сохранение культурного наследия для будущих поколений.

Литература

1. Беспалько В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 71–81.
2. Бородин А. В., Осокин Р. Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101–107.
3. Гончарова Н. С. Символ — предмет преступления (на примере культурных ценностей) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3. С. 356–361.
4. Девиченский М. В. Проблемы определения предмета культурных ценностей для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник РУК. 2023. № 2 (52). С. 76–80.
5. Дербок З. Г. Хищение предметов, имеющих особую ценность: специфика предмета преступления // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 6 (105). С. 38–40.
6. Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А. В. Наумова. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 352 с.
7. Князькина А. К. Культурные ценности: что под ними понимается в международном и уголовном праве? // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 192–198.
8. Манапова А. Ф. Контрабанда культурных ценностей, находящихся в собственности лиц, признанных на территории Российской Федерации иностранными агентами // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2(45). С. 155–159. DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-155-159. EDN PQMMCF.
9. Манапова А. Ф. Понятие культурных ценностей народов в Российской Федерации // Юрислингвистика. 2025. № 36(47). С. 45–49. DOI 10.14258/leglin(2025)3608. EDN EMHUGD.
10. Пономаренко Е. В., Дармилов А. О. Культурные ценности: проблемы определения предмета уголовно-правовой охраны // Актуальные вопросы права, экономики и управления. 2019. № 4. С. 126–129.
11. Прохорова Л. Д. Памятники истории и культуры и их охрана. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008. 127 с.

References

1. Bepalko V. G. Concept and Features of Cultural Values as Objects of Crimes // Journal of Russian Law. 2005. No. 3. pp. 71–81.
2. Borodin A. V., Osokin R. B. Concept and Features of Cultural Values // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. pp. 101–107.
3. Goncharova N. S. Symbol as an Object of Crime (using Cultural Values as an Example) // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2018. No. 3. pp. 356–361.

4. Devichensky M. V. Problems of Defining Cultural Values for the Purposes of Article 2261 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the RUK. 2023. No. 2 (52). pp. 76–80.
5. Derbok Z. G. Theft of Items of Particular Value: Specifics of the Subject of the Crime // Universum: Economics and Jurisprudence. 2023. No. 6 (105). Pp. 38–40.
6. Klebanov L. R. Criminal-Legal Protection of Cultural Values / edited by A. V. Naumov. Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 352 p.
7. Knyazkina A. K. Cultural Values: What Are They Meaning in International and Criminal Law? // Current Issues of Russian Law. 2008. No. 2. Pp. 192–198.
8. Manapova A. F. Smuggling of Cultural Values Owned by Persons Recognized as Foreign Agents on the Territory of the Russian Federation // Law and Order: History, Theory, Practice. 2025. No. 2(45). Pp. 155–159. DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-155-159. EDN PQMMCF.
9. Manapova A. F. The Concept of Cultural Values of Peoples in the Russian Federation // Jurislinguistics. 2025. No. 36(47). Pp. 45–49. DOI 10.14258/leglin(2025)3608. EDN EMHUGD.
10. Ponomarenko E. V., Darmilov A. O. Cultural Values: Problems of Defining the Subject of Criminal Law Protection // Current Issues of Law, Economics and Management. 2019. No. 4. Pp. 126–129.
11. Prokhorova L. D. Monuments of history and culture and their protection. Omsk: Omsk State Technical University Publishing House, 2008. 127 p.

Информация об авторе

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: ab_majorov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8629-9837

Information about the author

Mayorov Andrey V. — Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of Criminal Law Department named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ab_majorov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8629-9837

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.06.2026

Дата рецензирования / Received: 25.06.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 00.06.2026

Миллеров Е. В., Миллерова А. Е.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ВОПРОСАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПНОГО НЕУВАЖЕНИЯ К СУДУ

Аннотация. В данной статье затрагиваются лингвистические аспекты в вопросах квалификации и доказывания неуважительных действий, выражаемых по отношению к суду в рамках судебного разбирательства, исследуются критерии оскорбительности высказываний по отношению к участникам судебного разбирательства, порождающие состав преступления, предусмотренный ст. 297 Уголовного кодекса РФ, поднимаются вопросы значимости судебно-лингвистической экспертизы, особенности ее назначения по таким уголовным делам, а также вопросы оценки выводов данной экспертизы.

Ключевые слова: неуважение к суду, преступление, квалификация, доказывание, экспертиза, лингвистика, значение, особенности, проблемы.

Для цитирования: Миллеров Е. В., Миллерова А. Е. Лингвистические аспекты в вопросах уголовно-правовой оценки и доказывания преступного неуважения к суду // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 101–105. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-101-105

Millerov E. V., Millerova A. E.

LINGUISTIC ASPECTS IN CRIMINAL LAW ASSESSMENT AND PROOF OF CRIMINAL DISRESPECT FOR THE COURT

Abstract. This article discusses the linguistic aspects of the qualification and proof of disrespectful actions expressed towards the court during a trial, examines the criteria for offensive statements towards participants in a trial that constitute a crime under Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation, and raises questions about the significance of forensic linguistic expertise, the specifics of its appointment in such criminal cases, and the evaluation of its findings.

Keywords: contempt of court, crime, qualification, proof, expertise, linguistics, significance, features, problems.

For citation: Millerov E. V., Millerova A. E. Linguistic Aspects in Criminal Law Assessment and Proof of Criminal Disrespect for the Court. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 101–105. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-101-105

Меры за неуважительное отношение к суду, вплоть до наложения судебного штрафа сегодня предусмотрены кодексами, регламентирующими в нашей стране различные виды судопроизводства (ст. 159 ГПК РФ, ст. 119 АПК РФ, ст. 122 КАС РФ), однако во всех нормах этих кодексов, предусматривающих указанные меры, есть

оговорка о том, что все они, в частности и наложение судебного штрафа, применяются, если в действиях нарушителя судебного процесса не усматривается уголовной ответственности. В свою очередь уголовная ответственность при неуважительном поведении по отношению к суду наступает в случаях наличия состава преступления,

предусмотренного ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду».

Исходя из диспозиции ст. 297 УК РФ, уголовная ответственность за неуважение к суду наступает в случаях, когда имело место оскорбление участников судебного разбирательства (ч. 1), за эти же действия, но оскорбляющие непосредственно судью, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, наступает более строгая уголовная наказуемость, предусмотренная ч. 2 данной нормы.

Таким образом, ключевым аспектом в квалификации деяния на предмет наличия либо отсутствия в действиях лица, проявляющего неуважение к суду данного состава преступления, является определение, были ли совершенные действия (высказывания, жесты) по отношению к участникам судебного разбирательства именно оскорбительными. Поскольку в основном, в подавляющем большинстве случаев, известных судебной практике, такие действия выражаются в негативных высказываниях в адрес участников судебного процесса в рамках судебного заседания (либо сразу после его завершения), то в числе важных доказательств оскорбительности высказанных слов и выражений, является заключение судебно-лингвистической экспертизы.

Исследователи интересующей нас тематики, обобщившие лингвистические труды на предмет определения ими признаков речевого оскорбления, сделали вывод о том, что «...ученые-лингвисты выделяют ряд диагностических признаков оскорбления. В частности, оскорбление характеризуется сообщением негативных сведений о потерпевшем, возможностью отнесения указанных негативных сведений к определенному лицу или лицам, информационным, а не субъективно-эмоциональным характером сообщения, неприличной (нецензурной) формой высказывания, негативной характеристикой адресата, наличием умысла» [1. С. 189].

Предварительное расследование уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ в форме дознания отнесено ст. 151 УПК РФ к подследственности дознавателей ФССП России. Согласно ведомственным методическим рекомендациям о назначении дознавателями ФССП России судебных экспертиз, дающим среди прочих их видов и определение «судебно-лингвистической» экспертизе, а также тому, что следует относить к оскор-

бительным выражениям (п. 6 рекомендаций). Здесь же, в этих методических рекомендациях (п. 6) для своих дознавателей ФССП России подчеркивает, что результаты данной экспертизы «имеют решающее доказательственное значение при производстве предварительного расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 297 УК РФ».

Однако в свою очередь суды по поводу значимости судебно-лингвистической экспертизы в интересующих нас уголовных делах, порою не так категорично положительно настроены, поскольку в некоторых научных трудах, в частности А. В. Верещагиной, посвященных вопросам доказывания по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ, приводится судебная практика без наличия в ней специальных лингвистических исследований, ввиду (по мнению судей) очевидности и недвусмысленности характера высказываний, причем с поддержкой такой позиции (об отсутствии необходимости назначения указанной экспертизы) суда первой инстанции, судом апелляционной инстанции, причем с приведением конкретных примеров, имевших место в разных субъектах РФ [2. С. 67]. По мнению А. В. Верещагиной, позиция судов в указанных случаях, противоречит принципу состязательности сторон и демонстрирует недопустимую уголовно-процессуальную ситуацию — совмещения процессуального статуса судьи и специалиста в одном лице. В случаях отсутствия заключения судебно-лингвистической экспертизы, производство которой требует определенного времени, А. В. Верещагина предлагает в качестве простого выхода из ситуации хотя бы привлекать к участию в деле соответствующих специалистов в сфере лингвистики, путем допроса которых разрешать вопросы, важные в уголовно-правовой оценке слов и выражений при квалификации деяний по ст. 297 УК РФ [2. С. 67]. Такая позиция А. В. Верещагиной, по нашему мнению, вполне логична и заслуживает поддержки.

Однако даже наличие заключения судебно-лингвистической экспертизы в рассматриваемом судом уголовном деле, как справедливо подчеркивают И. А. Петрова и Е. А. Майорова, не является догмой для судьи, поскольку согласно УПК РФ оно оценивается наряду и в совокупности с другими доказательствами, причем интересно заметить, что по мнению этих авторов, результат такой оценки зависит не только

исключительно от материалов рассматриваемого дела, но и от внутреннего мира судьи: «...Судья законно, по своему собственному усмотрению оценивает, была ли фраза оскорбительной или нет. Это достаточно сложный процесс, который зависит не только от обстоятельств дела, но и от самого судьи — его образования, культуры, в том числе культуры речи и т. п.» [3. С. 2849–2850].

Действительно анализ судебной практики показывает, что судьи различных судебных инстанций, порой совершенно поразному оценивают выводы одной и той же судебно-лингвистической экспертизы. Так, например, из кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ видно, что на приговор Тюменского областного суда, которым гражданин Х. был оправдан по ч. 1 ст. 297 УК РФ (за отсутствием состава преступления) в Верховный Суд РФ государственным обвинителем было принесено кассационное представление, из которого усматривается, что вынесению оправдательного приговора, помимо прочего, послужили выводы лингвистической экспертизы, которые, по мнению Тюменского областного суда, «являются противоречивыми и носят вероятностный характер». Однако Верховный Суд РФ, отменяя данный приговор Тюменского областного суда и направляя дело на новое судебное разбирательство, по этому поводу указал: «Нельзя согласиться с выводами суда о том, что заключение лингвистической экспертизы является противоречивым и носит вероятностный характер. Как следует из заключения эксперта, высказывания Х. в адрес потерпевшей являются, несомненно, оскорбительными по отношению к Б. Данные высказывания возможно расценивать как один из способов защиты обвиняемого Х. от предъявленного обвинения, но тем не менее они все равно носят откровенно презрительный характер по отношению к адресату и являются оскорбительными. Из приговора неясно, в чем суд усмотрел противоречивость и вероятностный характер выводов эксперта. Кроме того, суд в случае сомнений в выводах экспертизы мог сам назначить повторную либо дополнительную экспертизу».

При назначении судебно-лингвистической экспертизы важно точное приведение слов и выражений, которые были высказаны и в каком контексте. В своей публикации С. Е. Тимошенко приводит пример одного из уголовных дел, согласно которо-

му «...эксперту для исследования представлялся протокол судебного заседания, в котором не были дословно зафиксированы высказывания подсудимого. Вместо этого содержалась фраза: «Высказался нецензурной бранью» [4. С. 237]. Безусловно, таких вариантов назначения судебно-лингвистической экспертизы быть не должно, поскольку, даже не будучи экспертом, по данной ситуации можно сказать о том, что вообще не понятно, как и что по подобным материалам, представленным эксперту, ему надлежит исследовать.

Среди проанализированной нами судебной практики по уголовным делам, в рамках которых инкриминировалась ст. 297 УК РФ, обнаружены факты, когда оскорбление по отношению к участникам судебного разбирательства было не высказано, а выражено в неприличном жесте. Защитником по данному делу заявлялось ходатайство о проведении лингвистической экспертизы. Однако суд отказал в удовлетворении данного ходатайства, самостоятельно признав этот жест непристойным, неприличным и оскорбительным, что было указано адвокатом-защитником в кассационной жалобе. В свою очередь суд кассационной инстанции поддержал позицию судов первой и апелляционной инстанции по данному делу, подчеркнув касательно отказа стороне защиты в проведении такой экспертизы следующее: «...Исследованный судом жест осужденного с позиций морали и нравственности, внешних условий его демонстрации — публично, в судебном заседании, являлся очевидно непристойным и оскорбительным, не требующим специальных познаний в области лингвистики, в связи с чем оснований для проведения экспертизы с использованием данных в указанной области знаний не имелось». Полностью поддерживая данную позицию Третьего кассационного суда общей юрисдикции, хотелось бы добавить, что жесты, в том числе их пристойность и непристойность, вообще не относятся к предмету исследования в рамках судебно-лингвистической экспертизы. Об этом говорят нам не только упомянутые выше методические рекомендации ФССП России, но и официальная информация экспертных учреждений других государственных правоохранительных ведомств, осуществляющих производство таких экспертиз, а именно учреждения Следственного комитета России, МВД России, Минюста России.

В связи с этим не может не возникать вопрос о том, какая, если не судебно-лингвистическая, экспертиза может назначаться в таких ситуациях, т. е. при демонстрации участникам судебного разбирательства оскорбительных жестов непристойного (неприличного) характера без словесного сопровождения таких действий. Анализ судебной практики показал, что по некоторым уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ в таких ситуациях назначалась комплексная психолого-лингвистическая экспертиза. Так, в феврале 2024 г. при рассмотрении одним из районных судов г. Калининграда гражданского дела, участник данного разбирательства оскорбил свидетеля, дважды показав ему неприличный жест в виде вытянутого среднего пальца левой руки (без какого-либо словесного сопровождения этих жестов). В рамках производства по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 297 УК РФ, для определения наличия непристойности и оскорбительного характера указанного жеста была назначена психолого-лингвистическая экспертиза, заключение которой, вопреки доводам защиты, было признано обосно-

ванным и допустимым доказательством, как судом первой, так и судом апелляционной инстанции. Поскольку жесты, как и речь, являются одним из средств межличностной коммуникации, а также исходя из научных трудов посвященных психолого-лингвистической экспертизе [5. С. 350–367], в таких случаях (демонстрация бессловесных оскорбительных жестов), наверное, действительно видится наиболее оптимальным назначение и производство психолого-лингвистической экспертизы.

Таким образом, судебно-лингвистическая экспертиза является важным доказательством по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 297 УК РФ. Безусловно, заключение такой экспертизы не может иметь заранее установленной силы и должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу (ст. 17 УПК РФ), но ее отсутствие в рамках производства по уголовному делу по такому преступлению (ст. 297 УК РФ), на наш взгляд, явно ставит под вопрос соблюдение правила достаточности совокупности доказательств для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ).

Литература

1. Петрова И. Л. Юрислингвистические особенности категории «оскорбление» в российском праве // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1 (46). С. 185–191.
2. Верещагина А. В. Доказывание по уголовным делам о неуважении к суду (ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юристы-Правоведы. 2022. № 1 (100). С. 64–69.
3. Петрова И.А., Майорова Е. А. Недостатки в правовом регулировании института ответственности за неуважение к суду и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2849–2850.
4. Тимошенко С. Е. Особенности назначения лингвистических экспертиз при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 297 УК РФ // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации». Омск. 28.03.2014. С. 230–237.
5. Желтухина М. Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Межвузовский сборник научных трудов «Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово» / Под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. Кемерово. 2011. С. 350–367.

References

1. Petrova I. L. Jurislinguistic features of the category “insult” in Russian law // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. No. 1 (46). Pp. 185–191.
2. Vereshchagina A. V. Proof in criminal cases on contempt of court (Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Yurist-Pravoved. 2022. No. 1 (100). Pp. 64–69.
3. Petrova I. A., Mayorova E. A. Shortcomings in the Legal Regulation of the Institution of Liability for Contempt of Court and Ways to Overcome Them // Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 12 (49). Pp. 2849–2850.
4. Timoshenko S. E. Features of the Appointment of Linguistic Expertise in the Investigation of Crimes Under Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation // Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation”. Omsk. 28.03.2014. Pp. 230–237.

5. Zheltukhina M. R. Complex Forensic Examination: A Psychological and Linguistic Aspect // Interuniversity Collection of Scientific Papers "Jurislinguistics-11: Law as Discourse, Text, and Word" / Edited by N. D. Golev and K. I. Brinev. Kemerovo. 2011. Pp. 350–367.

Сведения об авторах

Миллеров Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета.

Миллерова Арина Евгеньевна — студент 3-го курса Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Information about the authors

Millerov Evgeny Vladimirovich — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines at the Don State Technical University.

Millerova Arina Evgenievna — 3rd-year student at the Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication at the Southern Federal University.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

Петров П. К., Денисович В. В.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Политика кибербезопасности Китая опирается на сложную систему законодательных актов, подзаконных документов, институциональных структур и технологических решений. Вместе они формируют механизм, направленный на выполнение задач, определённых в стратегических документах. Центральным элементом этой системы являются базовые законы, которые устанавливают правовые рамки для регулирования информационного пространства, защиты данных и инфраструктуры. На их базе разрабатываются подзаконные акты и технические регламенты, конкретизирующие общие положения в различных областях. Исполнение законодательства осуществляется государственными органами, наделёнными соответствующими полномочиями в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: кибербезопасность, правовое регулирование информационной безопасности, цифровое право, цифровая преступность, цифровая дипломатия

Финансирование: Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Для цитирования: Петров П. К., Денисович В. В. Нормативно-правовое регулирование в сфере информационной безопасности // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 106–111. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-106-111

Petrov P. K., Denisovich V. V.

LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY

Abstract. China's cybersecurity policy relies on a complex system of statutes, bylaws, institutional structures and technological solutions. Together, they form a mechanism aimed at fulfilling the tasks defined in the strategic documents. The central element of this system is the basic laws that establish the legal framework for regulating the information space, data protection and infrastructure. On their basis, by-laws and technical regulations are developed that specify general provisions in various fields. The implementation of legislation is carried out by state bodies endowed with appropriate powers in the field of cybersecurity.

Keywords: cybersecurity, legal regulation of information security, digital law, digital crime, digital diplomacy

For citation: Petrov P. K., Denisovich V. V. Legal Regulation in the Field of Information Security. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 106–111. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-106-111

Принятый в ноябре 2016 г. и вступивший в силу 1 июня 2017 г., Закон о кибербезопасности КНР стал первым комплексным нормативным актом в области регулирования киберпространства¹. До его появления законодательство в этой сфере ограничивалось разрозненными подзаконными актами, которые касались защиты компьютерных систем и информационной инфраструктуры. Новый закон ознаменовал переход к системному подходу в управлении кибербезопасностью.

Структура закона включает семь глав, охватывающих основные аспекты: общие положения, меры по обеспечению кибербезопасности, безопасность сетевых операций (с особым разделом о критической информационной инфраструктуре), защите данных в сети, мониторинг и реагирование на угрозы, а также вопросы ответственности за нарушения.

Основные понятия, закреплённые в законе, формируют основу для последующего регулирования. Операторами сети признаются собственники, администраторы сетей и провайдеры сетевых услуг. Сетевые данные определяются как любая информация, обрабатываемая в цифровом пространстве. Персональные данные включают сведения, позволяющие идентифицировать физическое лицо, такие как имя, дата рождения, биометрические данные и номер телефона.

Государство берёт на себя широкий круг обязанностей: разработка стратегии кибербезопасности, защита критической инфраструктуры, мониторинг угроз, международное сотрудничество, установление стандартов и защита прав граждан. Для выполнения этих задач создаётся специальный орган — Администрация кибербезопасности Китая (CAC), а также соответствующие подразделения в органах власти всех уровней.

Операторы сетей обязаны соблюдать законодательство, обеспечивать безопасность, идентифицировать пользователей, хранить данные, взаимодействовать с властями и оперативно реагировать на инциденты. Закон также запрещает использование сети для деятельности, направленной против государственной власти, социалистического строя, территориальной

целостности, а также для пропаганды терроризма, экстремизма, насилия, порнографии и распространения дезинформации.

Особое внимание уделяется разделу о критической информационной инфраструктуре (далее — КИИ). Закон относит к КИИ ключевые отрасли, такие как информационно-коммуникационные услуги, энергетика, транспорт, водное хозяйство, финансы и государственные услуги. Нарушение работы этих секторов может представлять угрозу национальной безопасности или жизнеобеспечению населения [4]. Для операторов КИИ установлены дополнительные требования, включая обязательное хранение персональных данных на территории Китая и особую проверку используемых продуктов и услуг на предмет их влияния на государственную безопасность.

Глава о защите информации регулирует режим охраны персональных данных: обеспечение конфиденциальности, сбор только необходимой информации, обезличивание данных, удаление незаконно полученной информации и сотрудничество с властями. Закон также запрещает создание ресурсов для незаконной деятельности и распространение вредоносной информации.

Таким образом, Закон о кибербезопасности КНР выполняет роль комплексного закона в сфере кибербезопасности, вводя базовые понятия и принципы, устанавливая особый режим для стратегических секторов и регулируя ответственность операторов. Появление данного закона означало переход в КНР от разрозненных нормативных актов к единому большому закону в сфере кибербезопасности. Его значение выходит за рамки технического регулирования, закрепляя за государством право контролировать информационные потоки, а за бизнесом — обязанность обеспечивать этот контроль. Последующие законы, такие как акты 2021 г. о данных и персональной информации, будут развивать нормы, заложенные в этом документе.

В июне 2021 г. в Китае был принят Закон о безопасности данных, который вступил в силу 1 сентября того же г.² Этот нор-

¹ Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности: принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 7 нояб. 2016 г.; вступ. в силу 1 июня 2017 г. // СПС «Консультант+» [Электронный ресурс] — URL: <https://ru.nia.gov.cn/n21914/n21970/index.html> (дата обращения: 22.04.2026).

² Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных: принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 10 июня 2021 г.; вступ. в силу 1 сент. 2021 г. // СПС «Консультант+» [Электронный ресурс] — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/data-security-law-of-the-people-s-republic-of-china20210610/enchn> (дата обращения: 22.04.2026).

мативный акт стал второй частью триады ключевых законов в области кибербезопасности. Впервые в китайской правовой системе было дано универсальное определение данных как любых записей информации в электронной или иной форме. Это означает, что закон регулирует не только цифровые, но и аналоговые данные. Действие закона охватывает все аспекты обработки данных на территории КНР. В некоторых случаях он может применяться и за пределами страны, если зарубежные компании наносят ущерб государственной безопасности или интересам граждан Китая.

Основной принцип закона — это классификация данных и многоуровневая система их защиты в зависимости от значимости. Выделяются два ключевых типа данных: «государственные основные данные», которые касаются безопасности государства, экономики и публичных интересов, и «важные данные», перечень которых определяется на национальном, отраслевом и региональном уровнях. Для каждой категории данных установлены повышенные требования к защите и ужесточена ответственность за нарушения. Операторы обязаны внедрять системы управления безопасностью, отслеживать угрозы, сообщать о инцидентах и помогать госорганам в раскрытии преступлений [2]. Особое внимание уделяется ограничениям на трансграничную передачу данных. Экспорт важных данных возможен только после проверки их безопасности. Передача данных иностранным правоохранительным органам возможна только с разрешения китайских властей.

Таким образом, закон закрепляет суверенитет КНР над данными и создаёт правовую основу для контроля за всеми видами информации, обрабатываемой в стране.

В 2021 г. также был принят Закон о защите персональной информации (PIPL), который стал завершающим элементом законодательной системы в области кибербезопасности¹. Этот закон дополнил существующие нормативные акты, такие как Закон о кибербезопасности и Закон о безопасности данных. Несмотря

на внешнее сходство с европейским GDPR, PIPL имеет принципиальные отличия. Его основная цель — не защита частной жизни как основополагающего права, а обеспечение национальной безопасности и общественных интересов. Это проявляется в том, что закон не ограничивает сбор данных государственными органами, предоставляет регуляторам широкую свободу действий и позволяет контролировать обработку данных граждан Китая за пределами страны.

Одним из ключевых нововведений PIPL являются требования к передаче данных за границу. Операторы КИИ обязаны локализовать свои данные, проводить оценку безопасности перед передачей за рубеж и запрещать передачу информации иностранным правоохранительным органам без предварительного согласия властей КНР. При этом чувствительными данными признаются не только традиционные категории, такие как биометрия и медицинские сведения, но и геолокация, финансовые данные и информация о лицах младше 14 лет. Ответственность за нарушения, предусмотренные PIPL, приближена к европейским стандартам и может включать штрафы до 5 % от годового оборота компании. Однако механизмы правоприменения предоставляют регуляторам значительные полномочия для воздействия на бизнес.

Таким образом, PIPL закрепляет суверенитет Китая над персональными данными и одновременно создаёт инструменты для контроля над глобальными цифровыми платформами, работающими с китайскими пользователями.

Три закона, принятые в 2017–2021 гг. сформировали целостную систему регулирования информационного пространства КНР. Если Закон о кибербезопасности 2017 г. заложил базовые принципы и создал институциональную основу, то законы 2021 г. конкретизировали и ужесточили требования к двум ключевым объектам: данным как таковым и персональной информации граждан.

Китайская модель кибербезопасности делает основной упор на обеспечение национальной безопасности и суверенитета над информационными ресурсами [1]. Это выражается в трёх ключевых аспектах: во-первых, в строгих требованиях к хранению данных внутри страны и ограничениях на их передачу за границу; во-вторых, в широких полномочиях регуляторов и отсутствии значительных ограничений для

¹ Закон Китайской Народной Республики о защите персональной информации: принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 20 авг. 2021 г.; вступ. в силу 1 нояб. 2021 г. // СПС «Консультант+» [Электронный ресурс] — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/data-security-law-of-the-people-s-republic-of-china20210610/enchn> (дата обращения: 22.04.2026).

государственных органов при сборе и анализе информации; в-третьих, в контроле деятельности иностранных компаний, работающих с китайскими данными.

В итоге эти законы формируют правовой механизм, позволяющий государству контролировать все виды данных на его территории. В этой системе кибербезопасность становится инструментом для реализации цифрового суверенитета, где защита информации и государственные интересы тесно переплетаются.

Однако сами по себе законы устанавливают лишь общие рамки. Их практическое применение требует конкретизации через подзаконные акты и технические стандарты. Эти документы превращают абстрактные нормы в чёткие требования для операторов, процедуры проверок и обязательные технические регламенты. Именно на этом уровне общие законодательные принципы превращаются в действующие механизмы контроля.

Многоуровневая схема защиты кибербезопасности (далее — MLPS) была введена в 2008 г. и обновлена в версии 2.0, которая вступила в силу в декабре 2019 г. Эта система классифицирует информационные системы по степени их важности и потенциальному ущербу в случае нарушения безопасности. В MLPS предусмотрено пять уровней чувствительности. Чем выше уровень, тем строже контроль со стороны Министерства общественной безопасности [4]. Ключевой порог установлен на третьем уровне, где самосертификация оператора заменяется обязательной правительственной проверкой. Этот уровень достигается, если нарушение системы может привести к серьёзным последствиям для прав граждан, общественного порядка или национальной безопасности.

С введением MLPS 2.0 значительно расширился перечень систем, подлежащих проверке. Теперь под действие схемы попадают все IT-системы, работающие в Китае. Операторы сетей, включая любые подключённые устройства и системы, обрабатывающие данные, обязаны классифицировать свои системы и применять соответствующие меры безопасности в зависимости от присвоенного уровня.

MLPS 2.0 поддерживается двумя дополнительными законами. Новый закон о криптографии запрещает разработку, продажу и использование криптографических систем, которые могут нанести ущерб государственной безопасности и общественным интересам. Непроверенные

криптографические системы фактически становятся незаконными. Закон об иностранных инвестициях формально направлен на упрощение процедур, но на практике ограничивает права иностранных инвесторов, ставя их в равные условия с китайскими компаниями. Это, вместе с требованиями MLPS, создаёт дополнительные барьеры для иностранных инвесторов.

Особое внимание уделяется требованиям локализации данных. Если дата-центр использует китайские программные сервисы, все данные, включая коммерческую тайну и финансовую информацию, могут быть изъяты государственными органами. MLPS 2.0 фактически предоставляет правительству неограниченный доступ ко всем данным в стране, независимо от того, где они хранятся или передаются. Это исключает возможность анонимного использования VPN, личной или зашифрованной переписки, а также конфиденциального хранения корпоративных данных.

1 сентября 2021 г. в Китае вступил в силу новый документ, уточняющий защиту КИИ и детализирующий нормы Закона о кибербезопасности 2017 г. Этот документ определяет порядок отнесения объектов к КИИ, обязанности операторов и меры ответственности за нарушения. КИИ включает критически важные сети в таких сферах, как телекоммуникации, энергетика, транспорт, ирригация, финансы, госуслуги, оборона и другие, и их нарушение может угрожать безопасности и экономике страны. Отраслевые регуляторы разрабатывают правила для защиты КИИ, которые регистрируются в Министерстве общественной безопасности. Операторы обязаны создавать службы безопасности, проверять сотрудников, оценивать уязвимости, информировать госорганы об инцидентах, выбирать надёжных поставщиков и проходить проверки, при этом меры защиты должны соответствовать уровню КИИ [5].

Контроль за соблюдением требований осуществляет Министерство общественной безопасности при участии Государственной канцелярии по делам интернет-информации. За нарушения предусмотрены значительные штрафы: до 1 миллиона юаней для операторов и до 100 тысяч для должностных лиц. Положение также вводит особый контроль за стратегически важными объектами, устанавливает персональную ответственность руководителей и механизмы реагирования на угрозы, формируя комплексную систему защиты КИИ,

направленную на обеспечение её устойчивости и безопасности.

Таким образом, правовое регулирование кибербезопасности в Китае представляет собой сложную многоуровневую систему, где основные законы задают общие принципы, а подзаконные акты и стандарты превращают эти принципы в практические механизмы. Ключевыми элементами этой системы являются Законы о кибербезопасности, о защите данных и о защите персональной информации. Закон о кибербезопасности 2017 г. ввёл основные понятия, создал институциональную основу и ввёл особый режим для критической информационной инфраструктуры. Законы 2021 г. уточнили и ужесточили требования к обработке данных и персональной информации, закрепив принципы суверенитета и локализации данных. На их основе сформировалась система подзаконного регулирования. Многоуровневая схема защиты разработала единую классификацию

для всех IT-систем в Китае, связывая уровень потенциального ущерба с интенсивностью государственного контроля [6]. Особый режим для критической информационной инфраструктуры предусматривает персональную ответственность руководителей стратегических объектов, требует создания специализированных подразделений безопасности и устанавливает строгие требования к закупке оборудования и реагированию на инциденты. Законодательство о защите данных закрепляет принципы локализации и контроля за трансграничной передачей информации, создавая правовые препятствия для её неконтролируемого перемещения. В совокупности эти нормы формируют плотную нормативную среду, где технические стандарты и административные процедуры обеспечивают государственный контроль над цифровым пространством, а кибербезопасность становится инструментом реализации цифрового суверенитета.

Список литературы

1. Антонян Е. А. Китайский опыт борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5 (129). — С. 150–158.
2. Горян Э. В. Безопасность персональных данных в КНР: тенденции совершенствования правового регулирования в финансово-банковском секторе // Административное и муниципальное право. 2021. № 5. — С. 15–27
3. Горян, Э. В. Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики как ключевой инструмент обеспечения информационной безопасности финансово-банковской системы // Административное и муниципальное право. — 2020. — № 3. — С. 47–55
4. Горян Э. В. Нормативно-правовая основа обеспечения национальной безопасности в киберпространстве: опыт Китайской Народной Республики // Территория новых возможностей. 2021. № 1 — С. 115–122
5. Зверьянская Л. П. Организационно-правовое обеспечение международной и национальной информационной безопасности: опыт Китайской Народной Республики // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 5 (63). — С. 197–207
6. Кузнецова В. В. Практика цифровизации государственного управления в Китае // ФГУ. [Электронный ресурс] — URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf (дата обращения: 11.02.2026)

References

1. Antonyan E. A. Chinese experience in combating crimes in the field of information technology//Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2025. № 5 (129). — S. 150–158.
2. Goryan E. V. Security of personal data in the PRC: trends in improving legal regulation in the financial and banking sector//Administrative and municipal law. 2021. № 5. — S. 15–27
3. Goryan, E. V. Cybersecurity Law of the People's Republic of China as a key tool for ensuring information security of the financial and banking system//Administrative and municipal law. — 2020. — № 3. — S. 47–55
4. Goryan E. V. Regulatory framework for ensuring national security in cyberspace: the experience of the People's Republic of China//Territory of new opportunities. 2021. NO. 1 — P. 115–122
5. Zveryanskaya L. P. Organizational and legal support of international and national information security: the experience of the People's Republic of China//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 5 (63). — S. 197–207
6. Kuznetsova V. V. Practice of digitalization of public administration in China//FSU. [Электронный ресурс] — URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf (дата обращения: 11.02.2026)

Сведения об авторах

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доцент. Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска». E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Денисович Вероника Владимировна — старший научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова», г. Казань, Российская Федерация, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных отношений «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ). E-mail: LtybctyejV1984@yandex.ru

Information about the authors

Petrov Pavel Konstantinovich — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Associate Professor. Chairman of the Bar Association 'Chelyabinsk Bar Association'. E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Denisovich Veronika Vladimirovna — Senior Researcher, Ph.D., Associate Professor, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova, Kazan, Russian Federation, Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Relations, South Ural State University (NIU). E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 23.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-112-117

УДК 343.2/.7 + 343.2

Шипков А. Г.

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЯ

Аннотация. Статья посвящена юридической природе уголовно-правовой оценки деяния в системе оценочного мышления общества, которое является неотъемлемой частью процесса правового регулирования общественных отношений, выработки требований к социальному поведению, их закреплению в социальных нормах. Уголовно-правовая оценка раскрывается как более широкое понятие, включающее квалификацию преступлений. Выделены объекты уголовно-правовой оценки, ее субъекты (властные и невластные субъекты уголовно-правовой оценки, а также место в уголовно-правовой оценке присяжных заседателей), раскрыты основания оценки (нормы права). Уголовно-правовая оценка рассматривается и как результат, и как межотраслевой процесс, направленный на урегулирование уголовно-правовых и иных отношений, возникающих в связи с возникновением социального конфликта, подлежащего разрешению нормами уголовного и иного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка деяния, квалификация преступления, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения, механизм правового регулирования, уголовная ответственность, оценочное мышление.

Для цитирования: Шипков А. Г. О юридической природе уголовно-правовой оценки деяния // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 112–117. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-112-117

Shipkov A. G.

ON THE LEGAL NATURE OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF AN ACT

Abstract. This article examines the legal nature of criminal-legal assessment of an act within the system of social evaluative thinking, which is an integral part of the process of legal regulation of social relations, the development of requirements for social behavior, and their consolidation in social norms. Criminal-legal assessment is revealed as a broader concept that includes the classification of crimes. The article identifies the objects of criminal-legal assessment, its subjects (authoritative and non-authoritative subjects of criminal-legal assessment, as well as the place of jurors in criminal-legal assessment), and the grounds for assessment (legal norms). Criminal-legal assessment is considered both as a result and as an interdisciplinary process aimed at regulating criminal-legal and other relations arising in connection with the emergence of social conflict, subject to resolution by the norms of criminal and other legislation.

Keywords: criminal-legal assessment of an act, qualification of a crime, criminal-legal relations, criminal-procedural relations, mechanism of legal regulation, criminal liability, evaluative thinking.

For citation: Shipkov A. G. On the Legal Nature of Criminal-legal Assessment of an Act. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 112–117. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-112-117

112

Уголовно-правовые
науки

Неотъемлемой частью жизнедеятельности общества (отдельных индивидуумов, социальных групп) является оценочное

мышление (индивидуальное и коллективное), влияющее на процесс правового регулирования общественных отношений,

в том числе посредством выработки требований к социально приемлемому поведению, закрепляемых в соответствующих социальных нормах. В свою очередь социальные нормы оказывают воздействие на отношение между людьми в системе оценочного мышления. В основе оценочного мышления лежит естественное стремление человечества посредством формирования соответствующих социальных норм обеспечить «порядок и социальную стабильность» [1. С. 184]. «Право — это способ стабилизации и воспроизводства общественных отношений (с преимущественным учетом интересов социальных групп, способных определять содержание права)» [1. С. 47].

В науке уголовного права оценочное мышление в большей степени исследуется в рамках квалификации преступлений [см., например: 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Однако квалификация преступлений не охватывает весь процесс оценивания того или иного деяния, так как в большей степени сводится к установлению нормы (норм), подлежащей (подлежащих) применению, посредством ее (их) сличения с преступлением. Так, например, под уголовно-правовой квалификацией понимают уголовно-правовую оценку расследуемого события (деяния) как преступления, ответственность за которое установлена конкретной статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК России) (если в этой статье есть части и/или пункты, то — конкретной частью и/или пунктом статьи или частью статьи) [8, с. 8]. Весть процесс оценочного мышления в системе уголовно-правовых отношений охватывается уголовно-правовой оценкой деяния, осуществляемой не только органами предварительного расследования, прокуратурой и судом, но и оперативными подразделениями, а также иными правоохранительными органами. Так, например, в силу ч. 1.3. ст. 140 («Поводы и основание для возбуждения уголовного дела») Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК России) поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК России, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Отдельно необходимо выделить уголовно-правовую оценку деяния, подпадающего под признаки состава преступления с ад-

министративной преюдицией, осуществляемую судами и органами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях (ст. 22.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее — КоАП России). Так, согласно п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП России («Виды постановлений и определений по делу об административном правонарушении») по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении выносится постановление о прекращении производства и передачи материалов дела прокурору, в орган предварительного следствия или в орган дознания, если в действиях (бездействии) содержатся признаки преступления.

Уголовно-правовая оценка деяния предполагает не только более широкий состав субъектов оценочного мышления, но и более общую цель, достигаемую обществом — оценить возникший социальный конфликт и разрешить его правовыми средствами, в частности оперативно-разыскными, уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными. В процессе уголовно-правовой оценки сочетается большинство выработанных подходов к пониманию права и его значению в жизнедеятельности человека. Так, нормативный подход требует оценить деяние с точки зрения закона, то есть дать уголовно-правовую оценку расследуемого деяния как преступления, ответственность за которое предусмотрена конкретной статьей Особенной части УК России. Именно здесь на первый план выходит требование о точном применении закона, выборе нормы (норм), наиболее полно отражающих (квалифицирующих) оцениваемое деяние. В свою очередь, нравственный подход к праву позволяет не допустить формализма в оценке содеянного, потребует рассмотреть деяние не только с позиции признаков состава преступления, но и его социальной значимости для общества. Воспринятые идеи естественно-правовой школы о справедливости и равенстве людей не допустят безосновательного ограничения, умаления прав и основных свобод человека, что удержит от решений, влекущих негативные социальные реакции, волнения и конфликты. Социологический подход позволит учесть практику применения закона, что способствует правильной оценке юридически значимых последствий принимаемых решений. Важно понимать, что в основе такой когнитивной межотраслевой деятельности заложены ожидания обществом

от органов власти своевременного и эффективного правового реагирования посредством принятия действенных решений по конкретному социальному конфликту. Государство, обладающее «монопольным» правом на применение мер уголовно-правового характера, должно руководствоваться принципом социальной справедливости, умирять общество, предупреждать самосуд и дальнейшее разжигание конфликта. Уголовно-правовая оценка является важной составляющей деятельности общества и государства по соблюдению баланса интересов, гарантирующих безопасное и гармоничное развитие на основе справедливости принимаемых властных решений. В этой связи представляют интерес Методологические аспекты конституционного контроля, подготовленные к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации, одобренные решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года. В разделе 1.3 («Справедливость и юридическое равенство») отмечается, в частности, что гуманистическим началом права являются справедливость и соблюдение баланса прав и интересов. В свою очередь справедливость имеет отраслевое выражение. В уголовном праве как принцип соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК России), в процессуальных отраслях — как право на справедливый суд. Отраслевые проявления универсализируются до понятия справедливости конституционной, дополняясь рядом значимых требований, включая предоставление слабой стороне дополнительных гарантий. В методологических аспектах справедливость раскрывается в качестве самостоятельного принципа, хотя и не получившего конституционного закрепления, но упомянутого в преамбуле к Конституции Российской Федерации о вере в добро и справедливость. Намерение конституционного законодателя «сообщить» идею справедливости и юридически ее выразить «означает, что никто, в том числе публичная власть, не может своими действиями подрывать признание справедливости в качестве безусловной ценности». Положения преамбулы «трактуются Конституционным Судом Российской Федерации в качестве отражения имплицитного конституционного принципа», «категории «справедливость» в его решениях придается не только правовое, но и нормативное

значение». Таким образом, категория «справедливость» признается смыслообразующим для права России.

Учитывая научные исследования в психологии [9. С. 8], уголовно-правовая оценка структурно включает пять компонентов: объект (что оценивается); оценочное основание (с чем объект сравнивается); процесс их сравнения и оценка-результат (итог данного процесса); субъект оценки, то есть, кто осуществляет оценку. Данные критерии являются основой содержания уголовно-правовой оценки деяния в деятельности правоохранительных и иных органов.

Объектом уголовно-правовой оценки являются деяния, в результате которых возникают охранительные и регулятивные уголовно-правовые отношения. К деяниям, в результате которых возникают охранительные уголовно-правовые отношения, относятся, как преступные, так и не преступные. К не преступным деяниям, при наличии к тому оснований, можно отнести совершенное в состоянии невменяемости, невинное причинение вреда, приготовление к преступлению небольшой и средней тяжести, добровольный отказ от преступления, малозначительное деяние, а также деяние, совершенное лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. К деяниям, в результате которых возникают регулятивные уголовно-правовые отношения, соответственно, относятся обстоятельства, исключающие преступность деяния (условие правомерности причинения вреда и сам вред объектам уголовно-правовой охраны).

Данные деяния в большей степени составляют объект уголовно-правовой квалификации, которая предполагает применение норм уголовного закона. В уголовно-правовой оценке объектом выступают также деяния, причиняющие либо создающие опасность (угрозу) причинения правомерного вреда объектам уголовно-правовой охраны, регулируемые нормами иных отраслей права (не уголовно-правовыми), но разрешающиеся в процессе служебной деятельности правоохранительных органов или в уголовно-процессуальной деятельности (в уголовном процессе). Так, в процессе борьбы с терроризмом право причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям установлено ст. 22 («Правомерное причинение вреда») Федерального закона от 6 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Норма определяет, что причинен-

ный охраняемым законом интересам личности, общества или государства вред, предписанный или разрешенный законодательством Российской Федерации, является правомерным. К таким предписаниям и разрешениям относятся ст. 6 Федерального закона от 06 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» («Применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом»), ст. 7. («Пресечение террористических актов в воздушной среде»), ст. 11. («Правовой режим контртеррористической операции»).

Имеет место уголовно-правовая оценка деяний, создающих условия для совершения преступления, регулируемых нормами иных отраслей права, не уголовно-правовыми, в процессе служебной деятельности правоохранительных органов в рамках профилактики правонарушений. Уголовно-правовая оценка деяния, создающего условия для совершения преступлений, регулируется Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Данная уголовно-правовая оценка проводится в рамках объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (ст. 17 «Формы профилактического воздействия»). Профилактику правонарушений в формах профилактического воздействия вправе осуществлять должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации. Например, в соответствии с Приказом МВД России от 4 марта 2020 года № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» (вместе с «Порядком объявления органами внутренних дел Российской Федерации

официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения)»), которое зарегистрировано в Минюсте России от 22 июня 2020 года № 58737. В таких отношениях властные субъекты принимают решение об отсутствии в деянии признаков состава преступления и вынесении соответствующего предостережения, в котором указываются конкретные действия, создающие условия для совершения противоправного деяния, ответственность за которое предусмотрена конкретной статьей УК России.

Исходя из представленной выше характеристики объектов уголовно-правовой оценки ее основаниями выступают: нормы уголовного закона, регулирующие охранительные уголовно-правовые отношения (включая нормы, предусматривающие административную преюдицию); нормы уголовного закона, регулирующие регулятивные уголовно-правовые отношения; иные нормативные правовые акты, регулирующие правомерное причинение вреда; правовые акты, регулирующие профилактику правонарушений и некоторые другие.

Раскрывая субъективный состав уголовно-правовой оценки деяния необходимо отметить, что выделены властные субъекты уголовно-правовой оценки, соответственно раскрыта уголовно-правовая оценка в правоприменении. Учитывая, что уголовно-правовая оценка является одним из элементов в системе оценочного мышления общества в целом необходимо выделить и невластных субъектов уголовно-правовой оценки. Такая оценка осуществляется в большей степени в правоиспользовании, в частности в реализации конституционного права на судебную защиту. Так, например, невластными субъектами уголовно-правовой оценки являются лица, которым деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, а также само лицо, совершившее такое деяние. В уголовном процессе к ним относятся невластные участники уголовного судопроизводства. Со стороны защиты это обвиняемый, его законный представитель, защитник, гражданский ответчик (его законный представитель и представитель). Со стороны обвинения, соответственно, частный обвинитель, потерпевший, его законный

представитель и представитель, гражданский истец и его представитель. Указанные лица оценивают деяние, например, в сообщениях, заявлениях, ходатайствах, жалобах и в других документах.

Обособленно необходимо выделить присяжных заседателей, которые участвуют в уголовно-правовой оценке в правоприменении, в частности оценивают доказательства (ст. 17 «Свобода оценки доказательств»), что осуществляется властными субъектами, а именно судьей, прокурором, следователем и дознавателем. Присяжные заседатели выносят вердикт, где они отвечают на вопросы о доказанности деяния, имело ли оно место, совершил ли его подсудимый и о его виновности (ч. 1 ст. 339 УПК России). Оправдательный вердикт обязателен для председательствующего и влечет постановление оправдательного приговора (ст. 348 УПК России). Вместе с тем, утверждать, что присяжные

заседатели осуществляют уголовно-правовую оценку, представляется неверным. Прежде всего это связано с тем, что они отвечают на вопросы только в части фактических обстоятельств. Им не могут ставиться вопросы, требующие юридической оценки при вынесении вердикта (ч. 5 ст. 339 УПК России).

Таким образом, уголовно-правовая оценка является важной системной составляющей оценочного мышления общества, возникающая в связи с необходимостью разрешения социальных конфликтов уголовно-правовыми и иными средствами, элементами которой являются объект (что оценивается), оценочное основание (прежде всего нормы, с чем объект сравнивается), законодательно урегулированный процесс их сравнения и оценка-результат, как итог данного процесса, а также властные и невластные субъекты оценки.

Литература

1. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. Учебное пособие. М.: Зеркало-М, 2015 (Серия «Русское юридическое наследие»).
2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. — 2. изд., перераб. и доп. — Москва: Юрист, 1999. — 301 с.
3. Герцензон А. А. Квалификация преступления / Проф. А. А. Герцензон. — Москва: РИО ВЮА, 1947. — 25 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу квалификации преступлений / Науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007—336 с.
5. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Центр ЮриИнфоР, 2010. — 557 с.
6. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2015. — 229 с.
7. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений: Учеб. пособие для вузов по спец. «Правоведение» / Б. А. Куринов. — Москва: Изд-во МГУ, 1984. — 181 с.
8. Мурашов Н. Ф. Квалификация преступлений. М., Издательство «Юрлитинформ», 2014.
9. Батурин Н. А. Оценочная функция психики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Санкт-Петербург. 1998.
10. Денисова А. В. Системность российского уголовного права: монография. — Юрлитинформ, 2018. — 512 с.
11. Радько Т. Н. Теория государства и права: Учебник для вузов — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. — 576 с.
12. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 1. Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / под. ред. д-р. юрид. наук. проф. Н. А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 712 с.

References

1. Leist, O. E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. A Textbook. Moscow: Zerkalo-M, 2015 (Series "Russian Legal Heritage").
2. Kudryavtsev, V. N. General Theory of Crime Qualification / V. N. Kudryavtsev. — 2nd ed., revised and enlarged. — Moscow: Jurist, 1999. — 301 p.
3. Gertsenzon, A. A. Qualification of Crime / Prof. A. A. Gertsenzon. — Moscow: RIO VUA, 1947. — 25 p.
4. Kuznetsova, N. F. Problems of Crime Qualification: Lectures on a Special Course in Crime Qualification / Scientific ed. and preface by V. N. Kudryavtsev. — M.: Gorodets Publishing House, 2007, 336 p.

5. Gaukhman, L. D. Crime Qualification: Law, Theory, Practice / L. D. Gaukhman. — 4th ed., revised and enlarged. — Moscow: YurInfoR Center, 2010. — 557 p.
6. Rarog, A. I. Problems of Crime Qualification by Subjective Features: Monograph / A. I. Rarog. — Moscow: Prospect, 2015. — 229 p.
7. Kurinov, B. A. Scientific Foundations of Crime Qualification: Textbook for Universities in the Specialty "Jurisprudence" / B. A. Kurinov. — Moscow: Moscow State University Publishing House, 1984. — 181 p.
8. Murashov, N. F. Qualification of Crimes. M., Yurлитinform Publishing House, 2014.
9. Baturin N. A. The Evaluative Function of the Psyche. Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Psychology. St. Petersburg. 1998.
10. Denisova A. V. Systematicity of Russian Criminal Law: Monograph. — Yurлитinform, 2018. — 512 p.
11. Radko T. N. Theory of State and Law: Textbook for Universities — M.: UNITY-DIANA, Law and Right. — 576 p.
12. Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course. In 10 volumes. Vol. 1. The Concept of Criminal Law. The Mechanism of Criminal-Legal Regulation / ed. by Dr. of Law, Prof. N. A. Lopashenko. — M.: Yurлитinform, 2016. — 712 p.

Сведения об авторе

Шипков Антон Геннадьевич — доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА имени О. Е. Кутафина кандидат юридических наук, доцент, 125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2. E-mail: antonship@rambler.ru

Information about the author

Shipkov Anton Gennadievich — Associate Professor, Department of Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9 Moscow, Russia, 123995. E-mail: antonship@rambler.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.01.2026

Дата рецензирования / Received: 22.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье отражены основные выводы, которые составляют ядро теоретической концепции уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения. Уголовно-правовое обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения как самостоятельное научное направление в юридической науке до настоящего времени комплексно, системно и междисциплинарно не исследовано. Совокупность изложенных обстоятельств (факторов) со всей очевидностью свидетельствует о несомненной теоретической и практической актуальности темы исследования. Необходимость научного осмысления проблем уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения обусловлена не только объективными процессами цифровой трансформации медицинской сферы, но и императивной потребностью правоприменительной практики в выработке четких критериев квалификации преступлений и определении мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: уголовно-правовое обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения, преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения, преступления против цифровой безопасности, преступления против безопасности цифровой информации, преступления против безопасности критической цифровой инфраструктуры системы здравоохранения, преступления против безопасности цифровых технологий

Для цитирования: Шутова А. А. Уголовно-правовое обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения: результаты диссертационного исследования // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 118–130. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-118-130

Shutova A. A.

CRIMINAL LAW PROVISION OF DIGITAL SECURITY OF THE HEALTHCARE SYSTEM: RESULTS OF THE DISSERTATION RESEARCH

Abstract. The article reflects the main conclusions that form the core of the theoretical concept of criminal law provision of digital security of the healthcare system. The criminal law provision of digital security of the healthcare system as an independent scientific field in legal science has not been comprehensively, systematically and interdisciplinarily studied to date. The totality of the stated circumstances (factors) This clearly indicates the undoubted theoretical and practical relevance of the research topic. The need for a scientific understanding of the problems of criminal law ensuring the digital security of the healthcare system is due not only to the objective processes of digital transformation of the medical field, but also to the imperative need for law enforcement practice to develop clear criteria for the qualification of crimes and the definition of criminal law measures.

Keywords: criminal law enforcement of the digital security of the healthcare system, crimes against the digital security of the healthcare system, crimes

against digital security, crimes against the security of digital information, crimes against the security of critical digital infrastructure of the healthcare system, crimes against the security of digital technologies

For citation: Shutova A. A. Criminal Law Provision of Digital Security of the Healthcare System: Results of the Dissertation Research. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 118–130. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-118-130

Введение. Несмотря на существенный вклад научного сообщества в развитие доктрины уголовного права в условиях цифровой трансформации и связанных с ней новых форм преступности, анализ последних изменений уголовного законодательства свидетельствует об отсутствии целостной системы уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения. Современные законодательные новации носят фрагментарный характер и не образуют универсальной модели уголовно-правовой охраны общественных отношений, адекватной вызовам цифровой эпохи. В данном контексте перед уголовно-правовой наукой возникает важная задача — разработка концепции уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения. Особую значимость приобретает научное осмысление вопросов уголовной ответственности за противоправные деяния, совершаемые с применением прорывных цифровых технологий: искусственного интеллекта, медицинской робототехники и биопринтинга. Цифровая трансформация системы здравоохранения, сопровождающаяся внедрением новых технологических решений, обуславливает настоятельную потребность в переосмыслении традиционных уголовно-правовых конструкций с учетом особенностей цифровых медицинских технологий, разработке новых доктринальных подходов к охране возникающих общественных отношений и созданию научно обоснованной системы квалификации преступных посягательств на цифровую безопасность системы здравоохранения. В связи с этим назрел вопрос о необходимости создания концепции уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения, соответствующей вызовам технологической эпохи.

Основная часть

Предложения по доктринальным аспектам уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения:

1. Определена и обоснована двойственная природа цифровой безопасности

системы здравоохранения, научное осмысление которой позволяет установить ее место в общей системе национальной безопасности и раскрыть содержание как объекта уголовно-правовой охраны [6. С. 95]. Во-первых, цифровая безопасность системы здравоохранения, выступая закономерным эволюционным этапом развития информационной безопасности в целом и информационной безопасности системы здравоохранения в частности, органически интегрирована в многоуровневую систему национальной безопасности Российской Федерации и рассматривается как состояние защищенности цифровой информации, критической цифровой инфраструктуры и применяемых цифровых технологий в системе здравоохранения от цифровых угроз [11. С. 97]. Во-вторых, цифровая безопасность системы здравоохранения одновременно выступает самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, представляя собой систему общественных отношений, обеспечивающих надежную защиту цифровой информации, критической цифровой инфраструктуры и применяемых цифровых технологий в системе здравоохранения от различного рода цифровых угроз, способных причинить вред жизни и здоровью граждан, нарушить функционирование медицинских организаций, дестабилизировать систему здравоохранения в целом.

При этом уголовно-правовое обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения определяется как правовой механизм, включающий совокупность положений уголовного закона и стратегических направлений уголовной политики государства, обеспечивающий всестороннюю и эффективную охрану цифровой безопасности системы здравоохранения путем установления уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний против безопасности цифровой информации, критической цифровой инфраструктуры и применяемых цифровых технологий в системе здравоохранения [11. С. 90].

2. Разработана и обоснована категория социальной обусловленности уголовно-

правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения, представляющая собой правовой феномен, который выражает объективно существующую совокупность значимых факторов, детерминирующих необходимость установления уголовно-правовой защиты цифровой безопасности системы здравоохранения в условиях цифровой трансформации отрасли, и одновременно определяющий фундаментальные закономерности процессов криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации общественно опасных деяний, посягающих на общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности цифровой информации, критической цифровой инфраструктуры и цифровых технологий в системе здравоохранения [11. С. 96]. Характерно, что данный правовой феномен носит динамический характер и непосредственно обусловлен не только объективными процессами развития цифровых технологий, но и эволюцией форм и способов преступных посягательств на цифровую безопасность системы здравоохранения [11. С. 94], изменением степени общественной опасности соответствующих деяний, а также трансформацией социальных представлений о допустимых пределах уголовно-правового вмешательства государства в сферу цифровизации отрасли, что требует постоянного научного мониторинга и своевременной трансформации уголовно-правовых средств обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения.

3. Обосновано, что создание отдельного раздела или главы УК РФ, специально посвященных регламентации преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения, представляется нецелесообразным, поскольку подобное законодательное решение чревато серьезным нарушением системности и внутренней логики уголовного законодательства. Сфера цифровой безопасности системы здравоохранения органически интегрирована в комплексную систему обеспечения цифровой безопасности государства и общества в целом, составляя лишь один из секторальных элементов в многоуровневой архитектуре правового обеспечения соответствующих общественных отношений, что объективно исключает ее выделение в качестве самостоятельной структурной единицы уголовного закона. Вместе с тем в работе доказана целесообразность выделения главы 28 УК РФ из раздела IX

УК РФ и придания ей статуса самостоятельного раздела под наименованием «Преступления против цифровой безопасности», который должен включать в себя три главы: «Преступления против безопасности цифровой информации», «Преступления против безопасности критической цифровой инфраструктуры» и «Преступления против безопасности цифровых технологий». Подобная структурная реорганизация Особенной части уголовного закона не только будет отражать современные реалии цифровой трансформации общественных отношений, но и создаст необходимые предпосылки для системной уголовно-правовой охраны всех элементов цифровой безопасности, включая ее медицинский сегмент. В целях совершенствования уголовного законодательства в условиях глобальной цифровой трансформации общества предложено дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ важным положением об обеспечении цифровой безопасности как одной из самостоятельных задач уголовного закона, что позволит закрепить приоритетность данного направления уголовно-правовой охраны и обеспечит единое понимание роли уголовного права в защите цифрового пространства.

Предложения по доктринальным аспектам противодействия преступлениям против цифровой безопасности системы здравоохранения:

4. Сформулирована и обоснована дефиниция преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения, под которыми понимаются противоправные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности цифровой информации, критической цифровой инфраструктуры и применяемых цифровых технологий в системе здравоохранения. Характерно, что данная категория преступлений представляет собой качественно новый тип криминальных посягательств, порожденных процессами цифровизации системы здравоохранения, и отличается повышенной общественной опасностью, обусловленной тем, что их совершение способно не только причинить вред конкретным пациентам или медицинским организациям, но и дестабилизировать функционирование системы здравоохранения в целом, создавая реальную угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц. При этом специфика данной группы преступлений заключается в их комплексном характере: они одновремен-

но посягают на несколько взаимосвязанных объектов уголовно-правовой охраны, включая общественную безопасность, здоровье населения, информационную безопасность и нормальное функционирование критической инфраструктуры, что объективно требует выработки особых подходов к их квалификации, назначению наказания и разработке специальных мер предупреждения подобных криминальных проявлений в условиях продолжающейся цифровой трансформации системы здравоохранения [16. С. 82–84, 86].

5. Разработана и обоснована классификация преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения, имеющая существенное теоретико-прикладное значение для систематизации уголовно-правовых норм, верной квалификации преступлений и выработки дифференцированных мер противодействия криминальным угрозам в условиях цифровизации отрасли. Предложенная классификация основана на объекте преступного посягательства и включает три взаимосвязанные, но качественно различающиеся группы общественно опасных деяний:

а) преступления против безопасности цифровой информации, обращаемой в системе здравоохранения, охватывающие противоправные посягательства на конфиденциальность, целостность и доступность медицинских данных, персональных сведений о пациентах и иной информации;

б) преступления против безопасности критической цифровой инфраструктуры системы здравоохранения, включающие деяния, направленные на нарушение функционирования информационных систем, телекоммуникационных сетей и иных технологических объектов, обеспечивающих непрерывность оказания медицинской помощи населению;

в) преступления против безопасности цифровых технологий, применяемых в системе здравоохранения, к которым относятся посягательства на безопасное и правомерное использование искусственного интеллекта, медицинской робототехники и биопринтных технологий.

Характерно, что данная классификация не только отражает современную архитектуру цифровой безопасности здравоохранения, но и создает методологическую основу для совершенствования уголовного законодательства, формирования единого образного правоприменения и разра-

ботки системы предупреждения исследуемых преступлений [16. С. 84–86].

Предложения по доктринальным, законотворческим и правоприменительным аспектам противодействия преступлениям против безопасности цифровой информации в системе здравоохранения:

6. Обосновано, что в условиях ускоренной цифровой трансформации общества и экспоненциального роста объемов обрабатываемых цифровых данных возникает объективная необходимость фундаментальной модернизации терминологического аппарата уголовного законодательства, поскольку действующий понятийно-категориальный аппарат, основанный на категории «компьютерная информация», не в полной мере отражает современные технологические реалии и не охватывает весь спектр общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите в эпоху тотальной цифровизации. В связи с этим предложена и научно обоснована дефиниция преступлений против безопасности цифровой информации в системе здравоохранения, под которыми понимаются противоправные общественно опасные деяния, посягающие на состояние защищенности сведений, циркулирующих в информационно-телекоммуникационных системах, сетях и устройствах, полученных посредством алгоритмических преобразований числовых последовательностей, в системе здравоохранения [15, С. 45–49]. Данное определение не только точно отражает технологическую сущность объекта преступного посягательства, но и расширяет сферу уголовно-правовой охраны, включая в нее все формы представления информации в цифровом виде независимо от технических средств ее хранения, обработки и передачи, что создает необходимые предпосылки для эффективного противодействия современным угрозам и рискам цифровой безопасности отрасли в условиях развития цифровых технологий и появления принципиально новых способов криминального воздействия на медицинские информационные ресурсы.

7. Обосновано, что в целях придания персональным данным самостоятельного уголовно-правового статуса в качестве предмета преступного посягательства наряду со сведениями о частной жизни лица необходимо сформулировать их легальное определение в уголовном законе, под которыми предлагается понимать конфиденциальную информацию о физическом лице

(субъекте персональных данных), позволяющую осуществить его идентификацию. Подобный подход обусловлен тем, что персональные данные, обладая качественно иной правовой природой и специфическими признаками по сравнению с иными категориями конфиденциальной информации, требуют дифференцированной уголовно-правовой охраны, особенно актуальной в контексте обеспечения безопасности медицинских сведений о пациентах в условиях цифровизации системы здравоохранения. В связи с этим в целях создания комплексной системы уголовно-правовой охраны персональных данных граждан, в том числе пациентов медицинских организаций, предложено: во-первых, установить уголовную ответственность за незаконные распространение или использование персональных данных, дополнив УК РФ статьей 137¹, и одновременно внести соответствующие изменения в статью 272 УК РФ относительно трансформации предмета преступления; во-вторых, установить уголовную ответственность за изготовление и (или) сбыт поддельных биометрических персональных данных, дополнив УК РФ статьей 137², что позволит противодействовать новым формам криминальной активности, связанным с фальсификацией биометрических идентификаторов личности; в-третьих, декриминализовать незаконные использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения, исключив статью 272¹ из УК РФ в связи с ее очевидной избыточностью и правоприменительной неэффективностью, что обеспечит оптимизацию системы уголовно-правовых норм, устранение внутренних противоречий уголовного законодательства и создание более эффективной модели криминализации посягательств на персональные данные [5. С. 122–134].

8. Обосновано, что с учетом возрастающего уголовно-правового значения цифровой информации, специфики процессов ее обработки в информационно-телекоммуникационных системах, а также выявленных особенностей квалификации преступлений в этой сфере, существующее толкование категории тяжких последствий, содержащееся в пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37

«О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»», нуждается в концептуальном пересмотре применительно к преступлениям против цифровой безопасности [14. С. 81–94].

Предложения по доктринальным, законодательным и правоприменительным аспектам противодействия преступлениям против безопасности критической цифровой инфраструктуры системы здравоохранения:

9. Сформулирована и обоснована дефиниция преступлений против безопасности критической цифровой инфраструктуры системы здравоохранения, под которыми предлагается понимать виновно совершенные общественно опасные деяния, связанные с проведением цифровых атак и совершением иных противоправных действий, направленных на критическую цифровую инфраструктуру системы здравоохранения [10. С. 52–57, 16. С. 79–88]. Характерно, что данная категория преступлений отличается повышенной степенью общественной опасности, обусловленной тем, что критическая цифровая инфраструктура отрасли представляет собой совокупность информационных систем, телекоммуникационных сетей и технологических объектов, нарушение функционирования, уничтожение или блокирование которых способны причинить существенный вред не только отдельным медицинским организациям, но и дестабилизировать систему оказания медицинской помощи населению в целом, создавая реальную угрозу жизни и здоровью пациентам [10. С. 52–57].

10. Научно обоснована концепция модернизации отечественного законодательства, направленная на повышение эффективности противодействия преступлениям против безопасности критической информационной инфраструктуры системы здравоохранения, предполагающая внесение изменений в Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и статью 274¹ УК РФ путем замены понятия «критическая информационная инфраструктура» на «критическая цифровая инфраструктура», введения терминов «цифровая атака» и «цифровой инцидент», за-

конодательного закрепления определения значимого объекта критической цифровой инфраструктуры, декриминализации отдельных деяний с закреплением ответственности в статье 274 УК РФ и изложения статьи 274¹ УК РФ в новой редакции «Совершение цифровой атаки на значимый объект критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации» со структурой, включающей основной состав, квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, что позволит создать согласованную систему уголовно-правового обеспечения безопасности критической цифровой инфраструктуры системы здравоохранения [14. С. 81–94].

11. Обоснована необходимость совершенствования акта официального судебного толкования в целях формирования единообразной практики применения норм, устанавливающих ответственность за посягательства на безопасность критической информационной инфраструктуры, что предполагает внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» путем дополнения его положениями, закрепляющими особенности квалификации преступлений против безопасности критической информационной инфраструктуры, что позволит обеспечить правильное понимание и единообразное применение судами уголовно-правовых норм в данной сфере, устранить существующие пробелы в толковании и создать надежную основу для формирования согласованной практики применения норм уголовного закона [14. С. 81–94].

Предложения по доктринальным и законотворческим аспектам противодействия преступлениям против безопасности цифровых технологий, применяемых в системе здравоохранения:

12. В целях теоретического закрепления терминологии и последующего выбора оптимальной модели уголовно-правового обеспечения разработки и применения цифровых технологий в системе здравоохранения, научно обосновано понятие безопасности цифровых технологий в системе здравоохранения, под которым предлагается понимать состояние защи-

щенности процесса и (или) метода оборота цифровых данных в системе здравоохранения, а также способа осуществления такого процесса и (или) метода для создания медицинского изделия на основе цифровых технологий и (или) оказания высокотехнологичной медицинской помощи от цифровых угроз, что позволяет комплексно охватить все основные компоненты цифровизации здравоохранения, создать необходимую основу для разработки согласованной системы уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения и обеспечить терминологическое единство при квалификации преступлений, посягающих на безопасность применения цифровых технологий в системе здравоохранения [17. С. 58–68].

13. Обоснована необходимость расширения системы уголовно-правового обеспечения безопасности цифровых технологий в системе здравоохранения путем установления уголовной ответственности за два вида общественно опасных деяний: во-первых, за производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных медицинских изделий на основе цифровых технологий, либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных медицинских изделий на основе цифровых технологий, либо производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных медицинских изделий на основе цифровых технологий, совершенные в крупном размере, и, во-вторых, за нарушение правил создания, технического обслуживания, ремонта, выпуска в эксплуатацию или утилизации медицинских изделий на основе цифровых технологий, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека, что позволит устранить пробел в уголовно-правовой охране общественных отношений, связанных с оборотом и эксплуатацией медицинских изделий, основанных на цифровых технологиях, обеспечить реагирование на криминальные угрозы, возникающие в процессе цифровизации отрасли, создать необходимые правовые предпосылки для защиты жизни и здоровья граждан от некачественной и небезопасной цифровой медицинской техники и сформировать эффективный механизм превентивного воздействия на потенциальных правонарушителей [1. С. 581–582, 9. С. 97–98].

Предложения по доктринальным аспектам применения риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению безопасности цифровых технологий системы здравоохранения:

14. Обосновано применение риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению цифровой безопасности системы здравоохранения, который позволяет не только выявить и систематизировать криминогенные риски, возникающие в процессе цифровизации отрасли, объективно оценить реальную и потенциальную эффективность уголовного законодательства в противодействии цифровым угрозам здравоохранению, но и сформировать научно обоснованные модели установления, изменения, дифференциации и унификации уголовной ответственности за преступления, посягающие на цифровую безопасность системы здравоохранения, при этом установлено, что уровень криминализации соответствующих деяний должен напрямую коррелироваться с криминогенным потенциалом факторов риска и тяжестью негативных последствий применения цифровых технологий в медицинской сфере, что обеспечивает соблюдение принципов обоснованности, системности и соразмерности уголовно-правового обеспечения, создает необходимые предпосылки для гибкой адаптации уголовного законодательства к динамично изменяющимся условиям цифровой трансформации здравоохранения и формирует оптимальный баланс между необходимостью защиты общественных отношений и недопустимостью избыточной криминализации в сфере применения инновационных медицинских технологий [7. С. 160].

15. Разработана научно обоснованная типология криминогенных рисков, связанных с оборотом цифровых технологий в системе здравоохранения, построенная с учётом различного субъектного состава участников правоотношений и включающая пять основных категорий: риски, исходящие от субъектов, занимающихся созданием (разработкой) медицинских изделий на основе цифровых технологий, обусловленные возможностью внедрения конструктивных дефектов, уязвимостей программного обеспечения или недостаточного тестирования; риски, исходящие от субъектов, занимающихся ремонтом (сервисным обслуживанием) медицинских изделий на основе цифровых технологий, связанные с нарушением технических ре-

гламентов и стандартов эксплуатации; риски, исходящие от медицинских работников в процессе применения (использования) медицинских изделий на основе цифровых технологий, детерминированные недостаточной квалификацией, халатностью или ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей; риски, исходящие из неправомерного поведения субъекта преступления, включающие умышленные противоправные действия, направленные на причинение вреда или извлечение незаконной выгоды; а также риски, исходящие от пациента, обусловленные нарушением медицинских рекомендаций или несанкционированным вмешательством в функционирование цифровых медицинских устройств, что позволяет комплексно идентифицировать потенциальные источники угроз цифровой безопасности здравоохранения, разработать дифференцированные меры уголовно-правового обеспечения с учетом специфики каждой категории рисков и создать научную основу для формирования эффективной системы превенции рассматриваемых преступлений [6. С. 947–948; 7. С. 161].

16. Выявлены и систематизированы криминогенные риски оборота цифровых технологий в системе здравоохранения, объединенные в три основные группы в зависимости от вида применяемых технологий: во-первых, криминогенные риски создания и применения технологий искусственного интеллекта в системе здравоохранения, включающие риски создания медицинского изделия на основе технологий искусственного интеллекта, связанные с возможностью заложения алгоритмических ошибок, некорректного обучения нейронных сетей и недостаточной валидации систем принятия решений, а также риски применения медицинского изделия на основе технологий искусственного интеллекта, обусловленные непрозрачностью процесса принятия решений, возможностью генерации ошибочных медицинских рекомендаций и проблемой распределения ответственности между разработчиком, медицинским работником и самой системой; во-вторых, криминогенные риски создания и применения технологий медицинской робототехники, охватывающие риски, действующие на медицинского робота извне и связанные с возможностью несанкционированного удаленного доступа, цифровых атак и внешних физических воздействий, риски, свойственные медицинскому

роботу, детерминированные конструктивными особенностями, программными уязвимостями и техническими ограничениями робототехнических систем, а также риски, исходящие от медицинского робота, обусловленные возможностью причинения вреда пациенту вследствие технических сбоев, ошибок позиционирования или неадекватной реакции на нештатные ситуации; в-третьих, криминогенные риски, связанные с оборотом биопринтных технологий, включающие риски, связанные с оборотом 3D-биопринтера как технологического устройства, способного к созданию биологических структур, риски, связанные с оборотом донорских клеток, обусловленные возможностью использования биоматериалов ненадлежащего качества, незаконного происхождения или с нарушением требований биобезопасности, риски, связанные с оборотом биочернил, детерминированные специфическими требованиями к составу, стерильности и биосовместимости материалов для биопечати, риски, связанные с оборотом биопринтных тканевых (органных) конструкторов, включающие угрозы функциональной несостоятельности, иммунологической несовместимости и возможности злоупотреблений при трансплантации искусственно созданных биологических структур, а также риски, связанные с оборотом CAD-файла — цифрового шаблона биопринтного тканевого (органного) конструктора, обусловленные возможностью несанкционированного копирования, модификации или использования цифровых моделей для создания дефектных или фальсифицированных биологических конструкторов, что позволяет сформировать целостное представление о спектре криминогенных угроз, возникающих на различных этапах оборота инновационных медицинских технологий, разработать меры уголовно-правового противодействия с учетом специфики каждого вида цифровых технологий и создать научную основу для построения дифференцированной системы обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения [1. С. 571–585, 2. С. 52–57, 3. С. 14–17, 6, С. 947–948].

Предложения по доктринальным, законодательным и правоприменительным аспектам противодействия преступлениям против безопасности технологий искусственного интеллекта в здравоохранении:

17. Установлено, что дуалистическая природа технологий искусственного ин-

теллекта, проявляющаяся в их созидательном и деструктивном потенциале, обуславливает необходимость применения дифференцированного подхода к уголовно-правовому обеспечению их безопасности, что предполагает классификацию данных технологий в зависимости от целевого назначения на две категории: технологии искусственного интеллекта в системе здравоохранения, предназначенные для осуществления законной деятельности, направленные на совершенствование диагностики, лечения, профилактики заболеваний и организации медицинской помощи, и технологии искусственного интеллекта в системе здравоохранения, используемые для совершения противоправной деятельности, при этом искусственный интеллект может выступать как в качестве предмета преступления, так и в качестве средства совершения преступления, используемого для облегчения или обеспечения преступной деятельности; в целях формирования единообразного понятийного аппарата предложено под преступлениями против безопасности технологий искусственного интеллекта в здравоохранении понимать противоправные общественно опасные деяния, посягающие на состояние защищенности технологий искусственного интеллекта, процесса и (или) метода оборота цифровой информации (данных), а также способа осуществления такого процесса и (или) метода для создания продукта цифровых достижений, основанного на использовании искусственного интеллекта, применяемых в системе здравоохранения; при этом обосновано, что учитывая междисциплинарный характер понятия «искусственный интеллект», его многоаспектность, стремительную эволюцию и отсутствие устоявшегося общепризнанного определения, нецелесообразно включение дефиниции искусственного интеллекта непосредственно в текст уголовного закона, а оптимальным законодательно-техническим решением является использование бланкетных отсылок к иным нормативным правовым актам, что обеспечивает необходимую гибкость правового регулирования, позволяет оперативно адаптировать уголовно-правовые нормы к динамично развивающимся технологиям без внесения изменений в УК РФ и создает условия для согласованности уголовного законодательства с отраслевым регулированием в сфере искусственного интеллекта [9. С. 92–100, 8. С. 48–53, 13, С. 46–50].

18. Обоснована необходимость криминализации двух самостоятельных составов преступлений, направленных на обеспечение безопасности технологий искусственного интеллекта в системе здравоохранения: установление уголовной ответственности за незаконный оборот (создание, приобретение и (или) сбыт) технологий искусственного интеллекта, заведомо предназначенных для совершения преступления, и за незаконный оборот (создание, приобретение и (или) сбыт) автономных технологий искусственного интеллекта, заведомо предназначенных для совершения преступления, выделяемых в качестве самостоятельного состава с учетом повышенной общественной опасности систем, способных к самостоятельному принятию решений без непосредственного контроля человека, что позволяет дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от степени автономности технологии, обеспечить превентивную защиту от использования деструктивного потенциала искусственного интеллекта в преступных целях и создать эффективный механизм противодействия криминальным угрозам цифровизации здравоохранения на стадии, предшествующей непосредственному причинению вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям [9. С. 92–100, 8. С. 48–53, 13. С. 46–50].

19. Обоснована необходимость совершенствования судебной практики применения уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с использованием цифровых технологий в системе здравоохранения, путем дополнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» положениями, регламентирующими особенности квалификации преступлений против безопасности технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, что позволит устранить существующую неопределенность в правоприменении, обеспечить единообразное толкование и применение уголовно-правовых норм судами при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта

в медицинской деятельности, сформировать согласованную систему разъяснений по вопросам ограничения преступлений против безопасности технологий искусственного интеллекта от смежных составов преступлений, определить критерии оценки общественной опасности деяний с учетом специфики применения искусственного интеллекта в системе здравоохранения и создать необходимые предпосылки для правильной квалификации преступлений и назначения справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности совершенных деяний в условиях цифровизации системы здравоохранения.

Предложения по доктринальным и законодательным аспектам противодействия преступлениям против безопасности технологий робототехники в системе здравоохранения:

20. Доказано, что система уголовно-правового обеспечения не может обеспечить соответствующую охрану общественных отношений в сфере применения медицинских роботов, поскольку законодатель не учитывает их специфику как особой разновидности медицинских изделий, характеризующихся повышенной технологической сложностью, способностью к автономному функционированию и потенциалом причинения значительного вреда при неправомерном использовании или технических сбоях, что обуславливает необходимость разработки специальных уголовно-правовых норм для эффективного противодействия противоправным деяниям, связанным с применением медицинских роботов и направленным против них; в целях формирования единообразного понятийного аппарата предложено под преступлениями против безопасности технологий робототехники в здравоохранении понимать противоправные общественно опасные деяния, посягающие на состояние защищенности технологий медицинской робототехники, процесса и (или) метода их создания, оборота и применения в системе здравоохранения [1. С. 571–585, 4. С. 39–43].

21. Обоснована система мер по уголовно-правовому обеспечению безопасности технологий робототехники в системе здравоохранения, включающая, во-первых, установление самостоятельной уголовной ответственности за три вида общественно опасных деяний: за незаконный оборот (создание, приобретение и (или) сбыт) технологий робототехники, заведомо предна-

значенных для совершения преступления, а также за незаконный оборот автономных (создание, приобретение и (или) сбыт) технологий робототехники, заведомо предназначенных для совершения преступления, выделяемых с учетом повышенной общественной опасности робототехнических систем, способных к самостоятельному принятию решений и осуществлению действий без непосредственного контроля человека; а также за неправомерный доступ к охраняемой законом цифровой информации, содержащейся в роботе, если это деяние повлекло захват управления робота, криминализация которого обусловлена специфической общественной опасностью несанкционированного удаленного контроля над робототехническими системами, применяемыми в медицинских целях; во-вторых, обоснована позиция, согласно которой разница в утрате человеческого органа или бионического роботизированного протеза отсутствует, поскольку с момента интеграции бионического роботизированного протеза в организм человека такое изделие становится неотъемлемой частью человеческого тела, в связи с чем на него распространяется полная конституционная защита телесной неприкосновенности, и при посягательстве на телесную целостность человека, включающую биологические органы и интегрированные технические устройства, следует применять составы преступлений против жизни и здоровья, что обеспечивает равную правовую защиту всех компонентов человеческого тела независимо от их биологического или технического происхождения и создает надежные гарантии охраны физической неприкосновенности личности в условиях развития технологий бионического протезирования [1. С. 571–585, 4. С. 39–43].

Предложения по доктринальным и законотворческим аспектам противодействия преступлениям против безопасности биопринтных технологий:

22. Доказано, что активное развитие биопринтных технологий, открывающих революционные возможности для регенеративной медицины и трансплантологии, одновременно порождает новые виды общественно опасных деяний, связанных с незаконным использованием данных технологий, фальсификацией биопринтных конструктов, нарушением требований биобезопасности и иными формами злоупотреблений, что обуславливает необходимость опережающего формирования си-

стемы уголовно-правового обеспечения оборота указанных технологий, позволяющего создать превентивные механизмы противодействия криминогенным угрозам до их масштабной реализации в правоприменении; в целях формирования единого понятийного аппарата предложено под преступлениями против безопасности биопринтных технологий понимать противоправные общественно опасные деяния, посягающие на состояние защищенности биопринтных технологий как совокупности методов разработки и производства тканевых (органных) конструктов на основе биочернил с использованием 3D-биопринтера, а также процесса и (или) метода оборота компонентов биопринтных технологий — 3D-биопринтеров, донорских клеток, биочернил, биопринтных тканевых (органных) конструктов и CAD-файлов как цифровых шаблонов биопринтных конструктов, что позволяет обеспечить уголовно-правовую охрану всех этапов создания и применения биопринтных технологий и создать правовую основу для противодействия криминогенным рискам [12. С. 757–766].

23. Обоснована необходимость криминализации двух составов преступлений, направленных на обеспечение безопасности биопринтных технологий в системе здравоохранения: установление уголовной ответственности за незаконное изъятие органов, тканей или клеток трупа человека и за незаконный оборот органов и (или) тканей человека (хищение, незаконные приобретение или сбыт биологического материала или биопринтных тканевых (органных), который позволяет противодействовать коммерциализации человеческого тела, предотвратить формирование нелегального рынка биологического материала и биопринтных конструктов, обеспечить соблюдение этических и правовых стандартов в сфере биомедицинских технологий и создать эффективный механизм защиты от использования биопринтных технологий в преступных целях на всех этапах — от получения исходного биологического материала до имплантации готовых биопринтных конструктов [12. С. 757–766].

Заключение. Концепция уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения представляет собой научное направление, органически интегрирующее теоретико-методологические основы уголовного права с императивами технологической модернизации медицинской сферы.

Оригинальность подхода заключается в том, что предложенная система уголовно-правового обеспечения не только охватывает проблемы противодействия существующим цифровым угрозам в здравоохранении, но и предусматривает инновационные механизмы превентивной защиты от потенциальных криминогенных рисков, неизбежно возникающих в процессе внедрения прорывных технологий. Новизна проявляется в разработке и применении риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению, позволяющего научно обосновать социальную обусловленность криминализации деяний применительно к каждому виду цифровых технологий, используемых в медицине, включая технологии искусственного интеллекта, медицинскую робототехнику и биопринтинг. Вкладом в развитие уголовно-правовой доктрины является модернизация понятийно-категориального аппарата в условиях цифровой трансформации общества. Предложена научно обоснованная система дефиниций цифровой эпохи, включающая такие фундаментальные понятия, как «цифровизация», «цифровое здравоохранение», «цифровая информация», «цифровые данные», «цифровые технологии», «критическая цифровая инфраструктура», «искусственный интеллект»,

«технологии искусственного интеллекта», «медицинский робот», «медицинская робототехника», «биопринтные технологии», «цифровые преступления», «преступления против цифровой безопасности здравоохранения» и другие. Разработанный терминологический аппарат не только обогащает уголовно-правовую науку, но и закладывает фундамент для совершенствования уголовного законодательства, обеспечивая необходимую терминологическую определенность, системность и согласованность правовых норм в контексте современных технологических вызовов. Предложенные новеллы уголовного законодательства учитывают специфику общественной опасности соответствующих деяний в контексте цифровизации здравоохранения. Содержатся новые предложения по системной модернизации уголовно-правовых норм с учетом современных цифровых вызовов и угроз, а также включает изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37, направленных на совершенствование судебной практики по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации и формирование единого толкования уголовного закона.

Литература

1. Шутова А. А. Криминальные риски оборота медицинских роботов // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 3. С. 571–585. DOI 10.21202/2782-2923.2023.3.571-585. EDN HZDUBN.
2. Шутова А. А. Криминальные риски применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // Безопасность бизнеса. 2024. № 1. С. 52–57. — DOI 10.18572/2072-3644-2024-1-52-57. EDN LSZRN.
3. Шутова А. А. Криминальные риски, возникающие в процессе 3D-биопринтинга // Российский следователь. 2022. № 9. С. 14–17. DOI 10.18572/1812-3783-2022-9-14-17. EDN QKMTQR.
4. Шутова А. А. Медицинские роботы: правовые, этические и социальные проблемы // Безопасность бизнеса. 2023. № 3. С. 39–43. DOI 10.18572/2072-3644-2023-3-39-43. EDN EQCMFG.
5. Шутова А. А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 6. С. 122–134. DOI 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134. EDN LXPPWK.
6. Шутова А. А. Обеспечение цифровой безопасности системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 4. С. 936–953. DOI 10.21202/2782-2923.2024.4.936-953. EDN SHZTFY.
7. Шутова А. А. Применение риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению цифровых технологий системы здравоохранения // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 156–165. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-156-165
8. Шутова А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в здравоохранении: этико-правовые вопросы // Юридический мир. 2024. № 2. С. 48–53. DOI 10.18572/1811-1475-2024-2-48-53. EDN AJULIJ.
9. Шутова А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения: уголовно-правовые девиации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3(38). С. 92–100. DOI 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100. EDN RKMSGE.

10. Шутова А. А. Проблемы обеспечения безопасности цифровой инфраструктуры системы здравоохранения уголовно-правовыми средствами // Безопасность бизнеса. 2025. № 1. С. 52–57. DOI 10.18572/2072-3644-2025-1-52-57. — EDN DMRIVY.
11. Шутова А. А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны цифровой безопасности системы здравоохранения: постановка проблемы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2(45). С. 89–97. DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-89-97. EDN VSZOAG.
12. Шутова А. А. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере 3D-биопринтинга // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 757–766. DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-4-757-766. EDN JQAQWW.
13. Шутова А. А. Уголовно-правовая охрана отношений, связанных с созданием и применением технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // Российский следователь. 2024. № 3. С. 46–50. DOI 10.18572/1812-3783-2024-3-46-50. EDN CPNUUN.
14. Шутова А. А. Уголовно-правовое обеспечение безопасности критической цифровой инфраструктуры Российской Федерации (на примере учреждений здравоохранения) // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 9(226). С. 81–94. — DOI 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094. EDN LJRHDY.
15. Шутова А. А. Уголовно-правовое понятие цифровой информации, обращающейся в системе здравоохранения // Российский следователь. 2025. № 4. — С. 45–49. DOI 10.18572/1812-3783-2025-4-45-49. EDN MSDBGX.
16. Шутова А. А. Преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения: понятие, признаки и система // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 79–88.
17. Шутова А. А. Содержание понятия «цифровые технологии», применяемого в системе здравоохранения // Информационное общество. 2025. № 3. С. 58–68.

References

1. Shutova A. A. Criminal risks of medical robot trafficking // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Vol. 17, No. 3. pp. 571–585. DOI 10.21202/2782-2923.2023.3.571-585. EDN HZDUBN.
2. Shutova A. A. Criminal risks of using artificial intelligence technologies in healthcare // Business security. 2024. No. 1. pp. 52–57. — DOI 10.18572/2072-3644-2024-1-52-57. EDN LSZRNv.
3. Shutova A. A. Criminal risks arising in the process of 3D bioprinting // A Russian investigator. 2022. No. 9. pp. 14–17. DOI 10.18572/1812-3783-2022-9-14-17. EDN QKMTQR.
4. Shutova A. A. Medical robots: legal, ethical and social problems // Business security. 2023. No. 3. pp. 39–43. DOI 10.18572/2072-3644-2023-3-39-43. EDN EQCMFG.
5. Shutova A. A. Novelties of criminal legislation on liability for illegal trafficking of personal data // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2024. Vol. 166, No. 6. pp. 122–134. DOI 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134. EDN LXPPWK.
6. Shutova A. A. Ensuring the digital security of the healthcare system by criminal legal means // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Vol. 18, No. 4. pp. 936–953. DOI 10.21202/2782-2923.2024.4.936-953. EDN SHZTFY.
7. Shutova A. A. Application of a risk-based approach to the criminal law provision of digital technologies in the healthcare system // Legal issues. 2026. No. 1 (101). pp. 156–165. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-156-165
8. Shutova A. A. Application of artificial intelligence technologies in healthcare: ethical and legal issues // Legal world. 2024. № 2. pp. 48–53. DOI 10.18572/1811-1475-2024-2-48-53. EDN AJULIJ.
9. Shutova A. A. Application of artificial intelligence technologies in the field of healthcare: criminal law deviations // Law and order: history, theory, practice. 2023. No. 3(38). pp. 92–100. DOI 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100. EDN RKMSGF.
10. Shutova A. A. Problems of ensuring the security of the digital infrastructure of the healthcare system by criminal legal means // Business security. 2025. No. 1. pp. 52–57. DOI 10.18572/2072-3644-2025-1-52-57. — EDN DMRIVY.
11. Shutova A. A. Social conditionality of criminal law protection of digital security of the healthcare system: problem statement // Law and order: history, theory, practice. 2025. No. 2(45). pp. 89–97. DOI 10.47475/2311-696X-2025-45-2-89-97. EDN VSZOAG.
12. Shutova A. A. Criminal law protection of relations in the field of 3D bioprinting // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2022. Vol. 32, No. 4. PP. 757–766. DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-4-757-766. EDN JQAQWW.
13. Shutova A. A. Criminal law protection of relations related to the creation and application of artificial intelligence technologies in healthcare // A Russian

investigator. 2024. No. 3. pp. 46–50. DOI 10.18572/1812-3783-2024-3-46-50. EDN CPNUUN.

14. Shutova A. A. Criminal law security of the critical digital infrastructure of the Russian Federation (on the example of healthcare institutions) // Lex Russica (Russian Law). 2025. Vol. 78, No. 9(226). pp. 81–94. — DOI 10.17803/1729-5920.2025.226.9.081-094. EDN LJRHDY.

15. Shutova A. A. Criminal law concept of digital information circulating in the healthcare system // A Russian investigator. 2025. No. 4. pp. 45–49. DOI 10.18572/1812-3783-2025-4-45-49. EDN MSDBGX.

16. Shutova A. A. Crimes against the digital security of the healthcare system: concept, signs and system // Moscow Law Journal. 2024. No. 3. pp. 79–88.

17. Shutova A. A. The content of the concept of “digital technologies” used in the healthcare system // Information Society. 2025. No. 3. pp. 58–68.

Сведения об авторе

Шутова Альбина Александровна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова. 420111, г. Казань, ул. Московская, 42. E-mail: shutova1993@inbox.ru

Information about the author

Shutova Albina A. — Cand. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov. 420111, Kazan, st. Moskovskaya, 42. E-mail: shutova1993@inbox.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 07.05.2026

Дата рецензирования / Received: 07.05.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.05.2026

Мехдиева Н. Г.

НОТАРИУС — ГАРАНТ ПРАВ ПРИ ОТКРЫТИИ НАСЛЕДСТВА

Аннотация. Каждый человек в период своей жизни хоть один раз обращался к услугам нотариуса. Услуги нотариуса в современной обыденности стали неотъемлемой частью бытия общества. На сегодняшний день невозможно без услуг нотариуса совершать даже незначительные сделки. Данная статья касается сложностей, возникающих при наследовании имущества, места и времени открытия наследства, обязанности нотариуса, лиц, уполномоченных на совершение нотариальных сделок. Целью статьи является дать краткий обзор по открытию наследства по закону и завещанию, места и времени открытия наследства, рассмотреть судебную практику.

Ключевые слова: место и время открытия наследства, коммориенты, наследственное имущество, нотариус.

Для цитирования: Мехдиева Н. Г. Нотариус — гарант прав при открытии наследства // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 131–135. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-131-135

Mehdieva N. G.

THE NOTARY IS THE GUARANTOR OF THE RIGHTS OF INHERITANCE

Abstract. Every person in their lifetime has at least once used the services of a notary. In today's world, notary services have become an integral part of society. Even minor transactions require the services of a notary. This article focuses on the challenges associated with inheritance, including the location and timing of the inheritance, the responsibilities of the notary, and the individuals authorized to conduct notary transactions. The aim of this article is to provide a brief overview of the legal and testamentary procedures for opening an inheritance, the location and timing of the inheritance, and to examine relevant court cases.

Keywords: place and time of inheritance opening, commemoration, inheritance property, and notary.

For citationn: Mekhdieva N. G. The Notary is the Guarantor of the Rights of Inheritance. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 131–135. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-131-135

Законодательство о нотариате развивалось в условиях изменения потребностей хозяйственного оборота и динамики правовых основ а также трансформации общественных отношений политических режимов и идеологий [2].

Нотариус — это должностное лицо уполномоченное заверять сделки, удостоверить доверенности, вести производство по наследственным делам и других нотариальных действий предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Более подробно остановимся на участие нотариуса при открытии наследства.

Наследование открывается в связи со смертью гражданина или признание его таковым по решению суда. Подтверждение судом гражданина умершим осуществляется, если на протяжении 5 лет никакого известия в месте его постоянного жительства о лице не имеется. Срок до 6 месяцев сокращается, при подозрении, на причину, угрожающую жизни и здоровью пропавшего гражданина. При пропаже военнотружа-

щих в зоне боевых действий, суд объявляет гражданина умершим, после двух лет по окончании боевых действий ст. 45 ГК РФ¹.

Нотариус, уполномоченный вести наследственное производство, обязуется не позднее одного дня, следующего за днем открытия наследства, вести проверку в единой информационной системе нотариата на присутствии данных о составленном завещании и его содержании ст. 60.1 Основ². Если наследство открывается, нотариус сообщает наследникам об открытии наследства. При отсутствии адреса наследников у нотариуса, то нотариус делает сообщение в СМИ. После открытия наследства, нотариус запрашивает кредитные истории наследодателя и передает данные сведения наследникам. По месту открытия наследства нотариус, уполномочен принимать заявления о принятии или об отказе от наследства, а также претензии от кредиторов наследодателя, если таковые имеются. При признании наследодателя банкротом, то опись наследственного имущества не производится. Если нотариус стало известно из содержания завещания о создании фонда, то нотариус обязан поставить лиц указанных в завещании в известность³.

В соответствии со ст. 64 Основ, нотариус по месту открытия наследства, принимает меры для охраны наследственного имущества. К имуществу находящихся в разных местах, нотариусом по месту открытия наследства дается поручение другим нотариусам, об охране наследственного имущества, и составляется опись наследственного имущества. При отсутствии нотариуса в соответствующей местности указание на охрану наследственного имущества даётся должностному лицу уполномоченному совершать нотариальные действия. В свою очередь нотариус или должностное лицо принявшее меры по охране имущества обязан составить акт описи имущества и оповестить об этом нотариуса открывшего наследственное производство⁴.

¹ Гражданский Кодекс Российской Федерации. Электронный ресурс, дата обращения 17.03.2026 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/b1eb518de03f10ae323b0d7cc7c648c1a15dd2da/

² Основы законодательства о нотариате. Гарант. Электронный ресурс, дата обращения 21.03.2026 г. <https://garant.ru/10102426/>

³ Там же.

⁴ Там же.

Нотариусом по месту открытия наследства, выдаётся свидетельство о праве на наследство его наследникам. На выдачу свидетельства о праве на наследство, претендуют наследники, которые написали письменное заявление и приняли наследство в соответствии с нормами Гражданского кодекса. Наследственное производство открывается нотариусом, при предоставлении свидетельства о смерти наследодателя, которое выдаётся органами загса. При выдаче свидетельства о праве на наследство, нотариус может осуществить запрос в межведомственные электронные взаимодействия и единую информационную систему нотариата, с целью удостоверить документы на наличие подлинности. Исключением является документы составленные за пределами Российской Федерации и соответствующие требованиям настоящих Основ.

При выдаче свидетельства о праве на наследство по завещанию, нотариус осуществляет проверку: время и место открытия наследства, достоверность свидетельства о смерти наследодателя, завещание, наследственное имущество, место наследственного имущества, состав наследственного имущества, устанавливает наследников имеющих право на обязательную долю⁵.

При выдаче свидетельства о праве на наследство по закону, нотариус проверяет: время и место открытия наследства, достоверность свидетельства о смерти наследодателя, по каким основаниям наследники призываются к наследству, родственная связь, состав и место нахождения имущества [1]. Действия нотариуса после вручения свидетельства должны быть направлены на передачу необходимых документов в орган регистрации прав. Передачу документов необходимо совершить не позднее окончания рабочего дня в электронной форме. При отсутствии наследников по закону и по завещанию, наследство признается выморочным и нотариус по месту открытия наследства выдает свидетельство о праве на наследство государственному органу.

На долю в праве собственности в общем имуществе супругов, нотариус выдает свидетельство о праве на наследство, по заявлению пережившего супруга. При этом нотариус ставит в известность и остальных наследников принявших на-

⁵ Основы законодательства о нотариате. Гарант. Электронный ресурс, дата обращения 21.03.2026 г. <https://garant.ru/10102426/>

следство. Свидетельство о праве собственности выдается на половину общего имущества.

Выдача свидетельства о праве на временное управление автомашиной пережившего супруга погибшего при СВО, осуществляется нотариусом по месту открытия наследства. При этом имеет место соблюдение срока для принятия наследства и письменное заявление пережившего супруга ст. 75.1 Основ.

При желании наследников и наличия заявления, нотариус при открытии наследства может выдать свидетельство о праве на наследство, каждому наследнику по отдельности или всем вместе, как на все имущество, так и по отдельности. Если свидетельство о праве на наследство выдается несовершеннолетнему или недееспособному наследнику, то нотариус уведомляет органы опеки и попечительства по месту жительства наследника несовершеннолетнего или недееспособного. В данном случае действия нотариуса связано с охраной имущества наследников, которые не являются совершеннолетними и дееспособными. Если наследник или наследники пропустили срок для принятия наследства, то для включения их в свидетельство о праве на наследство необходимо согласия остальных принявших наследство наследников, при условии письменной формы до выдачи свидетельства о праве на наследство. Действия нотариуса, выдавшего свидетельство о праве на наследство, должны быть четко сформулированы и в течении дня переданы посредством электронной формы, в орган регистрации прав.

Далее можно рассмотреть судебную практику: по делу о признании места открытия наследства. В суд с иском заявлением обратилась Кувалева Р., которая желает реализовать свои наследственные права, после смерти ее родного брата. Кувалев Т., умер наследников у него не имеется кроме родной сестры. В собственности у Кувалева Т., имеется гараж. Наследодатель был зарегистрирован и проживал по временной регистрации, которая истекла до смерти наследодателя. Истцу нужно определить место открытия наследства для реализации своих наследственных прав. На основании ст. 1112, ст. 1113, ст. 1114, ст. 1115, ст. 1142, ст. 1154 ГК РФ. В соответствии п. 9 ч. 1 ст. 264 ГПК РФ место открытия наследства может быть решен в судебном порядке. В соответствии с абз. 3 п. 17 Постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», суд может принимать во внимание: продолжительность местожительства наследодателя в период открытия наследства, расположение имущественной собственности и другие факторы доказывающие об основном местожительстве наследодателя в период открытия наследства. На основании п. 1 ст. 1152, ст. 1153 ГК РФ и руководствуясь статьями: 194, 199 ГПК суд решил признать местом открытия наследства, место расположения гаража¹. Постановлением пленума № 9 п. 12, указывает на наследственные правоотношения², упорядочивающиеся нормами, действующими на день открытия наследства. К ним можно отнести: очередность и время принятия наследства, совокупность имущества, наследную группу. На основании ФЗ — № 147 от 26.11.2001 г. «О введении в действие ч. 3 ГК РФ»³ исключениями признаются ст. 6, 7, 8, 8, 1.

Принятие наследства, отказ от наследства, размер государственной пошлины, имеют непосредственную зависимость от времени открытия наследства. В соответствии п. 2 ст. 1114 ГК РФ [3] комментаторы не наследуют друг после друга, нотариус заводит наследственное дело на каждого и в данном случае наследники призываются после каждого из них. Смерть наследодателей, наступившая в одни календарные сутки, считается одновременной смертью. На основании ФЗ — N 107, ст. 2, ст. 4 от 3 июня 2011 г. — ФЗ «Об исчислении времени», календарным днем считается время продолжительностью в 24 часа, при том, что начало дня и окончание дня равно 00 часам, 00 минутам, 00 секундам. Когда наследодатели умирают друг после друга, с разницей между ними составляющей сутки, то считается, что второй наследник умер после первого наследника. [1]

Рассмотрим гражданское дело по иску Шираповой Р., Шираповой К., к Руманову К., Румановой З., о включении имуще-

¹ Судебная практика // дата обращения 04.04.2026. <https://sudact.ru/regular/doc/KZgEg0eOzW14/>

² Пленум Верховного суда Российской Федерации. Постановление от 29.05.2012 г. № 9. «О судебной практике по делам о наследовании» // <https://sudact.ru/regular/doc/KZgEg0eOzW14/>

³ Федеральный закон № 147 от 26.11.2001 г. «О введении в действие ч. 3 ГК РФ». Электронный ресурс, дата обращения 17.03.2026 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34148/6a73a7e61adc45fc3dd224c0e7194a1392c8b071/

ства в наследственную массу. В дорожно-транспортном происшествии погибли Руманова Б., Руманов Т., супруги наследодатели. Ширапова Р., является матерью погибшей, а Ширапова К., является дочерью погибшей наследодательницы от первого брака, они являются наследниками по закону первой очереди. Руманов К., Руманова З., являются детьми от первого брака погибшего наследодателя, они являются наследниками по закону первой очереди. Как выяснилось Руманову Т. и Румановой Б., принадлежала квартира, земельный участок, машина, сбережения в банке, кредит в банке. Истцы просят включить в наследственную массу все имущество и кредит. Согласно ст. 1110, ст. 1111, ст. 1112, ст. 1113, ст. 1114, ст. 1116 ГК РФ. В силу п. 1, 2, ст. 1141, ст. 1142–1145, ст. 1148 ГК РФ. На основании ст. 1150, ст. 256, и п. 4, ст. 256 ГК РФ, п. 2 ст. 256 ГК РФ, ст. 36 СК РФ, п. 1 ст. 33 СК РФ, п. 2 ст. 34 СК РФ, п. 1 ст. 36 СК РФ. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что квартиру Романов Т., приобрел до брака, поэтому в наследственную массу квартира не входит. Машина, земельный участок, сбережения в банке, были приобретены во время брака, поэтому они включаются в наследственную массу. Кредит принадлежал Румановой Б., нет подтверждений, что деньги были расходованы на семью, поэтому не включается в наследственную массу. При таких обстоятельствах руководствуясь статьями 194–199 ГПК РФ, суд исковые требования Шираповой Р., Шираповой К., удовлетворил частично. Включил в состав наследственного имущества после Румановой Т., долю на машину, долю на земельный участок, долю на денежные средства. Отказано о включении в наследственную массу: долю на квартиру, отказано о включении в наследственную массу: кредита.

Рассмотрим судебную практику определение места открытия наследства. Кирманов А., обратился в суд с иском об установлении места открытия наследства оставшееся после его родной сестры Кирмановой К. Кирманова К., умерла у нее в собственности находиться квартира, дача, сбережения на банковском счете. Родственников у нее не было, кроме родного брата. Наследодатель была зарегистрирована по адресу квартиры, которая

принадлежала ей на праве собственности, но по решению суда ее выписали решением суда. Однако наследодатель проживала в своей квартире, без регистрации. Нотариус отказался открывать наследство в виду отсутствия постоянной регистрации и рекомендовал обратиться в суд. На основании п. 9, ч. 2, ст. 264 ГПК РФ, ст. 1115 ГК РФ, ст. 20 ГК РФ, п. 17 Постановления пленума Верховного суда, ч. 2,4 ст. 1 ЖК РФ, ч. 2,3 ст. 2 и ч. 2,4, ст. 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 года N 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Руководствуясь п. 9 ч. 2 ст. 264, ст. ст. 194–199 ГПК РФ, суд решил. Заявление Кирманова А., об установлении места открытия наследства удовлетворить. Установить место открытия наследства после смерти Кирмановой К., по месту постоянного проживания.

При обстоятельствах, когда наследодатель и наследник по закону умирают в один и тот же день т. е. одновременно, то доля наследника переходит по праву представления к его потомкам. Наследование по праву представления в Отечественном законодательстве, имеет место при наследовании по закону. Если одновременно умирают наследодатель и единственный наследник по завещанию, то действующее законодательство предусматривает наступление наследования по закону. В случае отсутствия у наследодателя наследников по завещанию и по закону, то все имущество переходит к государству, как выморочное имущество.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующий вывод в том, что наследство открывается нотариусом, в связи со смертью наследодателя. Место и время открытия наследства играют важную роль в принятии наследства в Отечественном законодательстве. Деятельность нотариусов при производстве наследственного дела требует концентрации внимания. Деятельность нотариусов при производстве наследственных дел нуждается в модернизации, а именно внедрение удаленных завещаний и упрощение процедуры принятия наследства по закону.

Литература

1. Курбанов Р. А., Шведкова О. В. Наследственное право учебник // Проспект. 2022. С. 192.
2. Михалуков А. Н. История нотариата как формы правовой защиты. Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 3. С. 57.

References

1. Kurbanov R. A., Shvedkova O. V. Inheritance law textbook // Prospect. 2022. P. 192.
2. Mikhelukov A. N. The history of the notary as a form of legal protection. Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2024. No. 3. p. 57.

Сведения об авторе

Мехдиева Наида Гаджимурадовна — аспирант 4 года обучения Калмыцкого государственного университета г. Элиста, проспект О. И. Городовикова 3. E-mail: mehdievanaida@mail.ru

Information about the authors

Mehdiyeva Naida Gadzhimuradovna — 4-year postgraduate student at Kalmyk State University, Elista, O. I. Gorodovikov Avenue 3. E-mail: mehdievanaida@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 17.05.2026

Дата рецензирования / Received: 19.05.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.06.2026

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ: ПОИСК БАЛАНСА

Аннотация. В статье рассматривается соотношение публичного интереса государства в сфере национальной безопасности и индивидуальных процессуальных гарантий иностранных граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство России, а также правовые и организационные коллизии, возникающие при реализации иностранными лицами своих процессуальных прав в условиях действующего миграционного законодательства.

В статье обосновывается авторская концепция дифференцированного подхода к процессуальному статусу иностранных граждан, находящихся в реестре контролируемых лиц, развивающая теоретическую позицию о необходимости равноправия сторон в уголовном процессе. В отличие от существующих подходов, рассматривающих административно-правовой статус «контролируемого лица» как безусловное основание для ограничения процессуальных гарантий, доказывается необходимость четкого разграничения публично-правовых и уголовно-процессуальных режимов. Предложен авторский подход к внедрению механизмов, позволяющих синхронизировать требования миграционного законодательства с конституционным правом на квалифицированную юридическую помощь и презумпцией невиновности.

В заключении автор приходит к выводу о том, что выявленные коллизии между административно-репрессивной логикой миграционного контроля и индивидуализированным подходом, требуемым уголовным судопроизводством, требуют системного законодательного решения. Предложен комплекс мер, включающий внесение изменений в ст. 97, 106 УПК РФ, а также в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ», направленных на обеспечение процессуального иммунитета для реализации права на защиту. Практическая значимость работы заключается в разработке конкретных рекомендаций для следователей и дознавателей по оценке статуса «контролируемого лица» при избрании мер пресечения.

Ключевые слова: национальная безопасность, иностранные граждане, уголовный процесс, процессуальные гарантии, реестр контролируемых лиц, меры пресечения, презумпция невиновности, квалифицированная юридическая помощь.

Для цитирования: Татьяна Л. Г. Обеспечение национальной безопасности и процессуальные гарантии иностранных граждан в уголовном процессе РФ: поиск баланса // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 136–142. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-136-142

Tatyanina L. G.

ENSURING NATIONAL SECURITY AND PROCEDURAL GUARANTEES FOR FOREIGN CITIZENS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: STRIKING A BALANCE

Abstract. *The article examines the correlation between the public interest of the state in the sphere of national security and the individual procedural guarantees of foreign citizens involved in Russian criminal proceedings, as well as the legal and organizational conflicts arising when foreign nationals exercise their procedural rights under the current migration legislation.*

The article substantiates the author's concept of a differentiated approach to the procedural status of foreign citizens included in the register of controlled persons, developing the theoretical position on the need for equality of arms in criminal proceedings. In contrast to existing approaches that view the administrative-legal status of a "controlled person" as an unconditional ground for restricting procedural guarantees, the article argues for the necessity of clearly delineating public-law and criminal-procedural regimes. The author proposes an original approach to introducing mechanisms that enable the synchronization of migration law requirements with the constitutional right to qualified legal assistance and the presumption of innocence.

In conclusion, the author contends that the identified conflicts between the administrative-repressive logic of migration control and the individualized approach required by criminal justice call for a systemic legislative solution. A set of measures is proposed, including amendments to Articles 97 and 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as to the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation," aimed at ensuring procedural immunity for the exercise of the right to defense. The practical significance of the work lies in developing specific recommendations for investigators and inquest officers regarding the assessment of the status of a "controlled person" when selecting preventive measures.

Keywords: *national security, foreign citizens, criminal procedure, procedural guarantees, register of controlled persons, preventive measures, presumption of innocence, qualified legal assistance.*

For citation: Tatyanina L. G. Ensuring National Security and Procedural Guarantees for Foreign Citizens in Russian Criminal Procedure: Striking a Balance. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 2 (102). P. 136–142. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-136-142

Введение. Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации в отношении иностранных граждан развивается в двух противоположных, но объективно обусловленных направлениях. С одной стороны, ужесточение миграционного законодательства (Федеральный закон № 260-ФЗ, введение реестра контролируемых лиц, расширение оснований для депортации и высылки) рассматривается государством как необходимая мера для противодействия незаконной миграции¹. С другой стороны, Конституция

РФ (ст. 19, 46, 123) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ провозглашают принцип равенства всех перед законом и судом независимо от гражданства².

В своих предыдущих исследованиях мною неоднократно обращалось внимание на то, что современный уголовный процесс Российской Федерации, провозглашая состязательность сторон, тем не менее содержит ряд дискуссионных положений,

тельные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31. Ст. 5738.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

¹ Федеральный закон от 31.07.2023 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законода-

препятствующих реальному равноправию участников судопроизводства. Отнесение к стороне обвинения прокурора, следователя, дознавателя представляется необоснованным, противоречащим сущности состязательности и равноправия, поскольку указанные субъекты реализуют властные полномочия [1]. Сторонами в уголовном процессе следует рассматривать только участников уголовно-правового конфликта, которые в ходе производства по уголовному делу обладают равными правами.

Как справедливо отмечает Е. В. Мищенко, правовой статус личности, не обеспеченный определенными правовыми гарантиями (в форме закрепленных в нормах права средств) реализации, будет носить декларированный, формальный характер [2]. Под правовыми, юридическими гарантиями понимаются закрепленные законодательством: конкретизация пределов (границ) прав и обязанностей; установление юридических фактов, с которыми связывается их реализация; определение процессуально-процедурных форм реализации прав, свобод и обязанностей, законных интересов; меры поощрения и льготы для стимулирования эффективной их реализации.

Проблема заключается в том, что миграционные режимы и уголовно-процессуальные режимы не синхронизированы. Возникает «конфликт норм»: административно-правовой статус «контролируемого лица» начинает использоваться в уголовном процессе как обстоятельство, отягчающее процессуальное положение иностранца, без четкого законодательного обоснования. В связи с этим цель настоящей работы — выявить точки столкновения режима национальной безопасности (через миграционный контроль) и процессуальных гарантий иностранных граждан, а также предложить пути гармонизации этих двух сфер.

Режим национальной безопасности как фактор ограничения прав: административная преюдиция в уголовном процессе? Ключевым нововведением стало создание реестра контролируемых лиц (РКЛ). Включение в него иностранного гражданина влечет серьезные ограничения: запрет на выезд за пределы субъекта РФ без разрешения, обязанность регулярно отмечаться, ограничения в распоряжении имуществом и доступе к отдельным услугам.

Как справедливо отмечает А. И. Земскова, иностранцы, как участники право-

отношений, наделяются специальным правовым статусом в силу их принадлежности другому государству. При этом принадлежность лица к другому государству в большинстве случаев ставит под вопрос как свободное владение языком, на котором ведется судопроизводство, так и объем знаний о национальных особенностях уголовно-процессуальных процедур [3]. Все это затрудняет процесс восприятия и передачи иностранным лицом информации, имеющей процессуальное значение, и может негативно сказаться на возможности самостоятельно и в полном объеме реализовывать свои права.

Когда такое лицо становится подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, возникает соблазн автоматически рассматривать сам факт нахождения в РКЛ как доказательство его «склонности скрыться» или «воспрепятствовать следствию» в смысле ст. 97 УПК РФ. Однако такой подход не выдерживает критики.

Во-первых, это нарушает презумпцию невиновности (ст. 14 УПК РФ). Сам по себе статус «контролируемого лица» — это административная мера, основанная на нарушении правил пребывания. Она не свидетельствует о виновности или невиновности по конкретному уголовному делу. Использование этого статуса как аргумента для избрания заключения под стражу означает, что лицо фактически наказывается «дважды»: административно (ограничения РКЛ) и уголовно-процессуально.

Во-вторых, это противоречит позиции Пленума Верховного Суда РФ. Согласно разъяснениям, суды обязаны проверять законность и обоснованность избрания меры пресечения, мотивировать невозможность применения более мягких мер¹. Однако практика идет по иному пути: наличие РКЛ часто подменяет собой реальный анализ рисков, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

В-третьих, возникает логический парадокс ограничения передвижения. Если лицо и так не может покинуть регион проживания в силу режима РКЛ, то аргумент о том, что оно скроется за границу, теряет свою силу. Следователи и суды, игнорируя этот факт, делают статус «контролируемого лица» не смягчающим, а отягчающим

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 43 от 23 декабря 2025 года «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 1.

обстоятельством, что абсурдно с точки зрения логики.

Право на защиту в условиях миграционного режима: реальные препятствия. Вторая группа проблем связана с реализацией права на защиту (ст. 16 УПК РФ, ст. 48 Конституции РФ). Административные ограничения РКЛ создают следующие практические трудности.

Во-первых, доступ к адвокату. Режим контролируемого лица может включать запрет на смену места жительства без уведомления и нахождение в определенных местах. Однако защитник может потребовать конфиденциальной встречи в офисе адвокатского образования, расположенном за пределами разрешенной для передвижения территории. Закон не содержит механизма «процессуального иммунитета», который позволял бы иностранному гражданину временно нарушать ограничения РКЛ для реализации права на защиту. Формально каждое такое перемещение является административным правонарушением.

Ранее мною отмечалось, что защита и представление интересов сторон являются формами квалифицированной юридической помощи, в связи с чем в качестве защитника и представителя в уголовном деле должны выступать только адвокаты. Иные лица, в том числе родственники, могут выступать только наряду с адвокатом-защитником и адвокатом-представителем [1]. Недопустимость замены квалифицированного адвоката-защитника или адвоката-представителя связана с необходимостью обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь.

Как отмечают Е. Н. Петухов и Т. А. Ханов, обязанности субъектов уголовного процесса можно рассматривать и как правовые средства, которые выступают в виде гарантий, обеспечивающих осуществление уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства [4]. Надлежащее исполнение названных обязанностей, возложенных законодателем на участника уголовного процесса, отвечает и собственным интересам этого правообязанного субъекта. В связи с этим представляется необходимым установить обязанность органов предварительного расследования обеспечивать возможность реализации иностранным гражданином права на защиту вне зависимости от его административно-правового статуса.

Во-вторых, языковой барьер и качество перевода. Проблема усугубляется тем, что

многие иностранцы не владеют русским языком на достаточном уровне. Статья 18 УПК РФ гарантирует право пользоваться родным языком и услугами переводчика бесплатно. Однако на практике качество перевода, особенно в условиях, когда иностранец находится в РКЛ и ограничен в контактах, оставляет желать лучшего. Как справедливо отмечает А. И. Земскова, факт принадлежности лица к категории «иностранец» является определенным маркером того, что данное лицо — из «группы риска», а значит необходима проверка его когнитивных способностей быть надлежащим участником уголовного судопроизводства [3].

Обоснованно мнение Л. В. Кокоревай, В. А. Кузнецова и Е. В. Кузнецовой о том, что содержание ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 96 УПК РФ явно противоречит принципу языка в уголовном судопроизводстве (ст. 18 УПК РФ), что является недопустимым [5]. В частности, право задержанного на телефонный разговор для уведомления близких родственников о своем задержании предусмотрено на русском языке, что исключает возможность реализации данного права лицами, не владеющими русским языком. Данная коллизия требует незамедлительного устранения.

В-третьих, уведомление консульских учреждений. В соответствии со ст. 96 УПК РФ о задержании иностранного гражданина должны быть уведомлены его дипломатические представительства. Однако в отношении лиц из «недружественных» государств эта норма часто игнорируется под предлогом того, что консульские функции приостановлены. В результате иностранец лишается возможности получить консульскую поддержку, что для многих является единственным реальным каналом защиты своих прав за рубежом [6].

Проблемы доказывания и презумпция невиновности. Анализ судебной практики показывает, что в делах о незаконной миграции часто нарушается стандарт доказывания. В одном из решений суд обоснованно указал, что сам по себе факт заключения фиктивных трудовых договоров с иностранцем не может считаться доказательством состава преступления по ст. 322.1 УК РФ, если в обвинительном заключении не конкретизировано: когда, с кем и с какой целью заключались эти договоры, а также каковы их юридические последствия.

В проекции на нашу тему это означает, что статус «контролируемого лица» не дол-

жен подменять доказывание. Однако на практике следователи часто идут по пути наименьшего сопротивления: раз иностранец находится в РКЛ, значит, он уже «проблемный», и его вина в совершении иного преступления представляется предreshенной. Это грубое нарушение презумпции невиновности.

Как ранее неоднократно я подчеркивала, что следователь, дознаватель, прокурор изначально осуществляют правозащитную деятельность, которая заключается в обязанности обеспечить качественное производство предварительного расследования, не допускающее нарушения прав представителей конфликтующих сторон. Для следователя и дознавателя осуществление уголовного преследования связано с защитой прав как потерпевшего, так и подозреваемого, обвиняемого [7]. Нарушение защиты прав потерпевшего, выразившееся в неустановлении виновного лица либо в невозможности его привлечения к уголовной ответственности в связи с некачественным расследованием, не влечет за собой никаких негативных последствий в отношении правоприменителя, но ставит в незащищенное состояние потерпевшего.

Пути гармонизации: от конфликта к балансу. Для преодоления описанных коллизий представляется необходимым выполнение следующих мер, сочетающих интересы национальной безопасности и процессуальные гарантии.

Во-первых, необходимо внесение изменений в УПК РФ. Предлагается дополнить ст. 97 УПК РФ «Основания для избрания меры пресечения» примечанием следующего содержания:

«Нахождение лица в реестре контролируемых лиц, предусмотренном миграционным законодательством, не может рассматриваться как безусловное доказательство наличия рисков, указанных в части первой настоящей статьи, если только следователем или судом не будут установлены конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие, что административные ограничения, наложенные на данное лицо, не препятствуют реализации таких рисков».

Кроме того, необходимо предоставить право потерпевшему, его представителю, защитнику заявлять ходатайство о признании нарушения положений УПК РФ при получении доказательств в ходе досудебного производства. Ранее мною было обобщено, что потерпевший и защитник

оказались лишенными права заявлять ходатайство о признании доказательства недопустимым, что ставит под сомнение равенство прав сторон при реализации принципа состязательности [7]. Как отмечает Е. Н. Петухов и Т. А. Ханов, обязанности и права в своей совокупности составляют основу процессуального статуса всякого субъекта уголовно-процессуальных отношений [4]. В связи с чем представляется необходимым расширить круг лиц, обладающих правом заявления ходатайств, связанных с нарушением положений УПК РФ при получении доказательств.

Во-вторых, необходимо принять отдельное разъяснение по делам с участием иностранных граждан. В нем следует указать, что:

- суды обязаны проверять, не приведет ли избрание заключения под стражу к невозможности получения консульской помощи;

- статус «контролируемого лица» подлежит оценке наряду с другими обстоятельствами (семья, работа, наличие жилья);

- нарушение миграционного режима само по себе не является основанием для автоматического отказа в залоге или домашнем аресте.

В-третьих, внести дополнение в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» следующего содержания:

«Перемещения иностранного гражданина, находящегося в реестре контролируемых лиц, связанные с явкой к дознавателю, следователю, прокурору, в суд, к адвокату или участием в следственных и иных процессуальных действиях, не являются нарушением режима контролируемого лица при условии документального подтверждения (повестка, постановление, определение, ордер адвоката)».

В-четвертых, рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде РФ создать реестр сертифицированных переводчиков для участия в уголовных делах с участием иностранных граждан, а также утвердить минимальные требования к проверке их компетенции [8]. Как справедливо отмечают Л. В. Кокорева, В. А. Кузнецов и Е. В. Кузнецова, подозреваемый вправе пользоваться помощью переводчика бесплатно, однако механизм реализации данного права на практике остается несовершенным [5]. Участие квалифицированного переводчика является гарантией реализации права на защиту, в связи с чем необ-

ходимо законодательно закрепить требования к переводчикам, участвующим в уголовном судопроизводстве.

Заключение. Обеспечение национальной безопасности и защита процессуальных прав иностранных граждан в уголовном процессе РФ не находятся в непримиримом противоречии. Конфликт возникает не на уровне принципов, а на уровне правоприменения, где административно-репрессивная логика миграционного контроля подменяет собой индивидуализированный подход, требуемый уголовным судопроизводством.

Обоснованно отмечает Е. В. Мищенко, «уголовно-процессуальная форма выступает в качестве одной из гарантий правильного разрешения дела, именно в ней закреплены выработанные в теории и апробированные на практике способы установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу» [2]. Любое отступление от процессуальной формы, как правило, означает нарушение основополагающего принципа уголовного судопроизводства — принципа законности. В связи с этим представляется недопустимым использование административно-правового статуса «контролируемого лица» в качестве основания

для отступления от процессуальных гарантий, предусмотренных УПК РФ.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ задает верный вектор: на усиление качества рассмотрения судом ходатайств о применении мер пресечения, отказ от автоматизма при их избрании и необходимость мотивировки принимаемых решений. Однако этого недостаточно. Требуются системные изменения в УПК РФ и миграционном законодательстве, которые установят четкие границы использования административного статуса «контролируемого лица» в уголовном процессе.

Без такой гармонизации Россия рискует столкнуться с ростом числа жалоб в международные судебные инстанции и, что более важно, с размыванием фундаментальных принципов правосудия в отношении целой категории лиц, чей правовой статус и так уже ограничен. Государство вправе защищать свои границы и бороться с незаконной миграцией. Но эта борьба должна вестись правовыми средствами, не разрушающими основу уголовного процесса — презумпцию невиновности и право на справедливое судебное разбирательство. Только такой подход обеспечит подлинную, а не декларативную национальную безопасность.

Литература

1. Татьяна Л. Г. Обеспечение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве в свете положений Конституции РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, вып. 6. С. 130–135.
2. Мищенко Е. В. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения правового статуса личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 117–122. EDN: MLZPTH
3. Земскова А. И. Гражданская принадлежность как криминалистически значимая информация при расследовании преступлений с участием иностранных граждан // Legal Concept. 2020. Т. 19. № 1. С. 126–131. DOI: 10.15688/Is.jvolsu.2020.1.18 EDN: GKKNF
4. Петухов Е. Н., Ханов Т. А. Уголовно-процессуальные обязанности как гарантии осуществления уголовно-процессуальных прав // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2016. № 1. С. 57–60.
5. Кокорева Л. В., Кузнецов В. А., Кузнецова Е. В. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав подозреваемого при задержании // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 81–83.
6. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении // Юрист-Правовед. 2025. № 3(114). С. 208–214. EDN: YJGFRT
7. Татьяна Л. Г. Оценка доказательств по ходатайству подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2024. № 1. С. 99–103. EDN: PWVPDI
8. Татьяна Л. Г., Тензина Е. Ф. Производство следственных действий с использованием видео-конференц-связи // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, вып. 6. С. 1165–1171. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-6-1165-1171 EDN: VLCYYL

References

1. Tatyana L. G. Providing Qualified Legal Assistance in Criminal Proceedings in Light of the Provisions of the Constitution of the Russian Federation // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2025. Vol. 35, issue. 6. P. 130–135.
2. Mishchenko E. V. Criminal-procedural guarantees for ensuring the legal status of an individual // Bulletin of the Orenburg State University. 2010. No. 3 (109). P. 117–122. EDN: MLZPTH
3. Zemskova A. I. Citizenship as forensically significant information in the investigation of crimes involving foreign citizens // Legal Concept. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 126–131. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.1.18 EDN: GKKNF
4. Petukhov E. N., Khanov T. A. Criminal Procedural Obligations as Guarantees for the Exercise of Criminal Procedural Rights // Legal Thought in Education, Science, and Practice. 2016. No. 1. pp. 57–60.
5. Kokoreva L. V., Kuznetsov V. A., Kuznetsova E. V. Criminal-procedural guarantees for ensuring the rights of a suspect during detention // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (33). Pp. 81–83.
6. Teplenko A. N. Features of representation of foreign citizens at the stage of receiving and registering a crime report // Jurist-Pravoved. 2025. No. 3 (114). Pp. 208–214. EDN: YJGFRT
7. Tatyana L. G. Evaluation of evidence at the request of a suspect or accused in pre-trial proceedings // Works of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law Academy. 2024. No. 1. Pp. 99–103. EDN: PWVPDI
8. Tatyana L. G., Tensina E. F. Investigative actions using video conferencing // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2025. Vol. 35, issue 6. Pp. 1165–1171. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-6-1165-1171 EDN: VLCYLL

Сведения об авторе

Татьянина Лариса Геннадьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4. E-mail: larisa-lisa@mail.ru.

Information about the author

Tatyana Larisa Gennadyevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science at Udmurt State University; 1, Bldg. 4, Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russia. E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 19.06.2026.

Дата рецензирования / Received: 20.06.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 21.06.2026

Материалы к публикации отправлять по адресу:
problemiprava28@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10

Издатель и учредитель: Коллегия Адвокатов г. Челябинска
Адрес редакции: Россия, 454091, г. Челябинск ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10
Подписано в печать 27.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 19,3. Тираж 50 экз.
Заказ
Цена свободная.
Отпечатано в типографии «Активист».
Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 74Б